

МЕРТВОМУ СМЕРТЬ

1

Елена Труфанова

Annotation

Если узнаете, что в вашем городе воскресают умершие — не спешите радоваться. Значит, у вас есть всего пара месяцев на то, чтобы найти и уничтожить логово монстров, для которых люди — лишь пища и источник новый тел.

Елена Труфанова

Мертвому — смерть

Глава 1. Одинокий ронин

Нет ничего хуже, чем ждать. Особенно, если в конце ожидания тебя вполне может встретить смерть.

Данила с бригадой уже больше часа томились возле трассы, напряженно всматриваясь в кромку видневшегося леса. Они ждали волка. Даже не просто волка, а Волка, потому как ради обычного взбесившегося паранорма в такую глушь не согнали бы больше сотни конторщиков.

— А может, это вовсе и не волк? А сбежавший из секретного бункера плод неудачных экспериментов? — хихикнул Илья, закуривая очередную сигарету. — И перед побегом он успел прихватить с собой все ценное, что нашел в бункере, изнасиловать пару лаборанток и нагадить директору в тапки. Иначе какого хрена за ним весь Надзор гоняется?

— Или, может, это первый паранорм со способностью к направленному преобразению вещества! — выдвинула свою версию Алиса и, видя недоуменный взгляд Вадима пояснила: — ходячий философский камень.

— Больше похоже на прибывшего из будущего терминатора. Признавайтесь, никто из вас втайне не мечтал вырастить вождя сопротивления в борьбе людей с машинами? — не остался в стороне Вадим.

— Принц наш, стопудово, — кивнул рыжий, — от него такой подлости точно никто не ждет.

Все засмеялись. Проходящий мимо волкодав хмуро посмотрел на Данилу, допускающего такое разгильдяйское поведение, но начальник пятой бригады проигнорировал его: ожидание уже успело порядком всех измучить, а через смех ребята просто сбрасывали напряжение. В этот момент Даниле остро не хватало Ольги, возможно, она смогла быть хоть немного прояснить происходящее. Но Волкову вместе с Марком забрали сторожить участок в трехстах метрах левее, именно там, по мнению высокого начальства, волк попытается прорвать их оборону.

Этот беглец настораживал Данилу сильнее, чем знаменитый терминатор Горецкого до их личного знакомства. В первую очередь тем, что материализовался из ниоткуда и отправился убивать тренированных волкодавов, тоже не пойми как оказавшихся в лесу. И к делу своему волк отнесся со всем старанием: за неполные два часа он уничтожил больше двадцати волкодавов, и еще столько же были найдены с разного рода ранениями. Даже если брать по минимальным показателям эффективности бойцов, то неизвестный волк за одну схватку успевал набрать от сорока до шестидесяти УДЕ. Жуткая, нереальная цифра. Правильно, что стоящим в оцеплении ее предпочитали не озвучивать. И если бы не Елисей, только ему понятным способом подслушивающий переговоры руководства, Горецкий бы тоже пребывал в блаженном неведении.

Пугало его даже не само количество условно-деструктурируемых единиц, а то, что волк добывал их буквально голыми руками. Среди всех пострадавших не было ни одного пораженного каким-нибудь оружием или Стихией. Только удары, царапины и укусы. Так что волк вполне мог оказаться зверем в прямом смысле этого слова. Или просто ненормальным, перепившим мутагенов. Из мыслей Данилу выдернул звонок мобильного телефона — Волкова словно бы почувствовала настроение начальника и решила его еще немного подпортить. Стоило только Горецкому ответить, как в трубку скороговоркой полетели

слова:

— Мамуля, привет! К тебе через пару минут придут гости! Ты скажи Лене, чтобы забрала у тебя библиотечную книгу на правой верхней полке, на левую пусть не лезет, та и так еле держится, поломается скоро. Вальке-дуре передай, что когда будет читать, пусть ее поближе к носу держит, а то там буквы мелкие. Мамуль, ты главное смотри, чтобы они с книгой аккуратнее были, если сразу не прочитают, пусть в библиотеку несут, нечего ею глаза портить. Андрею и Ирке скажи, пусть ее даже не трогают. Ирка разве что краем глаза на обложку глянет, пыль протрет. Все, пока. Люблю тебя!

При встрече он убьет эту женщину! Данила знал, что она придумала для него прозвище, но что это «Мамуля»? А причем тут тогда книга и гости? «Идиот!» — обругал себя Горецкий. Ольга явно хотела ему что-то сказать, но так, чтобы ее не поняли стоящие рядом конторщики. Но что? В этот момент стоящую вокруг тишину разорвали звуки выстрелов и отчаянные крики людей. Волк был уже совсем рядом. Еще пара минут — и он покажется из леса. И от свободы его будет отделять только узкое, не более ста метров поле и несколько сотрудников Надзора, которым не повезет встать у взбесившегося паранорма на пути.

— Знаете, есть такая детская игра «Цепи-цепи»? — голос у Алисы немного дрожал, хотя девушка и старалась это скрыть. — В ней игроки делятся на две команды, берутся за руки, становятся в линию и говорят «Цепи, цепи, раскуйте нас...». И потом один из участников разгоняется и бежит на эту цепь, стараясь ее разбить, выбрать самого слабого противника. А ты стоишь, смотришь на него и дрожишь, и нельзя убежать, можно только крепче стиснуть руку соседа...

— Может кто здесь и слабое звено, но точно не мы, — пустым голосом ответил ей Елисей, снимая пистолеты-пулеметы с предохранителя.

— Но волк об этом может и не знать.

— Узнает, — отмахнулся от девушки Илья, — Гори, гори ясно...

Руки рыжего окутались огнем. Выстрелы прогремели еще раз, совсем близко от опушки. Времени на размышления у Данилы почти не оставалось. Он на все лады костерил Ольгу, но понять, что же она имела в виду, так и не мог.

— Думай, Горецкий, думай! Что там сказала, мать ее, Ольга? Книга-гости-Лена-Валя-Ира-Андрей... Бред, полный бред! Лена, Валя, Андрей, Ира... Три бабы и мужик! Что за ко такой? Три мужика и баба... Лена-Елена-Елисей...

— Елисей! Твоя задача прострелить этой твари правую верхнюю лапу-руку!

— Задачу принял, — ровным голосом ответил Принц, напряженно всматриваясь в опушку леса.

— Вадим! Тормозишь волка на подходе к нам, Илья, ты попытайся шугануть его огнем издали! Алиса, ты не лезешь!

— Но...

— Это приказ! Если не сможем остановить его на подходе, даем уйти, в рукопашную не лезть!

Сотрудники бригады даже не успели озвучить свое возмущение по поводу трусости начальника, как из леса вылетел волк. Разглядеть его с такого расстояния в сгушавшихся сумерках было сложно, тем более что бежал зверь с запредельной скоростью. Просто темное пятно, передвигавшееся явно не на двух ногах. Выскочившие парой секунд позже гончие поливали его огнем, но тот, словно взбесившийся заяц, метался по полю, не давая им толком

прицелиться. В какой-то момент зверь оказался в опасной близости от дороги и решил проскочить в брешь между бригадой Горецкого и стоявшими в пятидесяти метрах правее волкодавами из соседнего города. Генераторы резко загудели, и по краю дороги замерцали похожие на мыльные пузыри щиты, перекрывшие оголенные участки.

Зверь, похожий на большую пантеру, резко затормозил и развернулся в сторону Данилы. Илья, задымившийся от напряжения, послал в его сторону стену пламени. На какой-то краткий миг Даниле показалось, что они смогли остановить зверя, или хотя бы отпугнуть. Но тут черная тень выпрыгнула из огня. Время словно бы остановилось для Данилы, и он смог в мельчайших деталях рассмотреть противника. Большая черная кошка, с вздыбленной шерстью и розовой пеной вокруг пасти, летела прямо на Горецкого, вытянув вперед когти. Взгляд твари был направлен вперед и влево, туда, где между щитами имелся зазор, загражденный лишь машинами Ольги и Елисея. На мгновение Даниле показалось, что в синих глазах зверя мелькнуло нечто похожее на ликование от предчувствия скорой свободы. Но тут в дело включился Елисей, он молниеносным движением вскинул пистолеты и стал прицельно палить по правой верхней лапе зверя.

Пантера извернулась прямо в воздухе, но Горецкий ясно видел, что пули пробили лапу в нескольких местах. Приземлился зверь достаточно ловко: на две ноги. Данила много хорошего слышал об иномирных мутагенах, но то, что с их помощью можно научиться мгновенно менять форму, ему было в диковинку. Человеком беглец оказался таким же темноволосым и синеглазым, каким был зверь. Не теряя времени, он кувыркнулся вперед, уваливая от пуль Елисея, и почти вскочил на ноги, как его словно бы придавило плитой, заставляя пригибаться к земле. Данила сам поморщился, чувствуя навалившуюся вдруг силу Вадима. Даже пули Елисея будто завязли в киселе, теряя скорость рядом с волком.

Но тот неожиданно встряхнулся и рванул прямо к Алисе. Данила, не меняя позы, как учила его Ольга, схватил волка ментальными щупальцами за корпус и со всей возможной скоростью швырнул в сторону. К несчастью, в ту же самую сторону, где стояла машина Волковой. Бросок вышел на славу: по Ольгиной «ягодке» можно было справлять поминки — пассажирская дверь девятки вмялась внутрь, погнулась крыша, оба стекла осыпались в салон. Разделявшие их с машиной четыре-пять метров беглец преодолел слишком быстро, чтобы успеть вырваться из психокинетических тисков, все, что он смог сделать — это закрыть голову руками. Вадим быстро развернулся в сторону волка, приготовившись еще раз погрузить его в Стазис, на этот раз так, чтобы тот даже вздохнуть не мог. Елисей недвусмысленно навел на беглеца пистолеты-пулеметы. А Данила только покачал головой — после такого удара волк если и остался жив, то наверняка покалечен настолько, что и пошевелиться не сможет.

Обрадованные волкодавы с радостными криками поспешили к ним. «Мертвый» волк тем временем неуклюже дернулся и начал медленно подниматься. Сотрудники бригады вытаращились так, словно бы он решил восстать из могилы. Все вернулись в боевые стойки, Илья даже запел свою любимую песенку. Но волк не собирался убегать, он медленно встал, развернулся к ним лицом и тяжело привалился к капоту машины. Потом левой, относительно целой рукой, вытер текущую изо рта розовую пену, встряхнул волосами, выпрямил спину и обвел столпившихся вокруг него сотрудников пятой бригады долгим, недоумевающим взглядом. Словно бы потомственный аристократ — стайку холопов, помешавших ему допить утренний чай. Данила сразу почувствовал непреодолимое желание согнуться в поклоне и бегом отправиться прочь, лишь бы не испытывать барское терпение.

— Вот же наглая волчья морда! — со странной смесью злости и восхищения проговорил Илья. — Может разочек по ней вмазать? Ну так, для профилактики?

— Глумиться над захваченным в плен — удел слабаков, — оборвал его Вадим.

Волк захрипел, изо рта у него опять полилась розовая пена, и он начал медленно оползать вниз. Но потом встряхнулся и принял свою прежнюю позу. Данила только покачал головой и, недолго думая, вытащил ремень из брюк. Кровь из простреленной Елисеем руки продолжала течь, и, если в ближайшую минуту с этим ничего не сделать, волк скончается еще до того, как они успеют передать его волкодавам.

— Вы задержаны по обвинению в нападении на сотрудников Надзора, повлекшее за собой их смерть. Согласно статье... — черноволосый презрительно посмотрел на Горецкого и глухо зарычал.

Данила, сделавший по направлению к нему два шага, остановился, чувствуя дикий, практически животный страх. «От сорока до шестидесяти УДЕ, без всякого оружия...» — пронеслась в голове мысль. Он и сам видел, с какой нереальной скоростью мог двигаться незнакомец. А что, если все его поведение — это просто ловушка? И стоит только Горецкому подойти поближе, как волк атакует, прокладывая себе путь к свободе? Нет, не атакует. Сил не хватит. Пена текла из его рта практически не останавливаясь, дышал волк часто и с явным усилием. А на его одежде не осталось целого и не заляпанного кровью клочка. Что-то было неправильное в его облике, но Горецкий не мог сообразить, что именно. На левой руке, в районе плеча был содран большой клочок кожи. Но как Ольга могла об этом узнать? Данила вздохнул и внимательно посмотрел на волка:

— Если руку не перевязать, сдохнешь через пару минут.

Не дожидаясь ответа, Горецкий быстро подошел к незнакомцу и перетянул ему руку импровизированным жгутом. Вадим тем временем влез в машину Ольги в поисках аптечки.

— Горецкий, твою мать, отойди с дороги! — приказным тоном рявкнул подошедший Арсен. — У ребят давно руки чешутся этой твари морду начистить. Он же, выродок, столько наших положил!

Стоявшие за ним волкодавы радостно загудели. Алиса замерла, с любопытством поглядывая то на начальника, то на волкодавов. Подошедший с аптечкой Вадим выразительно потер затылок. Елисей, как бы невзначай, сдвинул оружие чуть-чуть в сторону, Илья уставился на Данилу, и на всем его лице читалось: «Я это с самого начала предлагал!». А Горецкий совершенно равнодушно забрал у Вадима аптечку, вытащил из нее упаковку бинта и, как мог, стал перевязывать руку задержанному волку. Помогало это слабо: кровь сразу же пропитывала бинты. Где же демоны носят Ольгу?

— Вот когда напишем с вами акт передачи пойманного паранорма, тогда можете делать с ним что хотите, — спокойно ответил Данила. — А мне не нужен труп вместо задержанного. Конец месяца, отчет портить не хочется.

— Слышь, Лис, не усложняй. — Арсен положил руку с заметно отросшими когтями на плечо Данилы.

— Ты тоже, — зло бросил Горецкий, с силой стукнув волкодава воображаемым камнем. Арсен разразился длинной тирадой, в перерывах между матами дую на отбитые пальцы.

— Ты такой же начальник бригады, как и я, и прекрасно знаешь наши правила. Так что не мешай мне делать мою работу.

— Ты бы меня не злил, Лис...

— Остынь, Гриззли. — Вадим подошел вплотную к Арсену и отеснил того от

Данилы. — Ты знаешь, я и сам не дурак кулаками помахать, но всему надо знать время. Этот волк и без вашего мордобития уже двумя ногами в могиле: из руки вон так и хлещет, в легком, похоже, пуля застряла. Да и все остальное тело как из мясорубки, не сильно-то много чести вымещать на нем злость.

Тем более что не будь волк в таком плачевном состоянии, вряд ли бы здесь собралось столько любителей бить морду. Данила еще раз посмотрел на беглого преступника — выглядел тот еще хуже, чем пару минут назад: лицо из просто бледного стало серо-синим, пена течь перестала, но дыхание больше походило на хрип, глаза запали, да и взгляд его больше не выражал аристократического презрения, только какое-то злое упрямство. Похоже, что все имевшиеся у него силы волк тратил на то, чтобы просто не свалиться на землю, что при таком количестве ран было бы ничуть не зазорно.

Данила наконец-то понял, что же именно ему казалось странным в облике волка — его одежда. В заляпанном кровью рванье хоть и с трудом, но все же угадывался хирургический костюм, вроде тех, что носят врачи в больнице. По всему выходило, что догадка Ильи про сбежавший плод секретных экспериментов была не так уж далека от истины. В пользу этой теории говорил и тот факт, что за время их общения волк не произнес ни слова. Нет, слишком уж разумным выглядел беглец, чтобы быть выросшим в бункере «маугли». Да и само наличие одежды говорило о немалом опыте трансформаций. Из всех знакомых Данилы такой трюк мог повторить только Ставр, но и он переходил из формы в форму несколько секунд, а никак не меньше одной. Что-то было не так во всей этой истории.

— Он регенерацию не тянет, — решил вмешаться Елисей. — У тела не хватает ресурсов, слишком большая площадь повреждений и расход энергии.

— Поищи у Ольги в машине, у нее точно какая-нибудь еда должна быть, на худой конец там бутылка газировки валялась, в ней сахара много, должно помочь.

Елисей кивнул и нырнул в руины Ольгиной «ягодки». Сама Волкова тоже была недалеко, и Даниле казалось, что он слышит ее причитания по поводу погубленной машины. Хоть бы она скорее добралась, какой-никакой, а все же фельдшер, должна уметь оказывать помощь лучше, чем они. А то так и вправду получают труп вместо задержанного — кровь из руки у волка так и не прекращала течь. Волкодавы с любопытством наблюдали за разворачивающимся перед их глазами зрелищем, явно боялись, что волк сейчас сдохнет, так и не утолив их жажду мести. Некоторые из них уселись на траву, решив заодно отдохнуть, другие же пошли разбирать ограждения и выключать генераторы — не стоит просто так «гонять дорогую технику.

Принц наконец-то выполз из «девятки» с термосом в руках и кучей коричневых пакетиков, в которых Данила узнал растворимый кофе и шоколад. Елисей открыл термос и теперь по очереди опустошал в него все Ольгины припасы. На шестом он остановился, закрутил термос, взболтал, опять открыл и протянул волку. Тот с сомнением посмотрел на напиток, на Принца, потом забрал термос и стал пить мелкими глотками. Делал он это неторопливо и с достоинством, словно бы дорогое вино из бокала, а не приторную бурду из смеси растворимых напитков, которые и по отдельности казались Даниле гадкими.

— Балдею с тебя, Лис, — стоящий рядом с Арсеном Йети растянул губы в усмешке, — какого-то беглого п... защищаешь как родного брата, раны ему перевязал, кофею напоил, может, баб своих еще под него подложишь? Как бы и нам с ребятами такое обращение заслужить, раз ты сегодня такой добрый?

Окружающие его волкодавы захохотали в голос. Данила напрягся: может и зря он не

разрешил им пару раз врезать волку, — тому бы хуже не было, куда уж хуже-то? — а эти обпившиеся модификатов звери хоть немного бы пар спустили. Они хотели драки, а раз с беглецом ничего не получилось, то и сотрудники пятой бригады их вполне устроят. Нет, нельзя так, поступать всегда надо по совести и чести, и эти самые честь и совесть никак не могли позволить отдать раненого на забаву куче разбушевавшихся мужиков, пусть этот раненый и преступник.

— А ты еще слово вякни и заслужишь. — Вадим сжал кулаки и выставил их вперед. — Я тебя сам обслужу, лично, в особо извращенной форме!

— А давайте я вашей бригаде просто косметичку подарю, — Волкова возникла, как всегда, неожиданно, успев где-то по пути потерять Марка. — Вы своих баб накрутите, и они начнут от мужиков отличаться. Не, серьезно, у вас же вроде были женщины, две или три?

Ее разные глаза при этом так радостно заблестели, что двухметровый Йети сразу же примирительно поднял вверх руки и сделал шаг назад. Да и остальные «волкодавы» решили пойти помочь коллегам с демонтажем генераторов — никто не хотел иметь дело с Кровавой Смертью. Данила только вздохнул про себя: как бы он ни старался, но Сила есть Сила, и ее ничем не заменишь. Волк тем временем все-таки допил приготовленный Елисеем «коктейль» и почти сразу согнулся в приступе рвоты.

— Ольга! Помоги ему чем-нибудь! — запас «первопомощных» идей у Данилы иссяк, да и у Вадима с Елисеем тоже, а лучше волку не становилось — кровь из руки текла без остановки, как бы не пришлось ее ампутировать. Станный беглец даже не стал вставать в этот раз, просто сел на землю, привалившись спиной к машине.

— Этот Киса ваш, он мою машину сломал, выпил мой кофе, испортил выходной, и мне же еще нужно ему помощь оказывать? Может, мне ему по совету Арсена и от...

— Сделаешь все, как я скажу! Если ты не уважаешь меня, как начальника, и не собираешься выполнять приказы, то тебе следует немедленно покинуть бригаду и поступить на другое, более подходящее место службы! — Данила не собирался выслушивать очередную порцию пошлостей от Волковой. Он смотрел прямо в ее разные глаза и ждал, что сейчас Ольга развернется и уйдет, оставив начальника самого разбираться со своими проблемами. Но она только пожала плечами и пошла к Арсену:

— Партия сказала: «Надо!», комсомол ответил: «Есть!». Нет, ну я бы лично такого делать не стала, да еще и незнакомому мужику прямо посреди поля, осенью, но раз вы приказываете. Пусть потом вам будет стыдно. Арсен, гони коньяк, нужна анестезия!

Ошалевший волкодав молча вытащил из-за пазухи фляжку и протянул ее Волковой. Йети вытаращился на девушку, достал сигарету и закурил. Елисей и Алиса сверлили взглядом Данилу, как основного виновника разворачивающихся событий. Илья весь покраснелся, то ли от возмущения, то ли от предвкушения такого. Тем временем, Ольга подошла к волку и позвала Вадима:

— Подними его и положи на капот, а то мне приказ начальника исполнять неудобно будет!

Скворцов безропотно выполнил Ольгину просьбу, да и у задержанного уже не осталось сил сопротивляться, он не дернулся, даже когда девушка вылила ему в рот почти весь коньяк. Потом Ольга развернулась к Даниле, укоризненно посмотрела тому в глаза, покачала головой, отвернулась. И, задрвав волку рубашку, резко ударила рукой тому в район ребер. Тысячи полупрозрачных нитей моментально вонзились в плоть, заставляя ту расходиться и буквально выворачиваться наизнанку, с тем, чтобы вытолкнуть наружу застрявшую внутри

пулю. Волк дернулся от боли, но кричать не стал. Вадим обошел его с другой стороны машины и придавил за плечи к капоту.

Данила наконец-то смог облегченно выдохнуть. Если уж Ольга взялась за дело, то за жизнь зволка можно не опасаться. Илья, Елисей и Алиса по прежнему пялились на Волкову; странные люди, неужели и правда не успели еще привыкнуть к ее шуточкам? Ладно, Арсен с Йети, тем-то простительно — они с ней мало общаются, но коллеги должны же ее знать?

Данила неспешно дошел до машины Елисея, открыл заднюю дверь и сел на сидение, оставив ноги снаружи. Потом подтащил к себя лежащий рядом портфель, достал бумаги и стал их заполнять. Откровенно скучающий Арсен подошел и стал рядом, вытащил из-за пазухи еще одну фляжку, сделал из нее щедрый глоток, продышался и теперь внимательно рассматривал припаркованный неподалеку тонированный микроавтобус. Из него неспешно вышли незнакомые конторщики и начали разбирать непонятную установку, так и не пригладившуюся во время задержания волка.

— Ох уж эта твоя Ольга! — восхищенно проговорил волкодав. — Самая чокнутая баба из всех, кого я знаю! Как ты с ней справляешься?

— Она хороший сотрудник, просто стиль общения у нее немного специфический, привыкнуть надо. Кстати, Арсен, а ты не знаешь, какие у этого волка преступления на счету, что ради него практически весь Надзор сюда согнали? Да еще и живым брать приказано?

— Не знаю, Лис. Темная это история. Не нравится она мне. Столько ребят хороших положили, и непонятно, из-за чего. Накрыли бы ублюдка пулеметным огнем, гранатами закидали, и какой бы он ни был крутой боец, а от такого не увернешься.

Данила коротко кивнул, соглашаясь с Арсеном. История действительно была странная. Да еще и Березовая роща тут рядом, костюм на волке хирургический, непонятные люди вокруг крутятся. Вот что они там разбирают?

— И знаешь что особенно странно? — Арсен склонился почти к уху Данилы, как будто показывая тому что-то в документах. — Запах у этого волка. Я такой же только один раз чувствовал, когда мы месяц назад некросов громили.

Волкодав внимательно посмотрел на Горецкого, видимо задумавшись, а не зря ли он сболтнул про это? Но Данила только коротко кивнул, безмолвно пообещав молчать об услышанном. Дальнейшего разговора у них так и не получилось: на место происшествия прибыл Упырь в компании с еще одной группой незнакомых Даниле конторщиков, среди которых копошилось трое в белых халатах. Все это было весьма подозрительно.

Глава солежского Надзора быстро оттеснил Ольгу от волка, не слушая ее возмущенных возгласов. Вадим нахмурился и тоже сделал шаг в сторону, подпуская конторщиков, прибывших, судя по всему, из Березовой рощи. Хмурые парни стали деловито ощупывать беглеца, словно куски мяса на рынке, а один из медиков набирал в шприц зеленоватое лекарство. «Антимаг» — так в шутку называли препарат в конторе. Данила, если честно, не помнил его официального названия, да и в применении видел всего-то пару раз. Обычно для блокировки способностей паранормов с лихвой хватало подавителей, а после применения «антимага» люди больше походили на зомби: заторможенные, вялые, не способные ни на какие самостоятельные действия.

Волк резко вскочил на ноги, ощерился и глухо зарычал. По тому, как стремительно отпрыгнули от него конторщики, Данила догадался, что их встреча была далеко не первой. Только Упырь остался стоять на месте, с довольной улыбочкой вытягивая из кармана пальто металлический подавитель, больше похожий на собачий ошейник.

— Подержите ему руки! — рывкнул Упырь.

На его приказ тут же подскочил Йети, хитро ухвативший волка за простреленную правую руку. Кровоточить она стала гораздо меньше, но кости, судя по всему, в ней были перебиты основательно. Один из вновь прибывших конторщиков выкрутил левую руку, немного испуганно поглядывая на пленника. Но тот и не думал ни на кого нападать: либо сил уже не хватало, либо просто не хотел выглядеть этаким голливудским героем, беспомощно трепыхающимся в руках врагов. Волк демонстративно выпрямился и гордо поднял голову вверх, равнодушно глядя вперед, как будто все происходящие неприятности его совершенно не касались.

— Столько трепыхаться и все зря. Вот ты и попался, Котеночек. Пора вернуться домой, — ухмыляющийся Упырь застегнул на шее беглеца подавитель, а подскочивший медик быстро вколол в плечо «Антимаг».

Потом Йети вместе с конторщиком заковали волка в наручники и отошли в сторону. Все было кончено. Без своей Силы и со скованными за спиной руками беглец уже не представлял серьезной угрозы. «Волкодавы» расслабленно разбрелись по сторонам — заканчивать демонтаж генераторов, сотрудники пятой бригады стали потихоньку собираться возле машины Елисея, договариваясь, в каком порядке будут добираться до города. Сюда-то они приехали на двух машинах, теперь же, по причине поломки Ольгиной «ягодки», остался только «Матиз» Принца.

Но кое-кого такое окончание событий совершенно не устраивало — Упырь жаждал крови. Вот если бы пойманный волк стал вырываться и кричать, отбиваться, а еще лучше стенать и ползать у того в ногах — вот тогда бы глава солежского Надзора был доволен. А так...

— Я вот что думаю, — Упырь подошел вплотную к волку, ухватил того за волосы, заставляя склонить голову влево, — а не отдать ли тебя парням? Ненадолго, на часик или на два, пока еще совсем не стемнело. Они тебя даже бить сильно не будут, так, почешут кулаки немного, чтобы неповадно было бегать. А потом как дело пойдет, парень ты симпатичный...

— И давно вы к мужикам приглядываетесь? — Волкова, как всегда, сумела одной фразой перевернуть все с ног на голову. — Не, дело, конечно, не мое, развлекайтесь, как хотите, ну вы его б хоть помыли, кусок грязи кровавой, а не человек...

Некоторые волкодавы, до того еще пылавшие праведным гневом, стали потихоньку рассасываться по своим делам, стараясь держаться подальше от Упыря. Вадим сочно плюнул на землю, выражая свое мнения о подобных развлечениях. Разозлившийся глава тут же обложил Волкову матом, но та только еще раз сочувственно покачала головой, презрительно скривилась и отошла в сторону — раскуривать сигарету. Данила поправил очки и потер переносицу, за прошедшее время он успел уже порядком вымотаться и очень хотел домой. Просто упасть в свою кровать и поспать несколько часов.

Упырь зло ударил волка под дых, заставив того на несколько секунд согнуться и, не дожидаясь пока тот снова выпрямится, приказал волкодавам оттащить беглеца в тонированный микроавтобус, припаркованный метрах в тридцати правее от Ольгиной «ягодки». Парочка конторщиков тут же ухватила волка под руки и потащила вперед, за ними пристроились Йети и Арсен: им еще следовало заполнить некоторые документы. Остальные же конторщики медленно расходились с поляны, некоторые уже успели улизнуть, прикрываясь неотложными делами в родном Надзоре.

Волкодавы быстро довели пойманного беглеца до микроавтобуса, и теперь ставили в

документах последние подписи. Рысь, единственная женщина среди четвертой бригады, подогнала поближе мотоцикл Йети, видимо, собиралась сразу же после окончания бумажной волокиты отправиться вместе с ним домой. На волка уже никто не обращал внимания.

Даниле неожиданно вспомнился Ставр, укоризненно качающий головой. Бывший командир как-то рассказывал, что выходить из звериного облика уже в одежде его научил один иномирный мастер, а тот, в свою очередь, умел так же прятать в пространственном кармане...

— Ме-е-еч! — крик Данилы опоздал на считанные доли секунды.

Но их хватило волку, чтобы в один короткий прыжок перевести скованные руки вперед и замахнуться взявшимся из воздуха мечом. Все, что смог сделать Данила — это укрыть Арсена щитом, откинуть визжащую Рысь подальше от мотоцикла и придавить к земле, чтобы не лезла. Он понял, что незнакомый волк до этого двигался медленно. Потому как в этот раз Данила не смог различить ни одного из его движений, словно бы серый смерч раскидал волкодавов по поляне, потом прыгнул на мотоцикл и рванул в сторону города на максимальной скорости.

Конторщики только растерянно метались по поляне: все оружие было уже убрано, машины стояли в совсем другой стороне, никто не рассчитывал, что волк решится бежать в сторону города, а не к выезду из него. Несколько волкодавов и гончих рванули за беглецом на своих двоих, а вместе с ними и Елисей, скупыми очередями пытавшийся достать если не волка, так мотоцикл.

Рядом что-то взвыло. Данила перевел взгляд в сторону, туда, где немногим ранее группа конторщиков из Березовой рощи разбирала странный агрегат. Один из них сейчас возился рядом с установкой, и Горецкий опять понял, что не успевает. Она уже работала. Направленная в сторону убегающего волка машина исторгала из себя непонятные волны, заставляющие реальность подернуться рябью, действие ее расходилось по радиусу, с каждым метром захватывая все больший сектор. Данила закричал, даже не разбирая слов, кажется, что-то матерное, и ментальным толчком отправил включившего установку конторщика в долгий полет. Было уже поздно: волны, искажающие реальность, бежали вперед, готовясь поймать в тиски непрекращающихся трансформаций беглеца, а вместе с ним — и всех преследовавших его людей. И Елисея. Вадим тоже закричал, пытаясь призвать свою Стихию, но лишь на краткий миг замедлил бег волны, потом упал на землю, растратив все силы. Неудивительно, что Данила не узнал странную машину — Хаос-реактор был большой редкостью.

Данила со всей отчетливостью понял, что прямо сейчас умрет еще один сотрудник его бригады. И ничего нельзя изменить. Волна, беспощадно уродующая реальность, краем зацепила микроавтобус, частично вывернув его наизнанку, частично расплавив и перекроив сам металл, составлявший его. Конторщики, бегущие вслед за волком, не замечали подбирающейся следом смерти, да и не успели бы они ничего поделать — в тот момент, когда их настигла волна, ширина ее была уже порядка десяти метров.

Хаос поглотил их за мгновение. Данила видел, как увязшие в тисках Стихии люди повисли, словно окружающий их воздух вдруг превратился в желе. Они замерли в совершенно немислимых, невозможных с точки зрения физики позах, некоторые даже зависли в воздухе, пойманные волной в фазе полета. Так мог бы действовать на людей Стазис, но единственный носитель этой Стихии сейчас лежал без сознания в паре метров

левее. Захватив пленников, Хаос остановился. И сейчас Данила с ужасом наблюдал за Елисеем, но пока с киборгом все было нормально: он по-прежнему висел в воздухе, вскинув вперед свои пулеметы. Рядом с ним так же застыли и другие преследователи. Через несколько секунд они стали двигаться, вначале медленно, словно при замедленной съемке, затем — чуть быстрее, пока не вернулись к своей прежней скорости. Но было уже поздно — волк за это время успел проехать порядка сотни метров и скрылся за очередным изгибом ведущей в город дороги.

Конторщики суетились, некоторые уже завели машины и бросились в погоню, но Данила понимал, что все это было тщетно. Прямая до этого дорога заканчивалась буквально через половину километра, дальше она дробилась на множество других, ведущих в разные части пригорода, и вычислить, по какой из них решит ехать волк, было практически невозможно. Еще и деревья, растущие вплотную к проезжей части, полностью закрывали обзор. Да и город — не лес, там затеряться проще, а свободы маневра у конторщиков гораздо меньше, никто не позволит им развернуть полноценную поисковую операцию, и уж, тем более, Стихийный реактор. К тому же Солеж хоть и не мегаполис, но жителей в нем хватает, значит, и ищейки не смогут на сто процентов использовать свои способности.

Вязкая рябь прошла по воздуху, выдернув Данилу из размышлений. На краткий миг он почувствовал, как его тело становится мягким и пластичным, словно бы из него вынули все кости, потом показалось, что его сейчас вывернет наизнанку. Растящая у ног трава внезапно вымахала почти по пояс, потом причудливо изогнулась и стала закручиваться спиралями, на ходу обзаводясь колючками. Рябь схлынула так же внезапно, как и появилась. Данила резко обернулся назад, туда, где стоял Хаос-реактор. Сам агрегат валялся на земле, весь покореженный и оплавленный. Рядом с ним неподвижно стояла Ольга. Трава вокруг нее вырастала и видоизменялась, тут же опадая на землю безжизненным сеном, с тем, чтобы через мгновение вновь попасть под волну непрекращающихся трансформаций. Призванная Стихия рвалась в реальность.

Данила не знал, как Ольге удалось справиться с воздействием реактора, он понял лишь, что ей удалось трансформировать вырвавшуюся Стихию в одно из самых безобидных ее проявлений — время. Но и самой Ольге пришлось потратить на это слишком много сил, и теперь она едва держалась, чтобы не раствориться в Хаосе. А что будет, если Кровавая Смерть решит вдруг призвать свою Стихию в реальность, Данила представлял себе очень хорошо.

Бежать, бежать как можно скорее и дальше. Пока она еще держится и есть хоть какой-то шанс спастись. Такое решение было правильным и разумным, и никто бы не осудил, сделай он именно так. Данила пошел к Ольге. Волкова сейчас выглядела, как живая иллюстрация к какой-нибудь фантастической книге: левая половина ее тела оставалась такой же, как и прежде, зато правая вся сплошь покрылась бледно-бирюзовыми и ярко-синими узорами. Такой цвет, кажется, называют индиго. Волосы частично удлинились, и тоже наполовину окрасились в эти же дикие цвета. Ольга просто стояла и смотрела перед собой, не обращая никакого внимания на бушевавшую рядом с ней Стихию.

Самыми трудными были последние шаги. Хаос стонал и рвался в реальность. Даниле казалось, что его тело стало чужим и непослушным, к тому же мягким, словно подтаявший воск. Он замер рядом с Ольгой, пытаясь понять, как правильно поступить в этой ситуации, как вернуть девушку в реальность. Обнять и пожалеть? Влепить пощечину? Начать трогательный разговор о родителях и друзьях, которым будет ее очень не хватать? Призвать

подумать о несчастных невинных жертвах, которые попадут под беспощадную волну Стихии?

Почему он так и не удосужился расспросить Ольгу, как именно она получила свою Силу? Возможно, сейчас бы это спасло всех. Что он знает об Ольге?

— Старший сотрудник Волкова! — Данила очень старался, чтобы голос его звучал уверенно и без предательской дрожи. Ольга никак не отреагировала на свое имя, но других идей у Горецкого не было. Действие Хаоса с каждой секундой становилось все сложнее терпеть, потому Данила продолжил:

— Хочу тебе напомнить, что если сейчас ты решить просто взять и раствориться в своем Хаосе, то больше никогда не сможешь изводить всех окружающих своими подначками, пить литрами кофе и вести беспорядочную половую жизнь. И самое главное, у тебя не получится ежедневно пилить меня со словами: «А помните, Данила Сергеевич, как я убеждала вас не помогать тому волку?».

— Аааргумееееент, — она ответила странным, ломающимся голосом. Ольга медленно, будто бы с усилием перевела взгляд на Данилу, несколько секунд смотрела на него, а потом внезапно исчезла.

И мгновенно появилась вновь, несколькими метрами дальше, рядом со своей машиной. Она коротко махнула правой рукой, и покореженная дверь вернулась на свое прежнее место, а остатки разбитых стекол вытекли наружу, словно ртуть. Ольга быстро села в машину, завела мотор и поехала в сторону выезда из области. Прodelала она это с такой скоростью и мастерством, что Данила укрепился в своем подозрении насчет реального уровня водительских навыков Ольги.

Стихия покинула поляну вместе со своим носителем, оставив после себя небольшой участок покореженной травы. Данила устало вздохнул и медленно пошел в сторону микроавтобуса, туда, где уже потихоньку собирались другие сотрудники его бригады. Он чувствовал себя неуютно — боли не было, но было странное ощущение, будто бы каждая кость, мышца и внутренний орган сместились со своего законного, природой определенного места, и перемешались между собой.

Сил у него не осталось. С момента, когда волк вбежал на поляну, не прошло и пятнадцати минут, но вымотался Данила настолько, будто бы все это длилось не меньше суток. Вокруг суетились конторщики: кто-то оказывал помощь раненым, кто-то собирал остатки безнадежно сломанного Хаос-реактора, оставшиеся на поле волкодавы сейчас суетились возле руин микроавтобуса. Арсен баюкал левую руку — судя по ее неестественному положению, она была сломана сразу в нескольких местах. Но из всех волкодавов, присутствовавших при побеге, он отделался легче всего. Йети корчился на земле с распоротым животом, его способности к регенерации, полученные благодаря модификатам, сейчас боролись со страшной раной. Остальные конторщики и медики, прибывшие из Березовой рощи, были мертвы. Да и Упырь больше никогда не сможет проводить свои любимые планерки — его голова валялась в паре метров от тела.

— Данила Сергеевич Горецкий? — неожиданно спросил незнакомый мужчина с совершенно незапоминающейся внешностью.

— Да, — эмоций у него уже не осталось, только безмерная усталость.

— Рындин Станислав Петрович, старший сотрудник шестой особой бригады солежского отдела Надзора. Хочу донести до вашего сведения, что с этого момента и до окончания следствия по данному делу вы отстраняетесь от руководства пятой бригадой, ваше место на

это время займет Илья Самойлов.

— А че так? — подошедший Вадим навис над котом, но тот нисколько не смутился и продолжил:

— Ваши действия в сложившейся ситуации выглядят весьма подозрительно.

— Какие? — Данила сам удивился своему равнодушию. — Ничего из того, что я сделал, не противоречит Кодексу Надзора.

— Именно поэтому вы пока еще на свободе, а не конвоируетесь в изолятор Березовой рощи. Но согласитесь, во всем этом есть какая-то странность. Вначале вы, вместо того чтобы зафиксировать пойманного преступника, оказываете ему медицинскую помощь, хотя ваши же сотрудники, в частности, майор Волкова, предупреждают вас, что делать этого не стоит. Защищаете его от волкодавов, что в свете произошедших событий выглядит весьма странно. К тому же, за это время вы вполне могли посоветовать преступнику воспользоваться мотоциклом для побега, заодно и сообщить тому, как пользоваться данным видом транспорта. Только это может объяснить, почему вы оттолкнули в сторону волкодава, охранявшего мотоцикл. Необъяснимо и ваше внезапно возникшее желание отбросить коллегу от работающего Хаос-реактора. Вы можете как-то прокомментировать свои действия?

Данила смотрел прямо на особиста и не верил, что все это происходит именно с ним. Его, посвятившего всю свою короткую жизнь честной службе в конторе, сейчас обвиняли в предательстве. Алиса и Илья с мольбой смотрели на него, Елисей, как всегда, отрешенно пялился в пустоту, и Данила понял, что если он сейчас не скажет ничего убедительного в свое оправдание, то доверия подчиненных ему уже не вернуть.

— Задержанный нами волк находился в слишком тяжелом состоянии, его жизнь была под угрозой, потому я руководствуюсь статьей третьей раздела «О задержании паранормов, подозреваемых в совершении преступлений против мирных граждан» Кодекса Надзора, эпосчитал своим долгом оказать тому первую помощь. Кстати говоря, а могу я узнать имя этого волка, и в каких преступлениях его обвиняли?

— Данный паранорм, можете называть его, допустим... — сотрудник шестой бригады запнулся, то ли вспоминая, то ли придумывая имя для таинственного волка.

— Киса, — влез в их диалог Вадим.

— Да, — поддержал его Станислав Петрович. — Так вот, Киса представляет очень высокую ценность для конторы. Чтобы вы точнее могли представить степень этой ценности, могу сказать, что от его места нахождения напрямую зависит успех наших дальнейший операций против некросов и, соответственно, вопрос существования всего города. Теперь, когда ситуация прояснилась, давайте вернемся к обсуждению ваших действий.

— Я, как человек чести, не мог позволить ни избивать тяжело раненного волка, ни дать ему умереть от потери крови, думаю, это понятно и без лишних объяснений, — особист недобро сощурился, слушая Данилу. — Ситуация с мотоциклом кажется мне комичной. Только заметив движение волка, я сразу же понял, что данный вид транспорта является наиболее быстрым и удобным для побега, а охранявшая его Рысь — лишь досадная помеха на пути волка. Потому я и оттолкнул девушку в сторону, не освобождая путь волку, а спасая ей жизнь.

— Ваше объяснение выглядит логичным, — кот задумчиво перевел взгляд с Данилы на место побоища и остатки микроавтобуса, — даже слишком логичным, для этой ситуации. Что же, в самое ближайшее время с вами свяжутся и вызовут в Рощу для дачи показаний.

Вашим же сотрудникам я настоятельно рекомендую в кратчайшие сроки вернуться в Контору. Честь имею!

Особист коротко кивнул Даниле, потом остальным конторщикам, отиравшимся поблизости, и деловито удалился. Сотрудники пятой бригады ошарашенно таращились на Данилу, и он понял, что его уже записали в предатели. Даже Илья до конца не верил своему побратиму. Еще бы, они-то, в отличие от кота, слышали еще и приказ Данилы не ввязываться в рукопашную, а пропустить волка. Подчиненные неуверенно переглянулись между собой и, так и не найдя что сказать, безмолвно погрузились в машину Елисея, чтобы на ней вернуться в город.

Остальные конторщики тоже заканчивали свои дела, вдалеке уже слышались сирены скорой помощи, все вокруг суетились, занятые своими делами, и только Данила вдруг почувствовал себя лишним. Он больше не часть Надзора. Это было дико, странно, совершенно невозможно. Больше двенадцати лет он боролся за спокойствие мирных граждан, и вдруг его вышвырнули вон, лишив смысла жизни.

Горецкий медленно пошел в сторону города, выбираясь поближе к дороге. Оттуда-то справа к нему подскочила Рысь и стала возмущенно отчитывать, Данила не мог разобрать ее слов, они слились для него в один бессмысленный поток. Единственная женщина среди волкодавов была подругой Йети и сейчас негодовала от того, что не получила шанса встать на пути у волка. Данила слишком устал за сегодняшний вечер и сил возражать уже не осталось. Рысь не выдержала равнодушия, набросилась на Данилу, стала молотить по нему руками. Он, не поднимая взгляд, ухватил Рысь ментальными щупальцами и подвесил в воздухе метрах в полутора над землей.

Он медленно брел вперед, не обращая внимания на творящееся вокруг. Из-за его ошибок сбежал волк, пострадали люди, несколько даже погибли, неизвестно что дальше будет с Ольгой... У него не осталось ни чести, ни долга. Данила почувствовал себя ронином — воином, потерявшим своего господина, а вместе с ним — и смысл жизни. Внезапный порыв ветра вывел его из задумчивости. Данила и сам не заметил, как добрел до небольшой посадки, окружающей дорогу. Растущие здесь деревья уже успели окраситься в красно-желтую гамму и теперь опадали вниз, заполнив всю обочину. Ветер поднял несколько листьев, закрутил их и понес куда-то вверх, мимо Данилы. Если бы он сам лично полгода назад не отпустил лисицу, то наверняка бы заподозрил в этом ее проделки: слишком уж нереальной получилась картинка.

Глава 2. Игры со смертью

За шесть недель до описываемых событий...

Данила вытер пот, выступивший у него на лбу. Последний месяц лета выдался на удивление жарким, и в комнате отдыха бригады сейчас царила ужасающая духота. Еще буквально через пару часов солнце поднимется достаточно высоко, и в помещении наступит долгожданная тень и прохлада. Но до этого еще надо дотерпеть.

Лето было традиционно самым спокойным временем для сотрудников Надзора. Ольга как-то пошутила, что волки тоже люди, и теплое время года также посвящают приусадебному хозяйству. Так оно или нет, Данила не знал, но никаких срочных дел у сотрудников бригады не было, и все откровенно бездельничали, обсуждая новый роман писательницы Водяновой.

— С ума сойти, мы — любовники! — Вадим зло хлопнул книгой и швырнул ее на стол. Алиса тоже скривилась, ей явно не понравилась предложенная писательницей перспектива.

— Таки вы два разных человека! А из нас с Изей слепили одну Ольгу!

— А я хочу тебя, противный, — Илья расхохотался и кончиками пальцев легонечко хлопнул Данилу по плечу.

— Я — тупой робот, и меня убивают во второй главе! — Елисей тоже не был в восторге от чтения.

— Однако, никто из вас и не тридцатилетний девственник! — подумал Данила, но вслух это он бы ни за что не повторил, сотрудники бригады и так все прочитали. И Горецкий предпочитал даже не фантазировать на тему: поверили они Водяновой или нет. Как бы то ни было, но сцена первого сексуального опыта Даниила Керенского без сомнения была кульминационной в романе «Смерть иллюзии».

Почему Водянова написала именно так? Конечно, Данила не претендовал на лавры Казановы, но и не настолько все плохо было в его отношениях с женщинами! Он попробовал пошевелить плечом, но всю область от ключицы до середины спины тут же пронзила боль. Надо быть аккуратнее, а то может снова потечь кровь... Нет, определенно, больше никакого сотрудничества с писателями, за всякую помощь можно просто подарить почетную грамоту «За содействие Надзору». Она, само собой, секретная, и выносить ее из здания конторы нельзя, но самолюбию польстит.

— Эх, не умеете вы абстрактно мыслить! Роман-то неплохой! Однозначно лучше «Реальности нет». Мрачнее, жестче, серьезнее и даже с парой эротических сцен.

Волкова живописно тряхнула копной волос, отгоняя их от лица, и поднесла пирожное ко рту. Потом откусила, засыпала крошками декольте, отложила бэзе в сторону, облизала губы и стала аккуратно, кончиками пальцев отряхивать крохотные белые кусочки на пол. Мужская часть коллектива вытаращилась на нее, забыв про содержание романа. Данила тут же одернул себя, заставив отвести взгляд от декольте. Определенно, такая Ольга нравилась ему гораздо меньше Ольги обычной. Он вспомнил, как первый раз увидел «обновленную» Волкову.

...Неделю назад сотрудники бригады также сидели в комнате отдыха и обсуждали всякую ерунду. Неожиданно послышался цокот каблуков. Данила тогда недоуменно обвел помещение взглядом, Хейфец пила чай за обеденным столом, а больше никто в их бригаде не носил обувь на шпильке. Комната отдыха была расположена в тупиковой ветке коридора,

и кроме как в нее здесь идти было некуда.

Цокот все приближался. Остальные сотрудники так же замерли, словно в фильме ужасов, заслышав приближающееся Нечто. Данила отругал себя за глупость: вполне могло стать, что это просто одна из сотрудниц бухгалтерии или отдела кадров идет к ним по какому-то делу.

— Это Волкова! — потрясенно произнес Елисей, вытаращившись на дверь.

— Да ну на хрен! — отмахнулся Илья, — Волкова на каблуках! У нее что, шлепки порвал...

Закончить фразу рыжий не успел — дверь отворилась и в нее неспешно вошла Ольга. Впрочем, не будь у нее в левой руке подноса с пирожками, Данила бы ни за что не узнал в этой красотке свою сотрудницу. До этого он лишь один раз видел Ольгу в платье, и тогда, по контрасту с Лучиком, она казалась серой мышью. Данила подумал, что впервые смог рассмотреть Ольгины ноги, достаточно стройные и длинные, чтобы позволить их обладательнице носить короткие юбки. Еще он заметил, что фигура у его сотрудницы похожа на песочные часы, а не на доску. Пускай не слишком пышные, но достаточно аппетитные такие «часики». Ее волосы, всегда растрепанные и тусклые, сейчас были тщательно уложены и завиты, и легкая небрежность в укладке только шла им на пользу. Темно-русые локоны опускались ниже плеч и переливались здоровым блеском, в котором неожиданно угадывались зеленоватые и голубые отблески. Возможно, так только казалось, по аналогии с яркими разными глазами. Цвет которых выгодно подчеркивали длинные черные ресницы...

Тогда все несколько минут потрясенно молчали: слишком велик был контраст между новой — и уже привычной для бригады Ольгой. Время шло, а удивление оставалось. Хейфел тоже была весьма привлекательной. Но она выглядела так всегда. Даниле казалось, что его возлюбленная даже спит в макияже, смывая его утром в наглухо закрытой ванной, и только с тем, чтобы нанести новый. При одной только мысли об Оле плечо Данилы снова разболелось. Наверное, ему бы следовало посетить врача, но как тому объяснить, что произошло...

Дверь комнаты отдыха неожиданно открылась, выдергивая Данилу из раздумий. Остальные сотрудники бригады тоже постарались принять более пристойный вид, только Ольга осталась сидеть в прежней позе — развалившись в кресле и закинув ноги на стул, и пирожное она также не бросила.

В помещение влетел Упырь, с порога начавший крыть Горецкого и всех остальных матами. Данила неспешно встал и пошел навстречу начальнику. Вместе с Упырем зашел высокий, статный мужчина, одетый, несмотря на жару, в строгий черный костюм. Из чего Данила сделал вывод, что незнакомец — важная шишка и передвигается по городу в дорогой машине с кондиционером. Тем более, следом за ними вошли Арсен, Йети и еще парочка незнакомых Горецкому парней, тоже в костюмах, но с подозрительно волчьей внешностью.

— Успокойтесь, Василий Геннадьевич. Я пришел для серьезного разговора, и не хочется, чтобы ребята заранее меня возненавидели из-за вашего нагоняя, — «гость» улыбнулся, но взгляд его по-прежнему остался холодным и колючим, только на краткий миг в нем промелькнула искорка дружелюбия.

— Позвольте представиться — Савва Антонович Дорохов, — мужчина протянул руку Даниле. Пожатие его было быстрым, но достаточно сильным и уверенным, чувствовалось, что ему приходится здороваться с людьми множество раз за день. Он сделал пару шагов в

сторону и протянул руку Елисею, сразу же сменив дежурную улыбку на искренне проявление радости: — Привет, Мелкий! Ну ты и вымахал!

— Здравствуй, дядя.

Елисей ответил на приветствие, но Савва притянул его за руку к себе, обнял и несколько раз похлопал по спине, после чего сказал:

— Не ожидал тебя тут увидеть, думал, Глеб сынулю бумажки перебирать посадит!

— Места не нашлось, — Елисей пожал плечами, — знакомые твоей бывшей жены сказали, что только в «поле» пристроить смогут. А сейчас я и сам к бумажкам не хочу, здесь интереснее.

— Что за бред такой? Ты бы раньше сказал, у нее должность ого-го какая! Да тебе бы враз место освободили!

— Майор контрразведки не ого-го какая, а вполне рядовая должность, — Ольга, сидевшая вполоборота к двери со вздохом отложила пирожное и продолжила, даже не удосужившись повернуться к вошедшим. — И я страсть как не люблю пользоваться служебным положением. К тому же, только два полоумных буржуя могли додуматься пристроить малолетнего эгоиста со сломанной психикой и телом, напичканным иномирскими имплантатами, перебирать бумажки.

— Ольга? Ты здесь? Почему ты так выглядишь? — Савва отскочил от Елисея и встал прямо напротив Ольги, нависнув над ней. Он побледнел от злости, а кулаки его непроизвольно сжались.

— Как хочу, так и выгляжу. И где мне еще быть, если ты просил приглядывать за своим непутевым племянником? — Волкова отвела взгляд в сторону, рассматривая недоеденное безе, будто бы оно было единственным, что ее волновало сейчас.

— Так это Леля? — Елисей вытаращил глаза и подскочил к дяде. — Я ее не так представлял по твоим рассказам!

— Точнее, по рассказам Ники и твоей маман. Признайся, боялся встречи с этим химероидом, на котором женился бедный, одураченный Саввочка? — Ольга хмыкнула и повернулась к остальным сотрудникам бригады, скинув ноги со стула: — позвольте представить: Савва Дорохов, двоюродный дядя нашего Принца и, по совместительству, моя ошибка номер пять.

— Оставь эти свои глупые шуточки! — Савва вытащил из кармана зажигалку и теперь безостановочно щелкал ей, то зажигая, то гася пламя, — Мне необходимо с тобой поговорить.

— Мы с тобой уже все обсудили, в начале этого года, в тот знаменательный день, когда я перестала считаться твоей женой. И больше нам говорить не о чем. Если же у тебя возникли проблемы, попадающие под юрисдикцию Надзора, то обсуди их с Данилой Сергеевичем, потому как на данный момент он является моим непосредственным начальником.

— Если ты все знаешь, то зачем морочишь мне голову? Могла бы и раньше помочь!

— Ничего я не знаю, — Ольга отвернулась от него, медленно взяла пирожное в правую руку, в левую — чашку кофе и, совершенно игнорируя недовольное пыхтение Саввы и обращенные на нее взгляды других членов бригады, начала есть.

— Волкова! Ты..., что ли? А ну немедленно встань и помоги господину Дорохову! — Упырь подскочил к ней, насколько это было возможно, не отодвигая в сторону дядю Елисея, и открыл рот, намереваясь еще много чего сказать.

Данила удивленно, будто бы в первый раз посмотрел на мужчину: кем же он должен быть, чтобы глава Надзора боялся его больше, чем Кровавую Смерть? Еще один терминатор? Или просто паранорм с высоким УДЕ? Однако все могло оказаться банальнее — Савва Дорохов был всего лишь очень богатым человеком.

— Просто... — Волкова встала со своего места и пристально посмотрела на бывшего мужа. Все ее очарование вмиг улетучилось, оставив на месте сексапильной красотки даже не привычную Ольгу — Кровавую Смерть. — Мои бывшие мужья имеют одну отвратительную привычку: все вы ругаете меня во время брака, но, стоит нам расстаться, как с каждой возникающей проблемой вы бежите ко мне.

* * *

Через несколько минут Данила, Савва и Ольга уже сидели в кабинете начальника пятой бригады и пили чай, готовясь к серьезному разговору. Данила с гордостью осмотрел обновленную комнату: не далее, как позавчера, он закончил ремонт, и теперь привести сюда посетителя было совершенно не стыдно. Стены он перекрасил в нейтральный цвет слоновой кости, хотя для того, чтобы извести прежнюю ядовито-желтую краску, пришлось изрядно потрудиться. Линолеум прибили плинтусами, точнее сказать, сделал это Вадим, все остальные сотрудники оказались к столь сложному труду не приспособлены, из-за чего получили от Волковой «почетный статус «задоруких». Все столы из кабинета вынесли, оставив только один, самый целый. Его и несколько стульев Данила тоже перекрасил в темно-коричневый цвет, и теперь они выглядели вполне пристойно.

Данила оставил в кабинете только самый необходимый для приема посетителей минимум мебели, убрав все лишнее. А планерки при желании можно и в рабочем кабинете бригады проводить. Еще он лично купил книжную полку, на которую перекочевал томик Мураками, прежде служивший опорой для стола. Хроники съездов КПСС за его спиной выбросила Волкова, как она сказала, чтобы избавить начальника от моральных терзаний, а домоводство торжественно перенесла в комнату отдыха, положив прямо поверх косметички Хейфец.

И пускай на такое переустройство Даниле пришлось потратить немало собственных средств и времени, но результат того стоил — в кабинете стало светло и просторно, и здесь было просто приятно находиться. Еще бы парочку картин на стены... Но с этим придется подождать уже до следующей зарплаты.

Савва сделал глоток чая, немного скривился, впрочем, сделал он это зря — напиток был хорошо заварен, а сами листья Горецкому подарил Елисей, они остались у него еще от прошлой, обеспеченной жизни. Но господин Дорохов таких тонкостей не знал и, проглотив первую порцию, теперь просто теребил чашку в руках, оттягивая начало разговора. Через несколько минут он судорожно сглотнул и с видимым усилием проговорил:

— Ника погибла...

— Царство небесное! — бросила Ольга с интонацией, больше быподошедшей фразе: «Слава Богу!», — я тут причем?

— Я знаю, у вас всегда были разногласия, но... — Савва вытащил платок и промокнул им вспотевший лоб, руки его при этом мелко дрожали. Очевидно, погибшая Ника была ему близка. Потом Савва скомкал платок, бросил его на стол и всем телом развернулся к Ольге,

игнорируя Данилу: — Ты должна помочь мне ее вернуть! Ты знаешь, деньги не проблема!

— Я что, похожа на еврейского мужчину, лет тридцати, который на досуге любит прохаживаться по воде?

— Ты можешь хоть немного не зубоскалить? Это не тот повод!

— Ольга хотела сказать, что она не Иисус Христос, — Данила решил вмешаться в эту практически семейную сцену. Он не знал, кем была для Саввы эта самая Ника, но ее смерть серьезно ударила по мужчине, временно лишив способности адекватно мыслить. — Я соболезную вашей потере, но нельзя вернуть человека с того света. Смерть — это дорога в один конец.

— Что вы несете? — мужчина вспыхнул и подскочил со своего места, опрокинув чашку чая. — Ольга может одним движением руки укокошить хренову уйму людей, Елисей живет, напичканный техникой по самую макушку, два моих охранника пили модификаты, и теперь могут превращаться в медведей, я даже на Рубеже вашем проклятом был и столько всего видел! И вы хотите убедить меня, что не можете сделать такой малости? Или это очередной приступ ложной морали, на тему: «не мешаем ли мы божьему промыслу»? Ника была моей единственной дочерью, больше детей у меня нет и быть не может, верните ее!

— Дорохов, ты...ся! — Ольга совершенно равнодушно оторвала несколько бумажных полотенец от стоявшего на подоконнике рулона и принялась вытирать чай. — Есть много способов продлить жизнь человека, но если нить, связывающая душу и тело, оборвалась, обратно их уже не скрепить. И никакие деньги здесь не помогут.

Савва несколько раз сжал и разжал кулаки, переводя взгляд с Ольги на Данилу и обратно, потом резко сел и обхватил голову руками. Горецкий сочувствовал его потере, но помочь ничем не мог. В конце концов, он был начальником пятой — боевой, — бригады, а не психотерапевтом. А для того, чтобы делиться собственным опытом переживания потери или давать какие-то чисто житейские советы, он слишком плохо знал Ольгиного пятого мужа.

— Я знаю, что способ есть, — Савва говорил тихо и устало, но в голосе его слышалась отчаянная надежда. — У одного моего знакомого точно так же в аварии погибла дочь, но он смог ее вернуть. Это проверенная информация.

— Дорохов, ты хоть понимаешь, что говоришь? — теперь настал черед Ольги и Данилы вскакивать со своих мест. — Если это правда, то нам всем полный п...!

— Что? — Савва недоуменно вытаращился на Ольгу. — Почему? Это ведь просто шестнадцатилетняя девочка, что она может натворить?

— Потому что только одна разновидность разумных может воскрешать покойников, и делают они это не из любви к людям!

Данила слишком сильно сжал карандаш, и тот надломился, распадаясь на две части. Вот тебе и спокойное время года, когда все волки разъехались по дачам. Волки отдыхают, но на их место пришли те, кто во много раз хуже...

— Твою мать! — рывкнула Ольга, плюхаясь обратно на стул. — Я ведь так хотела поехать на море! Как такое могло случиться? Некросы в Солеже!

* * *

— Отряяд стройся!

Внезапный крик напугал Леффа. Повинуясь давней привычке, он подскочил с кровати и потянул правую руку к виску. Одновременно с этим активизировались все вложенные в этот жест заклинания: на него телепортировалась и застегнулась одежда, лицо и тело очистились от скопившихся за ночь загрязнений, а сердце застучало быстрее, разгоняя по сосудам кровь.

— Виндекс первого ранга Леффариан к несению службы готов! Вечная слава Колыбели!

— Уха-ха-ха, ой, не могу, Лефф, ты, как всегда — в своем репертуаре! — Джай безудержно хохотал, наслаждаясь произведенным эффектом. — Пять тысяч лет прошло, а ты все еще подскакиваешь по команде! Хорошо, что я не служил в армии!

Лефф выбросил руку вперед, моментально просчитывая и выстраивая все необходимые заклинания, отчего Джай взмыл в воздух и полетел по коридору, пока не столкнулся со стеной. Конечно, такой удар был для паршивца не страшнее пощечины, но Лефф таким образом прозрачно намекнул собрату, что не зря почти десяток лет убивался на армейской службе. И связываться с бывшим виндексом не стоит.

Армейский опыт Леффа постоянно служил поводом для шуточек и подначек со стороны его собратьев. Так уж вышло, что он остался последним из солдат, сбежавших из гибнувшей Колыбели. Были еще Мор и Коэн, но они всего лишь ученые, и в реальных боевых действиях никогда не участвовали. Оставшиеся трое являлись потомками его братьев и врагов по оружию и никогда не видели не то что Колыбель, но и других Примов. В этом мире они чувствовали себя не меньше чем богами, и плохо представляли цену своим способностям за его пределами.

Вечно хохмящий Джай отлепился от стены и подбежал к Леффу:

— Ты совершенно шуток не понимаешь! Но, ты знаешь, я бы с удовольствием послужил в армии парочку лет, если бы моим командиром тоже была Айвен-Милана, все-таки, когда перед твоими глазами бегают и делают разнообразные упражнения самая красивая женщина во вселенной, жить как-то сразу становится интересней!

Лефф стиснул зубы и непроизвольно сжал кулаки. Ему захотелось еще раз приложить Джая, на этот раз в полную силу, мелкого гаденьша он все равно не убьет, но, возможно, научит проявлять хоть немного почтительности к старшим. Лефф только досадливо скривил рот. Ну надо же, самая красивая женщина во вселенной. Какая глупая сказка. Годы идут и стирают из памяти все, что невыгодно людям, оставляют лишь часть правды. Что ж, вполне возможно, что сейчас Лефф остался единственным из живущих, кто не только видел леди Айвен, но и знал, что за характер был у этой женщины.

* * *

...Леди Айвен своей красотой выделялась даже среди совершенных примов. И Лефф признаться, был счастлив служить под ее началом. Он несколько раз до этого встречал леди на разного рода собраниях, и всегда она вела себя сдержанно и весьма приветливо. Как в этот момент он предпочитал не задумываться, за какие такие заслуги леди получила все свои воинские награды и как ухитряется управлять хаосовой уймой солдат.

А зря. Под очаровательной внешностью скрывался битый жизнью вояка, который нещадно гонял новобранцев, вдалбливая в их головы основы науки «Как встретить врага и выжить». Способствовало это и расположение их тренировочного лагеря: Атрокс был самым негостеприимным из миров Колыбели — свободной энергии слишком мало, и

распределялась по поверхности планеты она далеко не равномерно, время от времени складываясь в огромные вихри. Первого года в армии Лефф толком не помнил, время слилось для него в один день. Все что они делали — это бегали. Бегали везде: по пустыне и в тропиках, по берегу океана и среди ледяной тундры, в непроходимых лесах и среди отвесных скал. Лефф возненавидел Атрокс, со всеми его климатическими зонами и разнообразной живностью.

Еще он научился по малейшим движениям мимических мышц и рук угадывать настроение прим-леди Айвен. А также по косе. Которая всегда заплеталась ею только в самые неблагоприятные жизненные моменты. Леди никогда не позволяла себе повышать голос или каким-либо другим образом проявлять обуревавшие ее эмоции, что, впрочем, совершенно не означало флегматичность характера. Такие вот ухищрения помогали подчиненным понять, можно ли немного отклониться от распоряжений командира, позволить себе небольшие вольности, или нет.

Леди Айвен имела очень четкие представления о том, как надлежит себя вести истинному первому и всегда им следовала. А также бдительно следила за тем, чтобы и ее подчиненные также соответствовали высокому званию прима. После нескольких лет службы под ее началом Лефф даже стал немного жалеть, что родился именно примом, а не альтером или, например, имусом, требования к которым у леди были предельно низкими.

Кроме того, он больше ни разу не задумывался над внешностью командира, он даже не мог воспринимать ее как женщину, и обращение «леди» было не более, чем данью вежливости. Временами Лефф думал, что в своей прошлой жизни леди ухитрилась плюнуть Приводящему В Свет лично в левый глаз, и за это он прилепил ее душу к совершенно не подходящему для нее телу. Ей бы больше подошло выглядеть как здоровенный, лысый мужчина, чем как очаровательная блондинка с бронзовой кожей...

* * *

Лефф легонько прикоснулся к виску, прогоняя воспоминания. Надо же, прошло без малого пять тысяч лет, а любое упоминание о леди Айвен, — а он даже мысленно не мог назвать ее просто по имени, — до сих пор заставляло его содрогаться. Рядом все еще неуместно скалился Джай.

— Джай, видишь ли, в чем дело, — Лефф положил зубоскалу руку на плечо, — твой отец был моим врагом во время последней войны.

— Ну и?

— Я хочу сказать, что память о нем совершенно не помешает мне сейчас взять и избить тебя до состояния комы, чтобы ты несколько недель приходил в себя и отращивал утраченные органы. Не из злости, а только ради того, чтобы дать тебе шанс подумать об уместности своих шуток.

— У-у-у-у... — Джай отстранился от него и предусмотрительно отошел на несколько шагов, — не думал, что у тебя так плохо с чувством юмора! Ну ладно, ладно, не злись. Я, вообще-то, по делу пришел.

Хохмач важно замолчал, выдерживая паузу. Но Лефф не собирался вестись на его подначки, ибо это было недостойно высокого звания прим-лорда, как сказала бы леди. Он просто стоял и смотрел на Джая, перебирая в уме калечащие, но не смертельные заклинания.

Тот, видимо заподозрив, что в этот раз Лефф не шутит, поспешно продолжил:

— Тебя там остальные ждут в центральном зале. Они приобрели совершенно уникальную вещь, тебе понравится!

Лефф мысленно представил центральный зал, потом пространство, повинувшись заклинанию, словно бы сложились в складку, соединяя две удаленные точки в одну, и Лефф поспешно сделал шаг вперед. Поглоти их всех Бездна, что эти очумевшие полудурки вытворили в этот раз?

* * *

Данила и Ольга все еще сидели в кабинете и слушали Савву. Волкова неподвижно замерла на месте, уперев тяжелый, немигающий взгляд в бывшего мужа. Горецкий не знал, сколько продлился их брак, но к характеру жены Савва за это время явно не успел привыкнуть. Впрочем, к контрастам в ее поведении вряд ли вообще можно было привыкнуть. Через секунду она тряхнула волосами, откинулась на стуле, закинула ногу на ногу, и вмиг превратилась из Кровавой Смерти в прежнюю очаровательную Ольгу. Савва на несколько секунд закрыл глаза, будто бы отгоняя назойливое видение, и начал свой рассказ.

У господина Дорохова был один приятель, Григорий Казакевич — не то чтобы близкий друг, скорее — знакомый. Иногда они пересекались по различным делам, звали друг друга на дни рождения и другие праздники и более или менее были в курсе семейной жизни друг друга. Так вот, у Григория месяц назад случилась беда — в автомобильной катастрофе пострадала дочь. К счастью, она быстро оправилась после травмы — Савва видел Элю через неделю после этого происшествия, и выглядела она отлично. Только несколько желтеющих синяков и выбритый участок на коже головы, густо обмазанный зеленкой, напоминали об автокатастрофе. «В рубашке родилась» — приговаривала вздыхающая жена Григория. Савва тогда и сам удивился чудесному спасению девушки, ведь от машины осталась лишь груда металлолома, да и мужчину, работавшего водителем Эли, врачи не смогли вытащить с того света.

Три дня назад, когда так же, в автокатастрофе, погибла его дочь Ника, Савва сидел на ступеньках лестницы и пил водку. Он никогда не чувствовал себя элитой, как называла его Ольга, «буржум», только пытался вести себя соответственно положению, но в тяжелых ситуациях лоск слезал с него, как дешевая краска. Наверное, ему бы больше подошло закидываться старым коньяком или виски, но он пил водку. Потому что так привык. Он пил и думал, даже не пытаясь придать своим мыслям какое-то направление. Что угодно, лишь бы не вспоминать о трагедии.

Савва не был глупым человеком. К тому же, разум, защищаясь от возможного распада, всегда ищет соломинку, которая не даст скатиться в бездну горя. И он ухватился. Первым пришло воспоминание о покореженной машине. Дверь и крыша возле пассажирского места вдавились в салон гораздо сильнее, чем в районе водительского. Там бы никто не выжил. И еще он понял, что не навещал Элю в больнице. Он тогда собрался, купил большущий букет, корзину фруктов, нелепого плюшевого медведя и позвонил Гришке, чтобы узнать, в какой палате лежит Эля. Но Казакевич только пробормотал что-то невнятное про особый режим и врачей, запретивших лишней раз тревожить девочку. Савва пожал плечами и просто передал гостинцы своей секретарше. Строгая София Карловна кивнула, улыбнувшись

только самыми уголками губ при виде огромного розового медведя.

К тому же Эля ничего не ела, только пила мутноватый коктейль неаппетитного желто-зеленого цвета. По крайней мере, за время визита Саввы к другой еде она не притронулась, а он тогда почти целый день провел у Казакевичей. Даже к швейцарским конфетам, которые он привез специально для девушки. Хотя раньше Эля была сладкоежкой.

Все факты неожиданно сложились в голове Саввы в одну странную, но цельную картинку. Выглядела она абсурдно, но за последние годы он привык к сверхъестественному. Надо было им выбросить остатки машины, а не выставлять их на всеобщее обозрение.

Деньги решают не все. Но многое. Савва отставил бутылку, взял телефон, позвонил одному своему товарищу из полиции и попросил посоветовать толковых ребят, готовых за денежное вознаграждение взяться за это дело. Спустя несколько часов бригада частных детективов уже всю занималась расследованием обстоятельств катастрофы, в которую попала Эля. А к вечеру следующего дня у Саввы был полный отчет по этому делу.

Из показаний случайных свидетелей, детективы узнали, что с места катастрофы врачи скорой увезли только одного человека — водителя, но он скончался в операционной. Второго пострадавшего отправили сразу в морг. Документов на погибшего человека, точнее, девушку лет пятнадцати-семнадцати, не было. Никаких деталей ее внешности свидетели сообщить не могли, слишком сильно она пострадала во время аварии.

На этом можно было бы и остановиться, но Савва решил дослушать все до конца. Эльвира Казакевич в заданный период времени не лежала ни в одной из больниц города Солежа. Можно было бы предположить, что в той катастрофе погиб другой человек, не Эля. Но трудолюбивые парни из детективного агентства навели справки и узнали, что мать и отец девочки в день аварии обзвонили несколько бюро ритуальных услуг, но в итоге ни в одно из них не обратились.

Из всего этого Савва сделал вывод, что Гришке все-таки удалось вернуть дочь с того света, и сейчас он хотел, чтобы Ольга помогла ему сделать то же самое.

— Выходит, что вы не знаете, точно ли Эля погибла в той аварии? — Данила, выслушав эти доводы, успел несколько успокоиться.

Он внимательно смотрел на Савву, ожидая ответ. Но Дорохов и сам пребывал в замешательстве, как и всякий человек, испытавший страшное горе, он цеплялся за любую возможность, какой бы фантастической она не казалась.

Вполне могло получиться и так, что в той аварии погибла какая-то другая девушка, возможно, случайная попутчица водителя, и Казакевичи решили просто замять этот скандал, руководствуясь своими, пока неясными мотивами. Данила вытащил из кармана мобильный телефон и отправил короткое сообщение. Дело профессора Николаева многому его научило, и он не собирался повторять прошлых ошибок.

— Я знаю, у них случилась какая-то х... Они Бегемота знакомым отдали.

Савва говорил несколько растерянно, в нем уже не было прежнего пыла и уверенности. Он ссутулился и одной рукой теребил чашку, уголки губ его поползли вниз и изредка подрагивали. Данила подумал, что этот человек, наверное, лет на пятнадцать старше его. Да и внешностью он не блистал. Особенно, если вспомнить всех предыдущих мужчин Волковой. Почему же они сошлись?

— Кота? — Ольга изогнула левую бровь. — Ты притащился ко мне со всей этой х... из-за старого, жирного кота?

— Это б... не просто кот! Бегемота Гришка сильнее, чем жену любил! — Савва

вскинулся и, видя недоуменный взгляд Данилы и скривившую рот Ольгу, пустился с объяснения:

— Гришка на этом коте помешан был. Верка, жена его, все время плакалась, что ее место в доме номер два. Короче говоря, лет тринадцать назад, Гришка возился с машиной в гараже. Дело было зимой. Рядом кот терся — мелкий и облезлый. Чернющий весь. А Гришка суеверный, хуже деревенской бабки. Короче говоря, взял он кота за шкурку и выкинул подальше. Возится он с машиной, двигатель включил, чтобы не так холодно было. Прошло минут пять, смотрит, а кот возле одного из колес пристроился, греется, гад. Гришка хотел его опять выкинуть, но уже в яму залез, обратно выбираться лень было. Короче говоря, увлекся он починкой, а ветер дверь захлопнул. Очнулся Гришка от того, что кот ему лицо и руки царапал, а весь гараж выхлопами заполнился. Он кое-как из ямы вылез — и на воздух, отдышался, а потом смотрит, а кот у него за пазухой, тихо-тихо так сидит, видимо прихватил на автомате с собой. Получается, кот этот ему жизнь спас: если бы блохастый царапаться не начал, Гришка бы так и спал в яме, надыхавшись угарного газа. После этого кот у Казакевичей на особом положении: еда у него самая лучшая, спит где хочет, и кошек ему раз в месяц самых элитных таскают. И назвал его Гришка Бегемот, вроде как у Булгакова. Не мог он просто так кота отдать.

— Послушайте, Савва Антонович, я понимаю ваше горе и хочу заверить, что мы приложим все усилия, чтобы разобраться во всем этом деле с Элей, а сейчас... — договорить Данила не успел — дверь в его кабинет распахнулась, и в нее вбежала растрепанная Алиса.

— Данила Сергеевич! Там Илья с Елисеем дерутся, Вадим их разнять пытал...

Данила не стал слушать дальше, он вскочил со своего места и побежал в сторону комнаты отдыха. Расстояние было небольшим, всего-то метров двадцать, но, забегая за поворот, он внутреннее сжался, заранее опасаясь того, что может там увидеть.

Зрелище было то еще: рыжий и Вадим вместе пытались скрутить разбушевавшегося киборга, но получалось у них плохо, Елисей уверенно отбивался от обоих и держал дистанцию, не давая Илье взять его в излюбленный борцовский захват. Всерьез поджигать Принца рыжий бы не стал, да и Вадим не мог использовать свою Силу — ребята заметили, что Стазис периодически вызывал сбои в работе техники, которой был напичкан киборг, и рисковать его жизнью лишний раз никто не стал. Так что действовать парням приходилось исключительно врукопашную, от чего у Ильи под глазом уже расплывался синяк.

Данила, даже не разбираясь в том, кто прав, с силой ударил ментальным кулаком Елисею в солнечное сплетение. Принц на долю секунды согнулся, потом резко подскочил и рванул к Даниле. Горецкий выставил перед собой щит и поднял киборга вверх над полом. Тот неожиданно выкрутился и упал на землю, вновь устремившись к Горецкому, и даже занес руку для удара, но потом замер, как вкопанный.

Данила с изумлением смотрел, как по руке Принца бегают полупрозрачные голубоватые нити, пронзая плоть во множестве мест. Горецкий сам испугался, он уже хотел крикнуть Ольге, чтобы отпустила парня, но Волкова не атаковала.

— Успокойтесь все, — говорила она спокойно, но от этого было еще страшнее. — А ты, малолетний псих, сейчас отойдешь в сторону от Данилы Сергеевича и Ильи. И будешь стоять спокойно. А иначе, в следующий раз тебе придется сражаться одной рукой.

Убедившись, что ее услышали, Ольга опустила свою руку, и раньше, чем она завершила жест, нити вновь собрались вместе, вернув ее кисти нормальный вид. Елисей резко дернул рукой, будто бы стравивая с нее что-то противное. Он сделал шаг назад, а потом резко

развернулся и ударил кулаком в стену. Штукатурка обсыпалась на солидном участке, а в непосредственном месте удара посыпалась и кирпичная кладка.

— Вы меня достали! Все! Бравые борцы с преступностью! Ха! Как же! Да вы просто кучка ненормальных, которые считают себя лучше других! Я больше не могу слушать ваши подколки, терпеть издевательства только из-за того, что я младше всех и меня напичкали имплантатами! У меня не было выбора! Я в этом не виноват! А вы все...

— Елисей, остановись, — Данила поспешил перебить монолог, пока парень не наговорил слов, после которых уже не получится наладить нормальные отношения с коллективом. — Ты просто устал. Поэтому я прошу, чтобы ты сейчас просто замолчал, собрал вещи и пошел домой. Можешь считать, что у тебя двухнедельный отпуск. А еще лучше, съезди к семье, думаю, дядя тебя с удовольствием подвезет.

— Да, Мелкий, пошли. Ты теперь у нас один остался...

Елисей через силу кивнул ему, потом быстро сгреб со стола свои вещи, небрежно бросил их в сумку, и, не сказав ни слова, поспешил к выходу. Дорохов распрощался со всеми и отправился следом, на несколько секунд задержав взгляд на Ольге. Но Волкова его проигнорировала: либо не хотела показывать своих чувств, либо же действительно считала, что последнее слово в их отношениях уже было сказано.

* * *

Лефф стоял в центре зала и не мог подобрать слов. Он обходил кругом «уникальную вещь» и не верил своим глазам. Он впервые за много лет хотел убить всех своих братьев и остаться единственным примом в этом мире.

— Сколько вы за это заплатили? — не самый важный вопрос на данный момент, но спрашивать о главном он опасался, точнее сказать, уже знал ответ.

— Четверть запаса, — Мор опустил глаза. Еще бы — четверть запаса! Четверть скопленного за пять тысяч лет запаса! — Но поверь, оно того стоило!

— Сделку можно отменить? — Лефф повернулся к Страннику, вольготно развалившемуся на стуле.

Тот снял пыльную шляпу, вытащил сигару и теперь неспешно ее раскуривал. Ему было глубоко плевать на все в мире, кроме своей работы. Странник сделал затяжку, вынул сигару изо рта и несколько секунд рассматривал ее тлеющий конец. Потом все же соизволил ответить:

— Нет. Товарищи слишком поздно позвали тебя, Лефф. Цена уплачена, товар передан. Сделка совершена.

— Тогда почему ты здесь?

— Любопытно, — пожал плечами Странник, — хочу посмотреть, что вы будете делать со своим приобретением.

— Неужели тебя еще можно чем-то удивить? — Мор недоверчиво поморщился.

— А что бы ты посоветовал с ним сделать? — Лефф никогда не видел любопытствующего Странника и не мог позволить себе проигнорировать это. Точнее сказать, в таких случаях ему всегда мерещилась леди Айвен, на пару миллиметров прищурившая левый глаз.

— Извиниться, освободить, дать еду и одежду и со всей возможной поспешностью

отправить домой.

Джай захохотал, как будто Странник сейчас произнес на редкость удачную шутку, Мор сморщился еще сильнее, Нира фыркнула, Велль вытаращилась на торговца, а Коэн, как всегда, просто стоял и смотрел, принимая сосредоточенный вид. Жаль, что их всех не видит леди, она бы объяснила этим недоумкам, как следует вести себя истинному приму.

Лефф еще раз внимательно осмотрел пленника. Тот был весь закован в цепи, длина которых позволяла делать только короткие шаги. Руки зафиксированы за спиной, а большую часть лица закрывало устройство, очень похожее на намордник. Кто-то очень не хотел, чтобы пленник говорил. Наверное, из-за того, что во внешности его угадывались черты, прямо свидетельствующие о принадлежности к роду Веден-Рей, чьи представители всегда славились способностью к гипнозу.

Он мог бы достичь больших высот, если бы ему повезло родиться с чистой кровью, но перед Леффом стоял имус — слуга, искусственное создание примов. Как выразились бы местные альтеры — продукт генной инженерии.

Но сам пленник, судя по всему, совершенно не переживал по поводу своего происхождения. Он стоял с таким отрешенно скучающим видом и разглядывал украшающую стены мозаику, словно бы сейчас находился на светском рауте, и совершенно не интересовался происходящей вокруг суетой. Лефф подумал, что если бы его самого раздели догола, избили, заковали в цепи и поставили в таком виде в центр зала, то вряд ли бы он смог продемонстрировать подобную выдержку.

— Почему нам следует так поступить? — все же любопытствовал он.

— Потому что вы — всего лишь кучка зажавшихся, расслабившихся и закаменелых идиотов, неспособных смотреть на мир иначе, чем с высоты своего мнимого величия. А он чертовски хитрый, наглый, упорный и обаятельный ублюдок, который, как бы его не была жизнь, каждый раз встает с колен, отряхивается и идет дальше, к своей цели.

«Обаятельный ублюдок» на краткое мгновение блеснул глазами, ему явно польстила такая характеристика. Примы стали бурно выражать свое недовольство словами Странника. Но Лефф внутренне усмехнулся — в их словах и поступках чувствовался страх. Даже сейчас, когда пленник был практически обездвижен, никто из «первых» не рисковал подойти к нему ближе, чем на два метра. Впрочем, дело тут было не в личности их «приобретения».

— Зачем он вам?

Лефф собрался с силами и задал волновавший его вопрос, тем более, что за прошедшее время он уже успел подготовить несколько атакующих заклинаний и прикинуть план своих действий, если ответ собратьев его не устроит. Лучше он действительно останется единственным примом в этом мире, чем допустит здесь повторения катастрофы, уничтожившей Колыбель.

— Все не так, как тебе кажется, — Мор подошел вплотную к Леффу и посмотрел ему прямо в глаза. — Мы не жаждем бессмертия, мы только хотим исправить свои ошибки. Признайся, тебе бы хотелось покончить с некросами?

— И он, — Коэн стал вплотную к пленнику, схватил того за волосы и развернул лицом к Леффу, — нам в этом поможет!

Глава 3. В поисках живых мертвецов

После ухода Елисея Данила собрал всех сотрудников бригады в комнате отдыха и вкратце рассказал о подозрениях Саввы насчет поселившихся в городе некросов. Теперь все спорили — никто не верил в возможность такого развития событий. Еще бы, для подобных действий некросам понадобилось бы создать инкубатор, Зал прихода, Зал жизни и много чего другого. Но как они смогли провернуть такое незаметно от Надзора? Это большая сеть помещений, можно сказать, целый форпост. Солеж — не крошечный город с парой сотен домов, но и не мегаполис, так легко и незаметно развернуть строительство здесь не получится.

Данила медленно и незаметно повел плечом, боль тут же прострелила спину до самого нижнего края лопатки и руку до локтя. К тому же ему казалось, что вся область над ключицей опухла и горит. Наверное, там началось воспаление. И что ему с этим делать?

— Нам нужен Марк, — Ольга вернула себе прежнее спокойствие и теперь заново красила губы. Данила раньше и не догадывался, насколько это сложный и трудоемкий процесс. Вот сейчас, например, Волкова обвела их карандашом, а потом зачем-то начала припудривать. — Я ведь говорила вам, что не верю в такие случайности: стоило нам только забрать его с Рубежа, как в городе появились некросы.

— Это еще не точно, — поправил ее Данила.

— Некросы — это не беременность, они не бывают «не точно», если про них проявились хоть какие-то слухи, то наверняка эти твари здесь. Надо ловить Марка.

— Некросы, они как зомби, да? — неуверенно спросил Вадим.

— Скворцов, ну хорош тупить! — раздраженно бросила Алиса. — Ты уже пятый месяц работаешь в Надзоре, а все еще как вчерашний новобранец! Когда ты только выучишь все, а? Не так уж и много информации! Возьми и прочитай — хоть «Краткие заметки», которые в каждую брошюру для новобранцев вкладывают.

— Я прочитал, — коротко ответил Вадим, угрюмо посмотрев на девушку.

— Старший сотрудник Ростова, если ваш коллега в чем-то не разбирается, совсем не сложно помочь ему в этом, и тогда в следующий раз он поможет вам в чем-то другом, — Данила уже начал уставать от постоянных нападков Алисы на коллег и, честно говоря, не понимал их причину. Хотя Вадиму и сложно было освоиться в Надзоре, вопросы он задавал редко и исключительно по существу.

— И что он может мне рассказать?

— Например, какие подарки следует дарить детям! Вот как можно было додуматься подарить Кирюшке...

— Почему вы каждое рабочее собрание превращаете в базар? — Данил встал со своего места и теперь переводил взгляд с Ольги на Алису и обратно. — Если у вас есть личные разногласия, решайте их в свое свободное время! Все ясно?

Алиса обиженно сложила руки на груди, Ольга снова принялась за макияж, но, натолкнувшись на тяжелый взгляд начальника, решила все же говорить по существу:

— Помнишь фильмы про восставших мертвецов? — и, дождавшись утвердительного кивка от Вадима, продолжила: — Так вот, все, что в них происходит, это просто детская драка за ведерко в песочнице, по сравнению с реальным захватом некросами территории. Начнем с того, что они очень даже разумные, поразумнее нас с тобой. Их можно с

уверенностью назвать формой жизни, построенной на принципиально других основах, чем наша экосистема. Некросам люди нужны в двух качествах — полностью сформированные тела для размножения и различного вида трупы для производства смеси. Смесь, хм..., даже не знаю, с чем привести аналогию... Короче говоря, это лекарство и еда в одном флаконе. Из этих потребностей выстроена модель жизни пленных на захваченной некросами территории. Люди содержатся в питомниках, молодняк там даже немного учат, им же надо нарастить необходимый объем мозга. Кондиционные особи служат источниками тел, некондиционные — для производства смеси. Самые сильные и крепкие идут на племя.

— Ты как будто не о людях говоришь... — ошарашенно произнес Вадим, потирая затылок.

— Они и есть — особи. Уже не люди, но еще и не звери. Полноценные, сформировавшиеся личности некросам не нужны, практически все представители первого поколения идут на смесь. А тем, кого пускают в размножение, как правило, целенаправленно травмируют мозг, лишая возможности свободно мыслить.

— К тому же, полноправный член общества некросов фактически бессмертен, — решил вставить свое слово Илья, — в случае, если одно тело получает слишком сильные повреждения, его просто заменяют другим. Вот такие они, живые мертвецы.

— Дело в том, — продолжила Ольга, — что некросы — это скорее биороботы, чем зомби. Их организм состоит из управляющей структуры — церебеллума, которая пронизывает все, наподобие нервной системы, и тела-носителя. Пока церебеллум в порядке, и у жрецов есть доступ к новым телам, некрос бессмертен. А повредить его очень сложно. Из всех четырех стихий, только Плазма наносит вред этой х... Оружием церебеллум не разрушить, только если специально созданным, такое чаще всего покупают у представителей других миров. Поэтому борются с некросами радикально — полностью выжигают захваченную ими территорию, вместе с находящимися на ней людьми, то есть решают бессмертных тварей доступа к новым телам.

— Делалаа... — протянул Скворцов.

— Поэтому и нужно работать оперативно и, если некросы действительно решили развернуть свои лаборатории в Солеже, наш долг — как можно скорее вычислить место их пребывания и уничтожить, пока они не набрали настоящую мощь и не вырастили верховных жрецов.

Данила внимательно посмотрел на своих подчиненных. Алиса зря нападала на Вадима: редкие сотрудники Надзора лично сталкивались с некросами, обычно их успевали задерживать еще на Рубеже. Случаи, когда живые мертвецы прорывались в города, были исключительными, и ничем хорошим не заканчивались. Единственное, что было на стороне сотрудников пятой бригады — это время. Для развертывания полного комплекса сооружений, именуемых Храмом жизни, и выращивания полноценных жрецов, мертвякам требовалось не меньше года. Имитаторы, которые могли поддерживать иллюзию жизни в мертвых телах, были примитивными структурами, и их опасаться не стоило.

Даниле хотелось позвать Баку[1], чтобы тот съел творящийся вокруг кошмар. Некросы в городе, и с этим надо что-то делать. Точнее сказать, все его действия на ближайшие несколько дней будут представлять собой череду бесконечных отчетов и прошений. И долгое общение с Упырем... Схватить бы меч и ворваться в логово врага! Но нет, современный самурай проводит главные свои битвы, вооружившись ручкой и клавиатурой.

К тому же болело плечо, и с каждой минутой все сильнее. Или Данила просто слишком

сильно на нем зациклен? Надо срочно переключиться на работу.

Ольга, как всегда, была права — при любых упоминаниях о некросах Марк становился первым подозреваемым. Он был пленником некросов, частично трансмутированным, и никто не мог поручиться за его верность идеалам людей. Наверное, не стоило слушать генерала Волкова и забирать этого непонятного субъекта с Рубежа. Данила отдал короткое распоряжение для Ильи и Вадима привести в контору Марка и сдать его дознавателям. Олю и Алису же он решил отправить поговорить со странной девочкой Элей и ее родителями. Пока — просто поговорить. Для Волковой у Горецкого было особое задание — вычислить всех, кто за последнее время часто посещал Рубеж и сравнить этот список с имеющимися у них подозреваемыми. Когда таковые появятся, конечно. На первых порах некросам нужен приток ресурсов извне, полностью автономно может существовать только Храм жизни, но Данила искренне надеялся, что весь комплекс сооружений еще не успели возвести.

— Вот, я тут на листике кое-какие свои размышления по делу написала, не хочу, чтобы их случайно подслушали шпионы, — Ольга протянула Даниле сложенный пополам листок, сделав такое заговорщицкое лицо, что все остальные сотрудники пятой бригады даже не подумали интересоваться его содержимым. Все и так хорошо знали, что это лишь очередная Ольгина шутка.

Дождавшись, пока все сотрудники выйдут, Горецкий развернул лист, ожидая увидеть там все, что угодно, начиная от детального плана поимки некросов, заканчивая рецептом бутербродов с сыром и ветчиной. Но там было всего лишь два коротких предложения: «Если возникли проблемы со здоровьем, обратитесь к Леночке. Она не имеет привычки болтать без дела».

Как она догадалась? Неужели по нему все так заметно? Хороший совет — пойти к фельдшеру Леночке! И что он ей скажет? Как объяснит, откуда эта рана?

Данила еще раз повел плечом, надеясь, что боль стала стихать, и рана заживет сама, но стало только хуже. Кроме того, повязка вся насквозь пропиталась кровью, ее надо было срочно менять, иначе на рубашке выступит пятно. Почему это все случилось именно с ним?

* * *

...Раскрасневшаяся Оля вывернулась из-под его тела, толкнула Данилу, заставляя перевернуться на спину и села сверху. Данила, что бы там ни думала на его счет писательница Водянова, ханжой не был и с удовольствием принял такую рокировку. Тем более что Оля была страстной женщиной, способной любого утомить в постели, и Данила был только рад временно отдать инициативу в ее руки.

Оля несколько раз опустила вниз и поднялась вверх, будто бы примеряясь к новому положению, потом откинула голову назад и стала двигаться быстрее, сдержанно постанывая. Данила ласкал ее грудь, чтобы помочь девушке быстрее испытать удовольствие. Все это, конечно, было замечательно, но надо же и на работу собираться! Оля сразу же откликнулась громким стоном на его ласки и ускорила свой темп.

Потом она неожиданно перехватила руки Данилы и опрокинула их на подушку, выше головы, намертво придавив своими. Он застонал — откровенно говоря, Данила уже сдерживался из последних сил, но не мог себе позволить «расслабиться» раньше дамы. Он легонько пошевелил руками, пытаясь освободиться — в конце концов, в такой ситуации им

можно было найти гораздо лучшее применение, чем просто валяться на подушке.

Оля тихонечко зарычала, потом громко застонала и придавила его еще сильнее. Темп ее движений уже стал просто запредельным, и пальцы ее все сильнее сжимали плоть. Данила еще раз попробовал вырваться, но девушка держала его слишком крепко. Конечно, его нельзя было назвать полным консерватором в сексе, предпочитающим всем позам миссионерскую, но все же Горецкому нравилось держать ситуацию под контролем. Он дернул руками еще раз и попробовал позвать Олю.

Но девушка уже совершенно не реагировала на происходящее, глаза ее закатились и налились кровью, она глухо рычала, продолжая все сильнее сжимать руки и бедра. Даниле показалось, что у него похрустывают тазовые и пястные кости. Никогда бы раньше он не подумал, что сможет на своей шкуре испытать жестокую шутку про «расслабься и получай удовольствие». Которое, кстати говоря, уже стало как-то отходить на второй план.

Точнее, оно теперь колыхалось волнами: чисто физиологически ему было хорошо, зато эмоционально и психологически — немного страшно. Хотя, кому он врет? Совсем не немного...

И что делать в такой ситуации? Он мог бы применить силу и отпихнуть Олю, мог громко ее окликнуть, выводя из этого состояния. Но это значило признаться в собственной слабости, ханжестве, неспособности идти на эксперименты... Да и Оля бы обиделась.

Неожиданно девушка максимально близко прижалась к Даниле, с удвоенной силой впиалась пальцами в его руки, губами легонько прикусила кожу над ключицей и замерла. Ее тело стало сладостно содрогаться. Это было так приятно, что Данила решил больше не сдерживаться и тоже получить свою порцию удовольствия, которую он если и не заслужил — то выстрадал точно.

Оля несколько раз слегка подвигалась, стремясь прижаться еще ближе. Но Данила этого уже не замечал, тоже отдавшись на волю гормонов, краешком убегающего сознания успев заметить, что любимая еще сильнее сжала свои зубки на его коже, потом переместила их, будто стремясь отхватить кусочек побольше. Первая волна еще не успела пробежаться по телу, как...

Данила первый раз в своей жизни кричал во время секса. И что примечательно, был этому совсем не рад...

* * *

Он не мог сейчас сказать, чего больше было в этом крике: боли, испуга внезапным поступком любимой — или же обиды за недоиспытанное удовольствие? Примечательно, что Оля сразу после этого заснула мертвым сном, словно это был один из ее приступов боевого безумия. Данила же, ругаясь про себя и пытаясь остановить валявшейся рядом футболкой текущую кровь, пошел искать аптечку. Рана была не то чтобы ужасающей, но достаточно глубокой. По-хорошему, ее надо было зашить.

Только вот окаянства Данилы не хватило бы на то, чтобы рассказать врачу в травмпункте, откуда у него такая отметина. Сочинить историю про собаку? Так не поверят же, и он будет выглядеть еще глупее.

У Ильи не бывало таких проблем — всеми отметинами, которые ему оставляли пылкие любовницы, рыжий гордился не меньше, чем боевыми ранами. Он бы без стеснения

рассказал о них врачу, они бы вместе посмеялись, а потом Илья еще и коллегам украдкой показывал наложенную повязку.

Но это было совсем не про Данилу. Ему прийти в больницу с укусом, полученным во время секса, было сродни смертельному позору, после которого осталось бы только совершить ритуальное самоубийство.

Поэтому он, как мог, перетянул рану и, стараясь не шевелить плечом, поплелся на работу. Оля пришла в контору, опоздав на полчаса, и совершенно ничего не помнила о происшествии. И говорить с ней об этом Даниле не хотелось.

Рана горела и ныла все сильнее, и, собравшись с духом, Горецкий поплелся в медпункт. Ему оставалось только поверить Ольге. При всех своих странностях характера, Волкова всегда знала, над чем можно шутить, а над чем — нет.

Фельдшер Леночка, едва завидев входящего в кабинет Данилу, подскочила со своего места, небрежно забросив в стол книгу в яркой обложке. Видеть конторского медика Даниле приходилось редко, да и то — исключительно по рабочим вопросам, связанным с бесконечными медосмотрами сотрудников. Он не мог сказать о ней ничего интересного, просто юная девушка, наверное, только-только закончившая училище. Худенькая, невысокая, с длинными темными волосами и густой челкой, опускавшиеся почти на глаза. Леночка все время щебетала, и вычленив из ее словесного потока нужную информацию было очень сложно.

— Здравствуйте, Данилочка Сергеевич! Зачем вы к нам? Неужели какая-то проблема? Чем я могу вам помочь?

— Да вот... — пока он подбирал нужные слова, Леночка оббежала его со всех сторон и теперь подталкивала в соседний, перевязочный кабинет, в центре которого стоял высокий стол, похожий на те, что ставят в операционных.

Даже не вслушиваясь в ее слова, Данила расстегнул рубашку, показывая фельдшеру свою рану.

— Ой-ой-ой, какая беда! Надо срочно позвонить Федорусику Ивановичу...

Горецкий уже стал жалеть, что пришел в медпункт, болтливая Леночка совсем не производила впечатления надежного человека, ответственно относящегося к понятию «врачебная тайна». К тому же Фрэнку вон позвонила. Конечно, против него лично Данила ничего не имел, но сомнительно, что патологоанатом разбирался в лечении ран. А может, он просто паникует и ищет любой предлог сбежать из кабинета?

— ...какая неприятненькая неприятность, но вы не расстраивайтесь, наш Федорусик Иванович операции проводить может, не то что маленькую раночку зашить, — Данила уже плохо различал произносимые ей слова, постепенно они сливались для него в один сплошной поток шума.

— ...сейчас я вам малюсенький укольчик поставлю, только чтобы больненько не было, пока Федорусик Иванович шить будет, вытольконебойтесьпоможемвамнепременно... неприятность...чутьчутьпотерпеть...всебудетзамечательно...шрамиктолькокрошечный... вы...

На Данилу навалилось странное чувство, будто бы он долго ходил по холоду, вымерз, а после этого зашел в тепло, лег под толстый, пушистый плед и кто-то принес ему чай с вареньем. Непременно малиновым. За окном шумел дождь, но дома было уютно и спокойно, а рядом был кто-то, кто гладил по голове и читал сказку. Данила словно бы ненадолго перенесся в детство и съездил к бабушке в деревню. К настоящей, любящей и заботливой

бабушке, которой у него никогда не было...

Очнулся он быстро, бодрым и отдохнувшим, будто бы действительно проспал несколько часов. Но большие часы на стене говорили об обратном, спал он не больше получаса. Сейчас Леночка и Фрэнк сидели за столом в ее кабинете и пили чай, Данила видел их через открытую дверь. Сам же он лежал на кушетке, плечо не болело, только ныло немного. Кто бы мог подумать, что его проблему можно решить так быстро?

— Он мне такой: «красавица, а можно твой номер телефона?», я ему отвечаю: «А ничего, что я с малышом?» и киваю на коляску, он такой сразу же, ничего, детей он любит. И тут, как назло, выбегает из магазина Танька, и орет: «Мама! Надень Катюше кепочку! Я тебя две минуты попросила за внучкой присмотреть, а ты парням глазки строишь!» Ну не дочь, а кайфолом. Парень глаза вытаращил, они у него прям как у рака из орбит вылезли! Ну что за дети, а? Я, по их мнению, должна на голову платочек повязать и целыми днями внуков нянчить и пирожки печь! В турпоход не ходи, юбки короткие не носи, в компьютере не сиди, на стриппластику тоже нельзя! И на все один ответ: «Мама! Что ты творишь? У тебя уже двое внуков есть!».

— Да ладно тебе! Ты, Леночка, у нас еще ого-го! — усмехнулся Фрэнк, — вот если бы не твой Петрович, увел бы тебя!

— Ой, ну что вы говорите! — отмахнулась от него Леночка, — найдете себе еще женщину по возрасту, зачем вам такому молодому баба Лена?

Данила за время их разговора успел встать с кушетки и подойти поближе к медикам. Безжалостное солнце в этот момент высветило Леночку с правой стороны, и Данила впервые смог по-настоящему приглядеться к ее внешности. На ярком свете были заметны тонкие морщинки, расплывающиеся вокруг глаз, немного дряблая кожа на шее и кисти рук, совсем не подходившие юной девушке. Почему он раньше всего этого не замечал? Наверное, не считал нужным приглядываться, полностью замороженный созданным ей образом молоденькой болтушки.

— О! — радостно улыбнулась ему Леночка — Вы уже проснулись? Как ваше плечо? Меньше болит? Говорила же, что мы быстренько поможем!

— Да, спасибо вам огромное! — Данила совершенно искренне улыбнулся ей в ответ. — Елена Витальевна, а...

— Ой-ой-ой, как ножом по сердцу, сразу хочется взять спицы и связать вам шарфик! Данилочка Сергеевич, зовите меня лучше Леночкой!

— Хорошо, Леночка, как вам удастся проделывать эти фокусы?

— Это просто разновидность цыганского гипноза, только я не ценности вымогаю, а стараюсь больным помочь! И послушайте совет старой мудрой женщины, осторожнее с берсерками! Они крутые бойцы, но постепенно они привыкают к своему безумию, как к наркотику, и начинают его искать специально. И это полный ужас! Простите, не хочу в вашу жизнь лезть, но был у меня печальный опыт. Я лет в семнадцать на Рубеже с одним парнем познакомилась, тоже из этих, любителей грызть врагов. Вначале все было отлично, в постели он был высший класс, но только ему слово против, молотил меня смертным боем! Потом извинялся, конечно. Потом бил. Я от него через три месяца сбежала, перевелась в контору, встретила Петровича, нарожала бессовестных детей, которые теперь при каждом случае воспитывают мать. И знаете, ничуть обо всем этом не жалею. Пускай страстей меньше, но и здоровье целее.

Данила кивнул ей. Он не хотел задумываться над словами Леночки. В конце концов, он

же не хрупкая девушка, чтобы позволить себя колотить, да и не думал он, что такое еще раз повторится. Он любил Олю и не хотел расставаться с ней. Из любой ситуации можно найти выход, если постараться.

— Я слышал, что ваша бригада некросов обнаружила? — решил сменить тему тактичный Фрэнк, который если и имел свое мнение по данному вопросу, то озвучивать его не спешил.

— Скорее — просто появились нехорошие предположения, что они могут быть в городе. Кстати, Фрэнк, а вы не знаете, можно ли отличить имитатора от человека?

— На вскрытии — можно. Без него — нет. Только если попробовать полное исследование провести на томографе, сделать все результаты анализов. Но сработает это только в том случае, если после смерти носителя больше полугода прошло. Говорят, они святой воды боятся.

— Не, сказки это, — вмешалась в разговор Леночка, — слишком много факторов сложиться должно, чтобы вода работала: ритуал надо проводить только в большой праздник, лучше на Крещение, в старой, намоленной церкви, а еще лучше в монастыре, и священник нужен истово верующий. Где вы такую воду найдете? У нас в колледже один преподаватель на некросах помешан был. Собирал про них всю-всю информацию, до какой только добраться мог. Так вот, он говорил, что некоторые мертвяки даже с нательными крестиками ходить ухитрялись и в церковь по праздникам шастали. У него целая теория была на этот счет. Вроде как они появились в другом мире, по законам другой религии. И эффективно бороться с ними могут жрецы чужих богов, а не наши священнослужители. Вот исконно наша нечисть, те — да, святой воды и распятыя боятся.

— Вашего преподавателя можно как-то найти? — Данила поправил очки и, вытащив из кармана блокнот, стал быстро черкать в него заметки.

— Какой там! — отмахнулась Леночка. — Больше тридцати лет прошло. Умер уже давно Валерий Карлович. Он же еще во время нашей учебы начал крышей ехать, носил только черное, выкрасил одну прядь волос в синий цвет и говорил что он — последний жрец Уводящего-Во-Тьму. Всюду рисовал изображение ворона, якобы то защищало от некросов, даже в контрольных работах под оценкой птичку изображал. Так и закончил он свою жизнь в дурке.

Данила еще несколько минут поболтал с Леночкой и Фрэнком, потом распрощался с ними и ушел. Теперь, когда рана его уже не беспокоила, можно было взяться за расследование всерьез.

* * *

Через несколько дней Данила стоял в кабинете главы солежского отдела Надзора и выслушивал очередную гневную отповедь Упыря. Больше всего ему в этот момент хотелось накричать, хлопнуть дверью и уйти куда-нибудь подальше. Желательно в спортзал. И срочно подраться с кем-нибудь, хотя бы с собственной тенью. Рядом с Данилой спокойно сидела Ольга, недобро сверкавшая своими разными глазами.

— Почему ты у... при... к семейству Казакевичей? — орал Упырь.

— У нашей бригады есть основания полагать, что они воспользовались услугами некросов, чтобы придать иллюзию жизни телу своей погибшей дочери, — Данила старался

говорить спокойно, но руки его при этом с силой впились в край столешницы, а щеки пылали от прилившей к ним крови.

— Какие, б... основания? Вам, д..., что совсем заняться нечем? Вы хоть понимаете, что они родичи нашего нынешнего мэра?

— Один градоправитель уже упокоился, Хаос знает, сколько этому осталось... — пожалала плечами Ольга, вызвав у Упыря приступ просто неконтролируемого бешенства.

Глава Надзора кричал и кричал, Ольга холодно улыбалась, глядя ему прямо в глаза, а Данила чувствовал, как его покидают силы. Упырь не зря получил свое прозвище — его Сила была очень специфической — он питался жизненной энергией людей. Не только врагов, но вообще всех подряд. Его способность была постоянно действующей, и он просто не мог существовать, не подпитываясь от других. А во время гнева, злости, досады, люди теряют больше всего жизненных сил. Вспомнив об этом, Данила представил, что сидит около маленького водопада и любит озорно подпрыгивающими струями воды, водопад выглядит всегда одинаково, но при этом каждое мгновение он другой. Данила не хотел себе в этом признаваться, но иногда ему очень не хватало лисицы. Отгородившись ненадолго от Упыря, он совершенно успокоился и дальнейший свой монолог произнес ровным голосом:

— Василий Геннадьевич, вы в своем стремлении угодить покровителям нашего города забываете одну простую вещь: они не властелины мира. И если Солеж захватят некросы, то вышестоящее начальство, в том числе, как бы ни обидно мне было это говорить, мой бывший начальник Ставр Борисович, не мешкая ни секунды, подпишут приказ о полной зачистке территории. Надо ли объяснять, что за этим последует? Не знаю, верите ли вы в жизнь после смерти, но на том свете вам уже не понадобятся влиятельные покровители.

— Верно говорите, Данила Сергеевич! — поддакнула Ольга, — от себя же хочу добавить, что ваши действия, Василий Геннадьевич, кажутся мне подозрительными. Они наводят на определенные сомнения в вашей верности идеалам Надзора и лояльности всей нашей цивилизации. Возможно, и вы решили променять короткую смертную жизнь на вечное пребывание в мертвом теле?

Упырь замолчал и теперь пытался испепелить взглядом одновременно и Данилу, и Ольгу. Прямое подозрение в предательстве, озвученное сотрудником контрразведки, звучало как угроза. Сотрудникам СМЕРШа было все равно на личности и занимаемые должности они блюли интересы всей цивилизации в целом. Что же, возможно, это хоть немного охладит пыл Упыря и он перестанет мешать им вести расследование, которое и без того не слишком двигалось.

Данила взял со стола свои бумаги и молча вышел из кабинета, следом за ним неспешно последовала Ольга, мерно постукивая своими каблуками по деревянному полу конторы. Расследование застопорилось. Чтобы сдвинуть его с мертвой точки, следовало для начала выяснить, правда ли девочка Эля погибла в той аварии, или же это просто фантазии убитого горем Саввы? Но как это сделать? Упырь запретил даже медицинское обследование провести. Допрос дознавателями Марка тоже ничего не дал.

— А что ты обо всем этом думаешь? — Данила повернул голову к Ольге, — Или снова проверяешь мою готовность стать твоим приемником? Может, хватит уже этих игр, опасность слишком велика, чтобы просто отсиживаться в стороне, пора включаться в расследование.

— Ничего я не проверяю. Я знаю многое, но далеко не все, — Ольга отвечала равнодушно и холодно, но в ее голосе изредка проскакивали нотки раздражения. — Сейчас

все плохо. Мне тоже плохо. Я ничего не понимаю, мысли путаются.

Данила потрясенно молчал, он не привык видеть Ольгу такой, и мысль, что Кровавая Смерть открыто признается в своей слабости, была для него откровением. Она, тем временем, продолжала свой монолог:

— Я не могу понять, что творится в мире. Вы знаете, как выглядит будущее? Оно — как дорога со множеством перекрестков. Человек каждую минуту стоит на таком перекрестке, и от его выбора зависит то, куда он в конечном итоге попадет. Но для каждого есть свои перекрестки, через которые ему нужно пройти, и на некоторые попадешь независимо от своих предыдущих действий. Сейчас все не так. Все дороги исчезли. Впереди просто туман. Я не знаю, почему это случилось. Наверное, все дело в том, что кто-то слишком заигрался с силами, которые не может контролировать. И я не хочу стоять в стороне и смотреть на гибель нашего мира. Нужно действовать, а я пока не знаю как.

— У тебя никогда не возникает желания говорить проще?

— Нет. На то я и я, чтобы быть не как все. Сейчас мне нужно уйти, как верно говорил ваш Папа Ставр, у каждого своя война.

Ольга, дойдя до ближайшего поворота, развернулась от Данилы и пошла в сторону выхода. Горецкий же искренне понадеялся, что она пошла куда-то по делу, а не за чашкой кофе.

Словно бы решив окончательно его доконать, под дверью кабинета начальника бригады стоял ссутулившийся Марк. Даниле было стыдно перед бывшим пленником некросов. С точки зрения Кодекса все было правильно, но чисто по-человечески Данила сам себе казался последней сволочью. Да, как начальник пятой бригады, он был просто обязан отправить Марка к дознавателям, потому что тот побывал в плену у некросов, его начали трансмутировать, даже вырастили в организме зачатки церебелума. Кто мог поручиться, что все эти изменения не затронули мозг и свободу воли, что он был просто несчастной жертвой, а не добровольным помощником своих бывших хозяев?

Но вместе с тем — Данила ведь лично вывез Марка с Рубежа, устроил его на работу. Значит, доверял тому. А если доверял, то почему при малейшем подозрении сдал дознавателям?

— Добрый день, я могу вам чем-то помочь? — не самая лучшая фраза для начала разговора, но другой Горецкий придумать не смог.

Сутулая фигура, закутанная, несмотря на жару, в теплую толстовку, плавно развернулась в сторону Данилы. Марк снял с головы капюшон, потом стащил солнцезащитные очки и предстал в своем истинном, не слишком привлекательном, виде. Бывший пленник некросов походил на вампира из старых фильмов: лысый, с бледной, землистого цвета кожей, красными глазами и крупными, выступающими зубами. Руки, которые он сейчас прятал в карманах, были несоразмерно длинными, с узловатыми пальцами и настоящими когтями.

— Возьмите меня в бригаду! — Марк сделал шаг в сторону Данилы и теперь буквально навис над ним, испытывающее всматриваясь в него своими алыми глазами. — Я знаю, вы подозреваете меня, но я хочу помогать! Здесь, в Надзоре, я могу принести больше пользы, чем выпроваживая пьяных посетителей кабака.

— Если вы знаете о наших подозрениях, то должны понимать, что я никак не могу взять в бригаду потенциального шпиона некросов. Извините меня. Обещаю, что когда эта шумиха уляжется, я займусь вашим трудоустройством.

— Я ненавижу некросов! Как бы странно это не звучало. Они — отвратительные твари,

которые губят само представление о природе и жизни. Я хочу бороться с ними. Любым способом. Если не доверяете — следите за мной, повесьте передатчик, сажайте в камеру, когда некому присматривать. Я согласен на что угодно, лишь бы не болтаться в стороне, когда начнется война с мертвяками.

Данила внимательно смотрел на Марка. Он прекрасно понимал чувства, которые двигали бывшим пленником некросов. Но и полностью доверять ему не мог. И что делать? Отправить прочь? А если Марк не успокоится и сам решит влезть в это расследование? В конце концов, врагов лучше держать всегда на виду, но и полностью им доверять не стоит.

— Вы скоро умрете, — огорошил его Марк и, не дождавшись ответа, продолжил, — все умрут. Все жители города. Я вижу смерти и пару дней назад метки стали появляться у всех. Абсолютно всех. Не знаю, сколько времени у нас осталась, месяца два-три, не больше. Я вижу огонь. Огонь съедает город.

Данила коротко кивнул. Видениям Марка он привык доверять. Уже не единожды его подсказки помогали ему и сотрудникам бригады выбираться из лап смерти. Если Марк не врал, то это могло означать только одно — некросы все же построят свой храм, и, чтобы защитить остальных жителей страны, Солеж уничтожат. Несколько страшных бомб, и от города останутся только руины. Зачем некросам Солеж? Почему именно отсюда они решили начинать свое наступление? Не самый удобный вариант: населения немного, к тому же выйти из города просто так нельзя, нужно специальное разрешение. Захватив власть, раздобыть его не проблема, но к чему такие сложности? Или некросам ограничения, наложенные на город, не указ?

Данила снял очки и потер переносицу. Раз такое испытание выпало на его долю, значит, он сможет его преодолеть, надо только постараться. У каждого своя война, и его война началась.

— Хорошо, можешь считать, что принят в мою бригаду на должность младшего сотрудника, — Данила внутренне поморщился, что-то он слишком часто стал называть подчиненных на «ты», отвратительная привычка, скоро станет как Упырь, только кричать и ругаться матом. — Испытательный срок — месяц. И учти, если вдруг узнаю, что ты в самом деле шпион некросов, отрублю конечности и отдам в музей Славы воинов Рубежа, как наглядное пособие.

Горецкий сам удивился жестокости своих слов. Наверное, слишком устал за сегодняшний день. Но Марк только улыбнулся, обнажая длинные желтые зубы:

— Спасибо! Я не подведу вас!

* * *

В конторе сейчас были только Вадим и Илья. Ольга сбежала, Оля и Алиса отдыхали после ночного дежурства, Елисей все еще был в отпуске. Рыжий, конечно, бросал на Данилу непонимающие и укоризненные взгляды, но оспаривать его решение не стал. Скворцова же личность нового сотрудника несколько не волновала.

— Марк, ты можешь опознать некроса? — Данила все еще не отчаивался расставить все точки в деле о девочке Эле.

— Не всякого. Только те разновидности, которые видел во время плена. Но тех и вы бы с людьми не спутали. А имитатора... Не знаю...

— Короче, мы в полной заднице, — рыжий с досадой хлопнул на стол все имевшиеся у них материалы по этому делу. Три листка разлетелись по сторонам и спланировали на пол. — Без убедительных доказательств, что девочка Элочка — некрос, мы не можем дать ход расследованию. Но никаких улик у нас нет. Родители ни за что не признаются, даже если в самом деле вернули ее с того света, для них она любимая дочь, а не человекоподобный монстр. Ищейки ничего не чувствуют, анализаторы полей не реагируют. Я уже сам начинаю думать, что этот Савва — просто сбрендивший от горя папаша, который пытается найти чудо там, где его нет.

— Вы, конечно, все тут такие крутые паранормы, — Вадим встал со своего места и несколько неуверенно начал свою речь, видимо опасаясь, что снова скажет какую-нибудь глупость, — но забываете про одну простую вещь: у этого дела кроме сверхъестественной стороны есть и вполне обыденная, человеческая. Допустим, вы уже всеми возможными способами попытались исследовать Элочку, ничего не выходит, так значит — надо просто взяться за это, как за обычное уголовное дело.

— Давай подробнее, — коротко ответил Данила, вытащивший из кармана блокнот и ручку.

— Все очень просто. Либо Эля умерла, либо нет...

— Ты просто «Капитан Очевидность»! — хихикнул рыжий.

— Илья, замолчи! — рявкнул Данила. — Давай, Вадим, продолжай.

— Если она не умирала, то кто тогда погиб в той аварии? Детектив же нашел свидетелей, которые видели завернутое в брезент тело. Где труп? Почему Казакевичи звонили в похоронное бюро? Даже если произошла ошибка, и в аварии погибла другая девушка, все равно об этом должны остаться записи. Короче говоря, надо брать и трясти сначала этого частного детектива, потом работников скорой, морга, родственников водителя. Мог тот вообще взять с собой случайную попутчицу или нет? Где была Эля в момент аварии? Почему родители не смогли с ней связаться? Короче, у нас есть куча совершенно обыденных вопросов, на которые надо найти ответы, и в результате многое станет ясно.

— Отлично, вот вы втроем этим и займетесь! — Данила снял очки и потер переносицу.

— Данька, блин, ты вообще понимаешь, что говоришь? Мы ж не полиция, с нами и разговаривать никто не станет! — Илья весь раскраснелся от возмущения, от него даже стал идти легкий дымок.

— Тогда скажете, что Марк — вампир, и у тех, кто не сотрудничает с Надзором, он выпивает кровь. Всю, до последней капли. Вам поверят.

Все трое мужчин потрясенно вытаращились на Данилу и несколько минут молчали, потом Илья все же выдавил из себя:

— Тебе надо меньше общаться с Волковой, она на тебя плохо влияет!

* * *

Лефф с отвращением смотрел на происходящее. Нет, пленника ему было не жаль, какое прим-лорду может быть дело до обычного имуса? Ему были противны его собратья. Первый во всем. Образец для подражания. Достойный того, чтобы ему подчинялись. Лучший не по рождению, но по поступкам. Список можно было продолжать еще долго. Прим-леди Айвен

постоянно вдалбливала в головы своим подчиненным эти мысли. Хаос и Бездна, как же эти пятеро идиотов были далеки от облика истинного прима! Они — просто кучка зажавшихся, кровожадных тварей, считающих себя богами лишь потому, что достойных конкурентов в борьбе за власть у них нет. Или — пока нет. Кто-то же убил Геллан, и они до сих пор не знают, кто именно.

Лефф протянул руку вперед, активируя простейшее заклинание пространственного переноса, и вытащил имуса из воды. Тот сразу же закашлялся, выталкивая жидкость из легких. Все его тело мелко дрожало, из множества ран текла кровь, но он, лишь немного придя в себя, стал отползать от большой стеклянной стены, отделявшей его от океана.

Джай сразу же завопил, расстроившись из-за прерванного веселья. Коэн молча наблюдал и морщил брови, Нира и Велль сделали несколько виноватый вид — после одного давнего инцидента они откровенно побаивались Леффа.

— Не замечал в тебе такого мягкосердечия, Лефф, — Мор стал неспешно гасить экраны расположенного в зале оборудования.

— Не замечал в вас раньше такой тупости, — Леффариан поспешил вернуть «комплимент», — вы хоть представляете, к чему все это может привести? Пускай эти трое идиотов ничего не видели, но вы-то должны помнить!

...До самого последнего момента они не верили, что ренегаты решатся применить этот артефакт. Это было немыслимо: взять и убить весь их мир. Но, как оказалось, собственная жизнь бывает дороже миллионов других.

Не было никакого взрыва, звука или еще какого-то признака, просто немного похолодало, словно температура упала на пару градусов. Затем пожелтела трава, листья на деревьях теряли зеленый цвет, тускнели, сворачивались и опадали на землю. Весна в тот день закончилась за считанные мгновения, чтобы больше никогда не наступить...

— Он не может пользоваться своей силой. Никто не знает, как этот имус стал таким. Как будто две разных сущности занимают одно тело, но никак не взаимодействуют. С одной стороны — это хорошо, иначе мы бы все уже были покойниками, но с другой — непонятно, как нам подобраться к этой силе.

Мор деловито подошел к имусу, но трогать его все же опасался. Он рассматривал пленника, словно тот был экспонатом в музее, сам же прим-лорд, вжившись в роль экскурсовода, продолжил провешать Леффа:

— Единственный момент, когда спящая сила начинает проявлять себя — пограничное состояние между жизнью и смертью. Но даже тогда способности, полученные от камня, не спасают его, а лишь прочнее привязывают душу к телу. Продавцы уверяли нас, что этот ущербный имус — единственное существо, способное вернуться к жизни после смерти. Но на этом его способности исчерпываются.

Мор развел руками и ухмыльнулся, будто бы произнес на редкость удачную шутку. Лефф прекрасно понимал его иронию — не слишком-то приятно быть аватаром Уводящего Во Тьму и не иметь возможности пользоваться своей силой.

— О, величайший из ныне живущих! — скалящийся Джай подошел к пленнику и поднял его за волосы, — расскажи нам, каково это — быть носителем божественной силы?

— Могу даже показать, — имус резко подобрался и отшвырнул руку Джая. — Всего один раз, но тебе впечатлений хватит. Хочешь сходить за черту и узнать, что там? Есть, правда, один недостаток — о своих ощущениях ты уже не расскажешь.

Лефф почувствовал непонятное оцепенение — он слушал речь имуса и не хотел его

прерывать. Это было очень странно.

— Что же вы молчите? Уже не так любопытно?

Пленник развел руки в стороны и сделал шаг им навстречу. Нира и Велль отшатнулись назад, вцепившись друг в друга. Коэн равнодушно наблюдал, Мор нахмурил брови, а Джай побледнел и часто дышал, явно испугавшись такого поворота. Синие глаза имуса блестели настоящим безумием, и Лефф почувствовал, как в помещении стало холодать. Похоже, что тот не так уж и плохо обращался со своими способностями.

— Зря. Познавательное путешествие. Помогает расставить в жизни приоритеты.

Уж в этом Лефф не сомневался: его единственная, пусть и несостоявшаяся встреча с Уводящим, полностью перечеркнула все. И в этот самый момент он был готов лично убить своих товарищей за то, что они притащили носителя проклятой силы в их мир. А тот, видимо обрадовавшись, что нашел таких внимательных слушателей, продолжал свой монолог:

— Хотите покончить с некросами? Это глупость, ничего у вас не выйдет: они, как пьющая соки грибница, разбросали свои корни по множеству миров, но лишь малая часть из этого заметна, даже таким богоподобным тварям, как вы. Уничтожить их конкретно в вашем мире просто — убейте кого-нибудь из этих двух дур, — пленник махнул рукой в сторону прижавшихся друг к дружке девушек. — Все равно они не полноценные прим-леди, но посмертный выброс выйдет достаточной мощности...

— Ну хватит, — Коэн взмахнул рукой, и имус застыл на месте, как восковая статуя. — У него после «купания» всегда такие припадки. Слышали бы вы, какую он лекцию вчера нам с Мором прочел, о правилах поведения истинного прим-лорда.

— А вы точно уверены, что он не может пользоваться своими способностями? — Лефф подошел к имусу и стал пристально разглядывать его, но тот продолжал стоять на месте, повинувшись магии Коэна. — Вы почувствовали холод?

— Это его предел. Я даже не могу толком объяснить, что это такое, — Мор еще раз обошел вокруг застывшего пленника, снова входя в роль профессора на лекции. — Похоже на кратковременный всплеск в энергетической оболочке. Можешь не опасаться, мы с Коэном не пригласили бы вас, если бы не были стопроцентно уверены в безопасности. Мы за эти дни провели множество тестов...

И сейчас не позвали. Лефф внутренне усмехнулся: если бы он сам не решил проверить, чем же так заняты его товарищи, то ничего бы и не узнал. Впрочем, он вполне понимал их скрытность: Лефф не слишком одобрял такие методы исследования — особенно те, что любил Коэн. Прим-леди навсегда отбила у него охоту к таким «экспериментам».

— Заметил, как он говорит? — Мор, обиженный невнимательностью единственного достойного слушателя, — а Джай, Нира и Велль таковыми считаться не могли, ввиду своей непроходимой глупости и юного возраста, — решил резко изменить тему: — Вот уж странная шутка генетики — через множество поколений в нем проявилась сила погибшего рода Веден-Рей.

— Словесный гипноз, — непонятно зачем решил пояснить Коэн.

Как будто сам Лефф ничего об этом не знал. Возможно, эти слова предназначались их «молодняку». В конце концов, даже Морю не удалось заставить Джая и Велль выучить хотя бы основные кланы примов и их родовые способности.

— Я хочу сам с ним поговорить, — Лефф произнес эту фразу просто для приличия, на самом деле советоваться он ни с кем не собирался, как и спрашивать разрешения.

Мор кивнул и сделал шаг назад. Но Леффариан не собирался продлевать развлечение

своих товарищей, потому просто сотворил небольшой телепорт и перетащил имуса к себе в кабинет.

* * *

Лефф смотрел на приобретение своих товарищей и не мог понять — зачем он вообще притащил имуса сюда? О чем им разговаривать? Все, что тот знал, наверняка уже успели выведать Мор и Коэн в ходе своих «экспериментов». Но не отправлять же имуса обратно?

Пленник, тем временем, внимательно осмотрел кабинет и нагло уселся в одно из кресел, сразу же запачкав светлую обивку кровью. Но, судя по его совершенно спокойному лицу, такие мелочи «обаятельного ублюдка» не волновали. Лефф собрался было спихнуть того на пол, но раз не сделал этого сразу, то пришлось терпеть, чтобы не выглядеть тугодумом. Впрочем, какая разница, кем его считает какой-то имус?

— Дай мне одежду, — наглость пленника зашкалила, и Лефф приготовил одно простенькое заклинание, не слишком болезненное, чисто воспитательное, но имус своей следующей фразой все испортил: — Или тебе нравится разглядывать голых мужчин?

Лефф скривился и сразу же отвел взгляд, почувствовал себя несколько ущербным, по сравнению с этим имусом. Сам-то он последние годы совершенно забросил тренировки, довольствуясь простыми поддерживающими мышечный тонус заклинаниями. И теперь не мог похвастаться таким же рельефом мышц. Чтобы сказала на это леди Айвен?..

Лефф подготовил другое заклинание и вытащил из своего шкафа майку и штаны, потом, окинув имуса взглядом, еще и полотенце. Тот, увидев материализовавшиеся перед ним вещи, кивнул, кое-как оттер кровь с кожи и оделся. После чего сел уже в другое кресло, придирчиво осмотрел комнату, словно бы решал для себя, подходит ли она ему по статусу или нет. Очевидно, приняв какое-то решение, имус хмыкнул и, махнув рукой вправо, начал разговор:

— Неплохой интерьер. Не слишком вычурный, но и бедность не просвечивает. Только вон на той стене не хватает какого-нибудь яркого акцента, картину туда повесить — и будет отлично.

— Поражаюсь твоей наглости, — это была единственная фраза, которую смог выдать из себя Лефф. Он ожидал от пленника совсем другого поведения, хотел уже выбросить его обратно, к Коэну и Морю, но любопытство пересилило:

— Откуда так хорошо знаешь наш язык?

— На Авроре все говорят на языке примов, не слишком-то сложно выучить, — имус пожал плечами, — и твои собратья много болтали, вот я подтянул произношение. У вас акцент странный, наверное, давно не гостили на своей исторической родине?

Лефф не нашелся, что ответить. Для него было странно слышать такое от имуса, да еще и типично боевого, у которых традиционно был низкий уровень интеллекта — как говорила прим-леди Айвен, не путают своих с чужими, а большего от них требовать и не стоит.

— Раз ты такой разговорчивый, расскажи мне, как ты смог получить силу Уводящего?

— Спроси что полегче. Я о ней и не знал вообще, пока первый раз не умер. Очнулся в гробу — холодно, мерзко... Очень долго откапывался, с тех пор боюсь замкнутых помещений.

— Я думал — только воды, — Лефф хмыкнул, глядя на то, как имус встал из кресла,

дошел до бара, вытащил оттуда бутылку виски, потом посмотрел на нее, вернул обратно, подумал, вытащил коньяк, два бокала и вернулся обратно к столу.

— Воды, замкнутых помещений, когда люди подходят ко мне ближе чем на вытянутую руку, спать с малознакомыми женщинами... Это основное, есть еще кое-что по мелочи.

Не спросив разрешения, имус разлил коньяк по бокалам и пододвинул один к Леффу. Затем понюхал свой напиток, сделал маленький глоток, задумчиво посмотрел на бокал и налил себе еще.

Лефф смотрел на него и не мог понять, почему терпит такую наглость? Любой другой уже давно бы валялся на полу, корчась от боли, за одно только обращение «ты» к прим-лорду. Таинственная родовая магия? Нет, вряд ли... Наверное, Леффу было банально скучно, и он продолжил их странный диалог:

— С чего такие откровения?

— А я в всегда открыт для общения. У тебя что, совсем заесть нечем?

Лефф ухмыльнулся, демонстративно щелкнул пальцами, и через пару минут в кабинет вбежала запыхавшаяся девушка с подносом фруктов, порезанным лимоном и целой вазочкой шоколадных конфет. Имус важно кивнул ей, растерянная дурочка поклонилась вначале Леффу, потом его «гостю» и выбежала из кабинета.

— Хорошо, и как же можно управлять твоей силой?

— Понятия не имею. Помолись Уводящему, и он тебе ответит, по крайней мере, его жрецам помогает, — имус криво улыбнулся и осторожно вытащил конфету из вазочки, несколько секунд рассматривал ее, потом чуть-чуть надкусил и положил на стол. Видимо, отравления он тоже боялся.

— И как же мне узнать, что ты не врешь? — Лефф сделал глоток коньяка, подумал, что не помнит, когда в последний раз так сидел с кем-то, пил крепкие напитки, болтал. В этом столетии такого точно не было.

— Прочитай мысли. Поинтересуйся у своих друзей, они умеют спрашивать, — пленник отодвинул конфету в сторону, вытащил другую и съел ее целиком — то ли решил так изящно расстаться с жизнью, то ли все же понял, что его не отравят.

Лефф в этот момент обратил внимание, что у имуса содраны все ногти на руках. Да уж, его собратья-примы умели спрашивать... и развлекаться. Неожиданно ему стало стыдно за них. Странное, совершенно неуместное чувство — переживать из-за издевательств над каким-то имусом, недочеловеком...

Они сидели и болтали несколько часов, успев за это время «приговорить» семь бутылок коньяка, все-таки в быстром обмене веществ были свои недостатки — очень сложно напиться. Лефф как-то не поинтересовался, чем до своего похищения занимался этот имус, но вот собеседник из него вышел отличный. Прим-лорд давно не встречал таких. Да и не стремился к этому никогда: с кем ему было разговаривать по душам? С недоумком Джаем? Отсталыми Нирой и Велль, которые интересовались лишь друг дружкой? Полностью пришибленным Коэном или неадекватной Геллан? Как вовремя ее прибрал Уводящий Во Тьму! Из всей их компании более или менее вменяемым был только Мор, но за пять тысяч лет общие тему у них закончились. А до того, чтобы болтать с альтерами или имусами Лефф не опускался. И как оказалось, зря.

Имус слушал очень внимательно, изредка вставлял свои реплики, и Лефф сам не заметил, как рассказал тому почти все свои армейские приключения, вдоволь нажаловался на прим-леди Айвен, а также на враждебную оппозицию, уничтожившую Геллан.

После того, как Лефф отправил своего собеседника обратно в его камеру, то даже не поленился навестить своих товарищей и запретить им трогать имуса до завтрашнего дня. Определенно, это было больше, чем пленник заслуживал, но Лефф был в отличном расположении духа.

[1] Баку — дух из японской мифологии, питается кошмарами.

Глава 4. Притворившиеся людьми

Елисей проснулся ровно в шесть ноль-ноль. Весь прошедший год он начинал свой день именно в это время. Ни секундой раньше, ни секундой позже. Час пробуждения определила для него система, а способов что-то в ней менять Елисей не знал.

Сегодня ему снова снился тот, другой мир, и почему-то поезда, бесконечно длинные рельсы, по которым сновали груженные составы. Он был на этой железной дороге только один раз, уже перед самым возвращением, но в память она врезалась крепко. Может быть, потому, что он там чуть не погиб?

Мышцы стали беспорядочно дергаться, подгоняемые своими искусственными собратьями и электрическими импульсами из имплантов. Пора было начинать утреннюю тренировку, по предложенной системой методике. Очень хотелось еще немного полежать, а лучше — перевернуться на другой бок, укрыться одеялом и поспать несколько часов, благо сегодня не надо было никуда идти.

Но система никогда не спрашивала мнения своего носителя, и уже через минуту Елисей стоял на ногах и выполнял упражнения, в строгом соответствии с программой. За прошедшее время он уже успел привыкнуть к этим каждодневным нагрузкам, единственной проблемой оставалась недостаточная гибкость его тела. О чем система постоянно напоминала, правда, в последнее время цвет ее «выкриков» сменился с красного на оранжевый. Значит, скоро тело приспособится и к этому.

Но пока что было очень тяжело. Точнее — больно, особенно в тот момент, когда система заканчивала комплексы, направленные на развитие силы, равновесия и скорости и переходила к растяжке. Безжалостный искусственный интеллект позволял имплантам остановиться только тогда, когда Елисей уже был близок к болевому шоку и потере сознания. До этого же они безжалостно тянули мышцы и связки, заставляя их рваться. Какая системе разница, ведь функции травмированных тканей временно возьмут на себя искусственные волокна, а крохотные «лечебные» импланты, плавающие в крови, быстро залечат все повреждения. Хорошо еще, что система блокировала голосовые связки, и он хотя бы не кричал от боли.

Закончив упражнения, Елисей поплелся в ванную комнату — приводить себя в порядок. Дома у родителей ему было неуютно — как оказалось, за прошедшие месяцы он успел привыкнуть к своей служебной квартире и одиночеству. По крайней мере, там можно было вначале выпить кофе и только потом идти в душ, мыть и укладывать волосы, натягивать на себя одежду. Здесь же так поступить он не мог — не хотел пугать родных видом своего модифицированного тела.

Елисей несколько секунд смотрел на себя в зеркало, висевшее над раковиной. Яркие лампы беспощадно высветили тонкие полоски шрамов, окружавших лицо. Елисей выдохнул и стал рукой расчесывать волосы, пряча под ними напоминания о своем «улучшении». Раньше он всегда ходил с короткой стрижкой, но теперь позволить себе такого не мог: шрамы были хоть и тонкими, но все же достаточно заметными, особенно эти.

Еще приходилось носить одежду с длинными рукавами, даже в самую сильную жару, объясняя это тем, что он перенес тяжелую болезнь и теперь не может находиться под солнцем. На самом же деле, множество шрамов изрезали его кожу, и все они шли параллельно костям. Это могло породить множество ненужных вопросов, да и выглядело не

слишком привлекательно. Таинственная машина отнеслась бережно только к лицу и кистям рук, снимая с них кожу максимально аккуратно.

Елисей дернулся, его стало трясти, система «завопила», усиливая контроль искусственных мышц над настоящими, снижая частоту сердцебиения и увеличивая выработку «успокоительных» веществ. Странно, но за время службы в своей новой бригаде он почти забыл про эти приступы, а дома они накатывали чуть ли не каждый день. Наверное, потому, что в конторе можно было не стесняться своей новой сущности? Там все было со странностями, и никто не стал бы его осуждать, пугаться или сторониться. К тому же, была еще Ольга, Кровавая Смерть, которая своим характером и способностями переплевывала всех.

Он так хотел домой, но, попав сюда, вдруг понял, что за это время стал для своей семьи чужим. Он привык жить один, семья — обходиться без него. Даже беспородный пес Шарик, его единственный настоящий друг, всегда добродушный и веселый, не дождался своего непутевого хозяина — серьезно заболел, и любимца пришлось усыпить.

Осталась только Бетси, точнее — Беатриса Вероника Мормонская — йоркширский терьер, принадлежавший прабабке Елисея. И до этого не отличавшаяся хорошим характером, в последние дни псина будто обезумела: она не слезала с рук хозяйки и безостановочно рычала на всех. Глючная система неожиданно присвоила этому маленькому клоку шерсти оранжевый уровень опасности.

Елисей методично приводил себя в порядок, но чем больше времени проходило, тем сильнее он понимал, что не хочет больше находиться в доме родителей: в конторе ему было гораздо лучше. Какими бы сумасшедшими не были его коллеги, но с ними намного проще и интереснее.

Сейчас он оденется и спустится на первый этаж, там, на кухне уже завтракали все остальные члены семьи. Отец и мама, как всегда, будут болтать каждый о своей работе, прабабка, Елизавета Андреевна, начнет громко жаловаться на свои болячки или пустится в бесконечные рассказы о своем приюте для бездомных животных. За прошедшие пять дней Елисей буквально возненавидел и сам приют, и всех живущих в нем собак, и сотрудников, и даже приходящего ветеринара. Елизавета Андреевна постоянно о них рассказывала, казалось, что других тем для общения у нее просто нет.

Елисей вздохнул, забрызгал волосы лаком, чтобы хватило на весь день, и непослушные пряди не «уехали» со своего места, и вышел из ванной. Потом натянул одежду и отправился вниз, поймав себя на мысли, что на работу в таком настроении он не ходил ни разу.

Он прошел всего несколько ступеней, как снизу послышался крик мамы:

— Елисей! Спускайся скорее, тут к тебе гости!

— Иду, ма!

Он действительно практически побежал, но внизу, вопреки его надеждам, были не коллеги, а просто давние приятели: Никита, Влад и Марина. Ребята натянуто улыбались, видимо, их сюда отправили родители, чтобы «выгулять» болезненного сына Волконских. Никому из знакомых родители не могли рассказать всей правды, да и не знали они всего, по официальной версии Елисей все это время провел в зарубежной клинике, борясь с тяжелым недугом.

— О, привет, Леська! — Влад подскочил к Елисею и пожал тому руку, — А мы тут решили тебя с утра пораньше вытащить на пляж, пока еще тепло и ты снова в больницу не уехал!

Хм... «Леська», а я еще обижался на Ольгу за ее «Принца»! Вернусь в контору — куплю ей коробку конфет, — Елисей улыбнулся приятелям, мысленно послав их далеко и надолго, но из вежливости продолжил разговор:

— Привет! Я рад, что вы решили навестить меня! Но честно, не стоило, я уже распланировал сегодняшний день.

По лицам приятелей было видно, что и они совсем не прочь избавиться от болезного парня, и совершенно спокойно проведут время без него, но родительская воля — это не шутки. Тем более что отец Марины и Влада знал только одну воспитательную меру: лишать отпрысков денег. Про Никиту Елисей знал мало, но, судя по всему, и на него нашлось, чем надавить, иначе с чего вдруг такая тяга к общению? Они и до всех этих происшествий дружны не были.

— Лесечка, ну что ты! — Марина буквально повисла на Елисее, потащив за собой вниз, — поедем с нами, посидим у озера, шашлыки пожарим! Когда еще встретимся?

- Никогда! — чуть было не ответил Елисей, но вслух все же произнес: — Ребят, спасибо вам за приглашение, но, может, вы лучше сами? Меня после лекарств шатает что-то, все веселье вам испорчу.

Приятели сразу же загомонили, и Елисей понял, что все его возражения бессмысленны. Он кивнул и пошел за вещами.

* * *

Примерно через два часа они уже сидели на берегу озера и делали вид, что ловят рыбу. Точнее, парни с умным видом сидели за удочками, а Марина загорала, периодически выслушивая подколлки брата и пошловатые шуточки Никиты.

Если бы не компания, то Елисею здесь даже бы понравилось: уютное такое местечко, маленькое озеро среди лиственного леса, очень красиво и тихо. Они были единственными людьми в этом месте, где-то неподалеку шумела деревня, но ее жители не спешили в будний день прохладиться у водоема. Пляж хоть и небольшой — не шире двух-трех метров, зато вполне себе песчаный, а не земляной, как часто бывает в подобных местах.

Одно из деревьев живописно наклонилось к воде, словно бы решив искупать свои ветви, и Елисей поймал себя на мысли, что будь у него хоть капелька таланта к рисованию, непременно бы постарался запечатлеть это место. А так пришлось довольствоваться только фотографиями.

Ему вспомнилось, как они недели две назад отдыхали у Ольги на даче. Вот там было весело! Слушали музыку, жарили шашлык, прыгали с тарзанки. Илья перебрал с выпивкой и призывал всех купаться гольшом, но его поддержал только Лучик — неизменный приятель Волковой. И после этого случае все еще долго смеялись над рыжим, но он не обижался. Там Елисею было хорошо, хоть он в этом никогда бы и не признался вслух. Можно было не стесняться ни своих шрамов — те или иные отметины на теле были почти у всех сотрудников бригады, а увязавшиеся за ними Арсен и Йети вообще хвастались своими, рассказывая про каждый историю, — так что Елисей, недолго думая, натянул плавки и прощоголял в них весь день. Не надо было прятать свои способности, поэтому он, подключив системные расчеты, импланты и силу искусственных мышечных волокон с истинным удовольствием красовался, выполняя живописные прыжки в воду. Так уж вышло,

что быть самим собой он мог только в компании таких же ненормальных, а с обычными людьми его больше ничего не связывало.

Вот и сейчас он сидел на мостках, с сосредоточенным видом разглядывая поплавок, но на самом деле уже доигрывал битву с силами тьмы через валявшийся в сумке смартфон. Все-таки было что-то хорошее и в его состоянии. Елисей подумал, что голыми руками он наловил бы рыбы гораздо больше, чем этой бестолковой удочкой. К тому же в озере явно водились раки, о чем его сразу же оповестила система, всегда искавшая «альтернативные источники питания».

Но ему нельзя просто так раздеться и идти на промысел, он мог только снять кроссовки и опустить в приятно охлаждающую воду ступни. Марина, случайно заметившая его шрамы, брезгливо скривилась и пошла загорать. Да и Влад с Никитой сели так, чтобы свесить ноги по другую сторону мостков, спиной к Елисею.

После пары часов бестолкового сидения парни заскучили и предложили поиграть в волейбол. Сомнительное удовольствие, особенно на такой жаре, но как-то же надо протянуть время.

Влад и Никита стали друг напротив друга и теперь делили «отстающих». Марина бросала на Елисея участливо-понимающие взгляды, и он понял, что перешел для девушки в разряд «убогих» — несчастных парней, с которыми можно иметь какие-то отношения только из жалости. Елисей слишком хорошо знал этот взгляд, через такое он уже прошел, и желание войти в зону «альфа-самцов» было одним из факторов, толкнувших его влезть в тот проклятый кибернизатор.

В конце концов они разделились на две команды и начали игру: Влад и Елисей против Никиты и Марины. Игра шла не слишком ровно, и основная борьба велась между двумя парнями. Елисей отбивал мяч лениво и бестолково, так, как и подобает делать несчастному, больному парню. Никита с Владом через некоторое время уже начали откровенно издеваться над ним. Марина делала вид, что защищает, но по ее глазам Елисей видел, что скатился уже до «точки невозврата», а именно — того состояния, когда с ним не стоит иметь дела даже из жалости, ибо такие «калечные» самцы не имеют права на жизнь. И размножение.

— Леська, ну твою мать, можно было хоть в этот раз отбить, мяч же прямо тебе в руки летел! Ты его что, боишься?

Влад набросился на него, временно забыв про болезненное состояние приятеля. Елисей несколько раз сжал и разжал кулаки, — ну все, на сегодня с него хватит! — и ответил:

— Постараюсь быть внимательнее.

Влад кивнул, видимо, осознав, что перегнул палку, и снова стал на позицию. Никита подал мяч, хитро, так, чтобы стоящий истуканом Елисей не дал Владу его отбить. Но Елисею надоела эта ситуация, и он тут же якобы случайно отбил мяч, система услужливо помогла ему высчитать силу и направление удара, так, чтобы не оставить Никите ни единого шанса. Парень просто не мог отбить мяч.

Но он все же сделал это: вытянув руку вперед, на непопозволенное естественной гибкостью суставов и длиной конечности расстояние — и отбил. Влад и Марина ничего не заметили: скорость движения была слишком велика. Но от Елисея это не ускользнуло, безжалостная система запечатлела все, снабдила графиками и теперь высвечивала над Никитой красно-оранжевый значок опасности. Но при этом даже иномирный искусственный интеллект не мог распознать тип этого паранорма, и в маленькой табличке была только надпись: «Данные не обнаружены».

Елисей, проигнорировав летящий в него мяч, вытащил из заднего кармана джинсов удостоверение сотрудника Надзора и направился к Никите:

— Солежский отдел Надзора. Младший сотрудник Волконский. Назовите свое полное имя, тип способностей и количество УДЕ.

Влад и Марина вытаращились на Елисея, как на слабоумного, но ему уже было не до них. Никита сделал пару шагов назад, сгорбился и побежал в сторону леса нечеловечески длинными шагами.

Система рассчитала возможную траекторию движения, которая помогла бы задержать неизвестного паранорма, искусственные мышцы и импланты погнали тело вперед. Небольшая пробежка, оттолкнуться и прыгнуть объекту на спину.

Никита, снесенный инерцией обрушившегося на него преследователя, повалился на землю. Елисей постарался рассчитать свой прыжок так, чтобы противник упал максимально неудобно, но не расшибся при этом насмерть. А также, чтобы его удобнее было скрутить. Елисей еще в полете постарался ухватить Никиту за руку и теперь выкручивал конечность, ограничивая тому свободу маневра. Но парень будто бы не замечал боли, он сразу же оттолкнулся свободной рукой и начал подниматься на ноги.

Елисей еще раз дернул руку противника, но, к своему ужасу почувствовал, как суставы того меняют свое расположение, подстраиваясь под захват. Никита, стоя все так же спиной к Елисею, несколько раз пнул того ногой, притом с нечеловеческой силой, затем вывернул свободную руку под немыслимым углом и попытался ударить ей. А когда Елисей увернулся, одновременно рванув руку Никиты так, что послышался явственный хруст, и сустав безобразно вывернулся наружу, противник резко выбросил голову назад. Елисей чуть не завопил от боли, почувствовав, как хрустнул его нос, хорошо, что система на время боя заблокировала голосовые связки. Судя по ощущениям, от носа не осталось ничего, несмотря на то, что хрящи и кожа были укреплены нитями неизвестного иномирного металла. Кровь потекла по лицу и сразу же остановилась.

Елисей крепче перехватил руку противника, выгибая ее назад, затем, плюнув на возможность задержать неизвестного паранорма в относительно здоровом состоянии, резко придвинулся к нему и, игнорируя ответные удары, за одно короткое движение свернул тому шею. Система почему-то одобрила такой вариант, как «способ временно нейтрализовать враждебно настроенный объект».

Никита обмяк и повалился на землю. Елисей понял, что объект, похоже, нейтрализован надолго. Но если у него и были сожаления по этому поводу, то выражались они только в трепете перед бумагами, которые надлежит заполнить в конторе. Тем более, если верить системе, то Никита был вполне себе жив.

Где-то в недрах искусственного интеллекта, поддерживающего его нынешнее существование, шел сбор и анализ данных о повреждениях, полученных во время этой схватки. Пока что система заблокировала большую часть сигналов от болевых рецепторов, да и бурлящие в крови гормоны не давали адекватно почувствовать боль. Но скоро все изменится.

Система нарисовала картинку, обведя красным правую голень. Судя по высветившимся табличкам, одна из костей там была сломана, но импланты уже начали фиксировать ее в правильном положении, после чего начнется процесс заживления. Оранжевым цветом обозначилась область нижних ребер слева и нос.

Никита между тем зашевелился и начал подниматься с земли. Елисей равнодушно вправил нос на место, вытер рукавом кровь, выжидая, пока импланты не зафиксируют кость

в правильном положении. Марину и Влада он видел только самым краем взгляда, наблюдая, чтобы и эта парочка не решила присоединиться к убийству сотрудника конторы.

Никита встал, неспешно развернулся лицом к Елисею, с противным хрустом вернул шею на положенное анатомией место и недобро улыбнулся. После чего внешность парня начала меняться: вытянулись вперед челюсти, руки удлинились, опустившись ниже колен, пальцы обзавелись настоящими когтями, ноги жутковато изогнулись сразу в нескольких местах, будто бы обзавелись дополнительными суставами.

Зато наконец-то перестала тупить система — она уверенно опознала в обновленном Никите боевую особь некросов и стала предлагать варианты уничтожения. Кроме перечисления различных видов оружия, она выдала совершенно неутешительный прогноз: киборг не способен в одиночку победить некроса, только продержаться против него в рукопашном поединке сорок три минуты с вероятностью взаимного уничтожения шестьдесят процентов.

Слишком мало для того, чтобы сотрудники Надзора успели приехать ему на помощь. Но Елисей совершенно не собирался бесполезно «взаимоуничтожаться», поэтому на телефоны всех его коллег, а также на все их страницы в соцсетях уже полетели сообщения с его местоположением и просьбой о помощи. Некрос тоже явно не был камикадзе, потому нападать не спешил и начал разговор:

— Что, получил данные своей системы? — челюсть «Никиты» вновь втянулась на место, чтобы стать более пригодной для общения. — У меня тоже нет желания погибать в бесполезной схватке. Тем более что у Верховного есть к тебе предложение.

Последнюю фразу некрос произнес уже на другом языке, Елисей никогда не слышал его звучания, но знал достаточно хорошо — это был язык его системы.

— Что скажешь, если Храм Жизни в обмен на твою преданность вернет тебе полноценное человеческое тело?

— А с чего вы взяли, что я этого хочу? — выдержав паузу, пусть и слишком короткую — но как-то потянуть время было надо — ответил Елисей, после чего начал осторожное движение по кругу. Некрос широко улыбнулся и тоже двинулся с места, сохраняя разделявшую их дистанцию.

— Конечно, хочешь! Неужели тебе нравится жить неполноценным уродом?

Марина и Влад ошарашенно смотрели на двоих монстров, которых они еще пару минут назад считали своими насквозь изученными приятелями. Ребята незаметно пятились к машине, но слишком медленно и бестолково. Елисей хотел крикнуть им, чтобы убирались отсюда, но боялся — вдруг его действия спровоцируют «Никиту»?

— Я сильнее, умнее и быстрее любого обычного человека, почему я должен горевать об этом?

— Хе! — некрос неестественно широко улыбнулся, обнажая все зубы, — Кого ты хочешь обмануть своими словами? Люди тебя никогда не примут, и твоя семья не исключение, даже здесь, на отдыхе, ты не можешь полностью расслабиться. Но это все цветочки! Много ли ты знаешь о кибернизации? Думаешь, ее создали в том мире, чтобы сделать человека равным машине? Но ее придумали не для этого. Просто хозяевам нашей жизни нужны были сильные, бесстрашные слуги.

Потом «Никита» стал зачитывать долгую последовательность цифр и букв, Елисей не понимал, какой в этом смысл, пока система не мигнула зеленым и не заставила его произнести чужим, механическим голосом:

— Доступ получен. Вам присвоено звание «Временный распорядитель», готов исполнить ваши указания.

— Отдохни пока! — с каким-то булькающим звуком хихикнул некрос. — Выключить режим свободного функционирования, оставить только программы жизнеобеспечения, повторное включение — через двадцать четыре часа.

— Принято, — ответила система, после чего Елисей быстро опустился на землю, вытянул руки вдоль туловища, и больше пошевелиться не мог.

Система вывела на внутренний «экран» сообщение о состоянии всех функциональных систем организма, она поддерживала сердцебиение и дыхание, даже моргнуть глазами самостоятельно не выходило, это происходило автоматически, в строго заданной частоте, чтобы не допустить пересыхания слизи.

Елисей с ужасом осознавал, что больше не владеет своим телом: словно бы вместо хозяина стал в нем сторонним наблюдателем. Он пытался пошевелить рукой или ногой, но ничего не получалось. Куда-то под лопатку больно впился камень, хотелось повернуть голову, чтобы не слепило солнце, но он продолжал лежать без движения. Наверное, так себя чувствовали парализованные люди: мозг все еще продолжает работать, а тело практически мертво.

«Никита», тем временем, подошел к нему, наклонился, и продолжил свой монолог:

— Знаешь, какое главное качество слуги? Беспрекословное подчинение приказам! А разработчики кибернизаторов достигли в этом полного совершенства! Система идеальна и не допускает вольностей у своего носителя. И да, теперь ты всего лишь устройство, даже не личность. Подумай, как следует, над моим предложением. Вдруг в следующий раз распорядитель системы прикажет тебе кое-что похуже, чем полежать на солнышке?

Некрос захохотал, потом вышел из поля зрения Елисея. Но, судя по крикам Марины и Влада, а также — по зашумевшему мотору, «Никита» сел в машину и уехал, бросив ребят здесь.

Дальнейшее время тянулось для Елисея ужасающе медленно. К нему подбежали ребята, стали трясти. Влад несколько раз обливал его водой. Но до простой мысли заслонить лицо от солнца или хотя бы повернуть голову набок они не додумались, и нестерпимо яркий свет выжигал глаза. Все сильнее впивался под лопатку камень. По ноге бегал настырный муравей. Мучительно чесался заживающий нос.

Через двадцать семь минут к нему приехали Данила, Ольга и Вадим. Елисей с досадой подумал, что надо ввяжись он в драку, смог бы захватить некроса, и не валялся бы на земле в обездвиженном состоянии.

Но, как оказалось, самым полезным человеком в этой компании была именно Волкова: она заставила Данилу и Вадима перетащить Елисея в тень и уложить его на валявшееся рядом покрывало, подпихнула что-то под голову, повернула ее так, чтобы он мог видеть происходящее на пляже, смочила пересохшие губы водой, даже назойливый муравей не ускользнул от ее внимания. Определенно, она была лучшей женщиной во вселенной.

Горецкий и Самойлов тем временем начали допрос Марины и Влада, и с их слов составляли примерную картину событий. Елисей наблюдал за коллегами, и ему хотелось выть от осознания собственной беспомощности. Следующие двадцать три часа обещали стать настоящим испытанием.

Илья по настоящему сочувствовал работникам полиции. В первый раз он столкнулся с расследованием, полностью не зависящим конторы и служивших там паранормов. Ни въедливых дознавателей, ни всезнающих ищек, только разговоры, допросы, сопоставления фактов. Как будто простые граждане горели желанием общаться с неизвестными парнями с сомнительными документами!

Вначале были долгие расспросы соучеников Эли о том злополучном дне. Оказывается, девушка забыла дома важный реферат, вызвонила водителя, и они вместе поехали домой к Казакевичам. Эля была взволнована: преподаватель по этому предмету был строгим дяденькой старой закалки и никаких отговорок не принимал.

Собственно, это был последний раз, когда одноклассники видели Элю: после аварии она не посетила лицей ни разу. Что было еще одним плюсом в пользу теории о замене девушки имитатором — примитивная особь некросов почти не могла усваивать новую информацию и выдала бы себя на первой же лекции. И если ученицы лицея были довольно милыми болтушками, легко купившимися на обаяния Ильи, то с суровыми фельдшерами скорой помощи этот номер не прошел. Две дамы среднего возраста наотрез отказывались говорить о пациентах той аварии, ссылаясь на свою забывчивость и нерушимость врачебной тайны. Разговорить их удалось только Волковой. Неизвестно, чем она подкупала или запугивала медиков, но выпытала, что в тот день они увезли с места аварии всего одного живого человека — водителя. Его спутница была мертва.

После этого Илья и Вадим расспрашивали жену водителя. Женщина все время плакала, но клятвенно заверяла, что покойный никогда не брал в салон хозяйской машины случайных попутчиков, что случилось с ним в тот день, она не знает.

Не легче было и с частным детективом: тот за время работы в полиции успел столкнуться с работниками Надзора и тягой к сотрудничеству не страдал. Информацией делиться он начал только после звонка Саввы. Рассказ детектива точно совпадал с показаниями работников скорой помощи: с места катастрофы увезли одного выжившего человека. Так что Илье и его помощникам осталось проверить только самое последнее звено этой цепочки — работников морга, чем, собственно, он и собирался сейчас заняться.

Илья медленно вошел в кабинет. Следом, по странной траектории проследовал Марк. Самойлов хмыкнул про себя: их постановка шла своим чередом, и пусть патологоанатом не обратил внимания на передвижения незнакомца внимания, но заметил-то их наверняка. Марк, закутанный в традиционный балахон, с темными очками, закрывающими почти половину лица, сел в самом дальнем углу, постаравшись удалиться на максимальное расстояние от стоящих на полке икон. Потом он несколько раз шумно вдохнул, явственно поводя носом и сухим, надтреснутым голосом объявил:

— Пахнет кровью!

— У тебя же есть с собой? — Илья, призвав свой актерский талант, обеспокоенно посмотрел на Марка, но тот только кивнул и вытащил пол-литровую бутылку с красной жидкостью из внутреннего кармана, открутил пробку и сделал несколько глотков, как бы невзначай обнажая свои длинные желтоватые зубы.

Патологоанатомом был молодой мужчина, лысый и весь какой-то круглый, что делало его внешний облик весьма забавным и неподходящим для истинного привратника царства

Аида. Уголки его губ все время тянулись вверх, стремясь обозначить улыбку. Наверняка он был душой компаний и весельчаком. Илья сразу же почувствовал к нему симпатию, а после произнесенной тем фразы чуть ли не предложил сходить вместе в бар, выпить по кружке пива:

— А что сразу «с собой»? Давайте я вам нашей налью? Свернувшейся, правда, но от голода ведь продуктами не перебирают? — врач явно наслаждался видом вытянувшихся лиц конторщиков и не собирался прерывать веселье: — Думаете, вы первые слуги Тьмы, которые сюда пришли? Да я за пять лет работы в морге кого только не видел: и вампиры, и зомби, и чернокнижники, и даже Князь Тьмы как-то собственной персоной появился! Кстати, могу санитарями устроить, прежние что-то уже наелись эманаций смерти и уволиться хотят!

— Все хохмите? — Илья постарался придать лицу максимально суровое выражение, но собеседник не проникся, продолжив довольно улыбаться. — Ничего забавного в этом нет!

— Кисель, клубничный. Хотите? — Марк протянул патологоанатому бутылку. — У меня сахар в крови скачет, особенно когда пугаюсь чего-то.

— Ну, извините! Попутал! С кем не бывает? Чем могу быть полезен?

— Солежское отделение Надзора, заместитель начальника пятой бригады, Илья Самойлов, — он вытащил удостоверение и протянул его врачу. Тот бросил на «корочку» быстрый взгляд, после чего кивнул.

— Младший сотрудник Марк Чайлдман.

— Северский, Артем Иванович. Знаю про такую контору, как-то ко мне уже приходили ваши сотрудники. Странные такие парни, никак их имен вспомнить не могу, там еще один второго за руку все время держал. Тоже начальник какой-то бригады, вроде один был Тим... Я еще тогда подумал: странная парочка, геи, что ли?

— Да. Но это уже неважно, они оба погибли четыре месяца назад.

— Жаль, забавные такие были, особенно младший... Вот странно: вроде мертвых людей вижу чаще, чем живых, а привыкнуть к смерти не могу... Но вы же, наверное, не про них поговорить пришли? Давайте, не томите, чем могу, так сказать!

— Не знаю, помните ли вы, но чуть больше месяца назад сюда привозили девушку, погибшую в автокатастрофе. Мы наводили справки, она именно к вам на вскрытие попала. Нам бы хотелось узнать, были ли в этом деле какие-то странности? — Илья уселся на стул и вытащил из кармана телефон с включенным диктофоном. Он бы и сам все запомнил, но Данила всегда требовал точных отчетов.

— Знаете, сколько вскрытий я за это время провел? Не могу всех упомянуть! Но со странностями было только одно. В середине июня привезли к нам девушку, на машине она разбилась. Так вот, только я приготовился ее резать, как залетает наш главврач, отпихивает меня от тела и говорит, чтобы девушку срочно в холодильник запихнули. А минут через двадцать приехали какие-то мутные типы и увезли труп.

— А были у этой девушки какие-то особые приметы? — Илья начал постукивать удостоверением по столу.

— Я толком ничего и не успел рассмотреть, автокатастрофа, сами понимаете. Единственно, у девушки татуировка на левой щиколотке была, что-то вроде ангела со сломанными крыльями.

Илья стукнул кулаком по столу и почти побежал в сторону двери: именно такая татуировка была у Эли. Ну не могла же у случайной попутчицы водителя Казакевичей быть точно такая же? Краем глаза Илья заметил побледневшего врача, медленно оседавшего на

свое место. В коридоре Марк шепнул:

— Огонь потуши!

Илья, опомнившись, посмотрел на свои дымящиеся руки, потом хмыкнул: похоже, им сегодня все же удалось устроить циничному патологоанатому «встречу с непознанным».

В кабинет главврача они влетели через несколько минут, проигнорировав сидящую за столом секретаршу. Илья первым делом повернул торчащий в замке ключ, чтобы никто не помешал их разговору.

Марк, взбеленившийся от услышанной новости, подбежал прямо к высокому, импозантному мужчине, сидящему в кресле, схватил его за горло и прижал к стене, другой рукой скинув очки. Младший сотрудник приблизился вплотную к лицу врача и, тряхнув того, задал свой вопрос:

— Где ваш Храм Жизни... мертвяки?

— Вы к-кто? Что хотите?

— Простите моего коллегу, он несколько невоздержан! — Илья развел руки в стороны, слегка улыбнувшись, — Потому, кстати, советую отвечать на его вопросы максимально честно и полно.

— Я не понимаю... — мужчина побледнел, по его лбу катились капли пота.

— Ну странный ты человек! Чем больше вымахиваешься, тем дольше мы тут торчим? Или понравились? — Илья хихикнул и подмигнул, но, поняв, что его юмор не оценили, продолжил: — Хорошо, давай по порядку. Примерно полтора месяца назад ты не разрешил патологоанатому Севрескому делать вскрытие тела девушки, погибшей в автокатастрофе. После чего приехали какие-то люди, забрали труп и увезли. Освежил память? И если ты не балуешься некрофилией, то расскажи, куда потом дели труп, и зачем все это было нужно?

— Я не знаю... — врач буквально захрипел, пытаясь руками отодрать ладонь Марка от своего горла, — Меня знакомый, отец этой девушки, попросил не проводить вскрытия, они с женой не хотели, чтобы издевались над телом дочери. Так часто бывает.

— Так, к счастью, бывает редко! — Илья развернулся в сторону выхода из кабинета: здесь им делать было нечего, пришло время поговорить с родителями Эли.

— Что тебе за это пообещали? Бессмертие? — Марк еще раз тряхнул мужчину.

— Н-не, — тот уже трясся от испуга и не мог говорить связно, — это ж приятель... и денег немного дали...

Марк резко отпустил руку, отчего мужчина плюхнулся на пол.

— Когда ожившие мертвецы захватят город, людей превратят в безвольный скот, заберут твоих детей в питомник, а твоё тело будут рвать на части и жрать, помни об этих деньгах!

— Он шутит! Говорил же, без тормозов! Марк, идем, в конторе тоже можно боевики цитировать! — Илья поймал коллегу за рукав и чуть ли не силком вытащил из кабинета, пока тот не выкинул еще какой-то номер.

* * *

Меньше чем через два часа Илья вместе с Данилой и Ольгой уже сидели в гостиной Казакевичей и пока еще приветливо вели разговор. Прямо напротив Ильи сидела Эля. Он смотрел на ее точеную фигурку, смазливенькое юное личико, и никак не мог поверить, что

перед ним не живой человек, а особь некросов. Симпатичная девочка. Илья бы с такой познакомился через пару лет. Сейчас ни-ни, он, как Остап Бендер, чтит Уголовный кодекс. Да и к чему переступать грань, когда и по эту ее сторону достаточно соблазнов? Илья скосил взгляд на откинувшуюся в кресле Ольгу. Но у Волковой были принципы — никогда не встречаться с коллегами. А свои принципы она никогда не нарушала. Наверное, потому, что принципов тех было раз-два и...

Данила укоризненно посмотрел на Илью и поправил очки, будто догадавшись, как далеко витают мысли друга. Самойлов едва заметно кивнул и вновь принял сосредоточенный вид, тем более расслабляться действительно не стоило, а на Ольгу он еще успеет насмотреться, хотя она сейчас так соблазнительно закинула ногу на ногу... Мать его, Плазма! Ну почему она снова свои джинсы не натянет?

— Давайте ближе к делу! — отец семейства быстро пил кофе, недовольно морщился и бросал укоризненные взгляды на нежданных посетителей. — Мне на работу надо!

— Подождет работа, семья превыше всего! — с интонацией, достойной дона Корлеоне, вальяжно проговорила Ольга.

— Хорошо. Опустим лишние предисловия, — Данила в упор посмотрел на Казакевича. — Мы знаем, что ваша дочь мертва, и вы содержите в своем доме ограниченно самостоятельную особь некросов — имитатора.

Мать девушки охнула и зажала рот руками, потом, давась слезами, она закричала:

— Нет! Не правда! Эля жива!

— Вы сами понимаете, что это ложь, — Данила сказал это равнодушно, даже слишком равнодушно, и Илье стало не по себе от этого тона — с другом явно творилось что-то неладное.

— Вы с женой, — продолжил Горецкий, обращаясь к мужчине, — совершили преступление, попадающее под юрисдикцию Надзора, и понесете наказание в соответствии с Кодексом, особь некросов будет ликвидирована в штатном порядке.

— Не-е-ет!

— Что вы несете? — одновременно прокричали Казакевичи.

Эля все так же сидела на месте и улыбалась — ее примитивный интеллект не мог подобрать подходящего варианта действий, ведь разоблачение не было заложено в его «программе». А для самих некросов имитатор ценности не представлял, поэтому срок жизни у этой разновидности не превышал года — ничто, по меркам Вечных.

— Вы поймите, — Ольга поднялась со своего места, подошла к плачущей женщине и протянула той стакан воды, — это не ваша дочь. Эля мертва, и с этим ничего нельзя поделать. То, что ходит по вашему дому и притворяется вашей дочерью — всего лишь имитатор. Это не больше, чем примитивный искусственный интеллект. Построенный на других принципах, чем наши компьютеры, но близкий именно к ним. Он роется в ее памяти, находит там ответы на возникающие у вас вопросы, ищет оптимальные способы поведения в разных ситуациях. Посмотрите на него сейчас. Видите, он сидит и никак не реагирует на происходящее. Знаете, почему? Потому что в памяти Эли нет подходящей реакции на этот случай.

— Мама, папа, зачем вы их слушаете? Это же какие-то психи! — имитатор встрепенулся и вскочил со своего места, направившись к родителям девушки. Но те лишь неосознанно попятнулись — движения у имитатора были рваными, механическими, таких не бывает у живых существ. К тому же, цвет кожи особи стал мертвенно-бледным с явным

оттенком желтизны. Илье даже показалось, что по помещению пошел странный, сладковатый запах. Запах тлена.

Женщина зарыдала и стала сползать на пол. Ольга подошла к ней, села рядом и обняла.

— Эля умерла месяц назад, а то, что стоит рядом, лишь тень ее воспоминаний, движущаяся картинка, не более того. Надо отпустить вашу дочь.

— Нет, нет, Элечка жива...

Казакевич в упор смотрел на имитатора, неожиданно ставшего разлагаться: еще пару минут назад казавшееся смазливym личико вздувалось и синело, по голове, рядом с местом смертельной травмы, явственно пошла гниль. Запах в помещении стал нестерпимым, и Илья встал и открыл настежь окно. Данила, словно восковая статуя, молча замер на месте.

— Я понимаю ваши чувства: терять детей больно, слишком больно. Такого не должно случаться с человеком. Но вы должны принять это и двигаться дальше. Ради Эли. Она бы не хотела, чтобы вы похоронили себя вместе с ней! — Ольга погладила рыдающую женщину по волосам и прижала к себе.

— Папа, ты же меня любишь? Ты же знаешь, что все это ложь? Ты сам забирал меня из больницы!

Имитатор повернулся в сторону Казакевича и вытянул руки. Теперь некрос больше не походил на Элю, самым немислимым образом посреди комнаты стоял и разговаривал настоящий активно разлагающийся труп. Неожиданно «Эля» взметнулась в воздух и вылетела через окно, вышибив по пути раму. Илья поймал взгляд вскочившего со своего места Данилы и коротко кивнул, соглашаясь с таким решением.

Он развернулся к окну и увидел, как имитатор медленно поднимается с клумбы. Илья мысленно попросил прощения у незнакомой ему девушки и ее родителей, затем невероятно горячее пламя окутало фигурку некроса. Труп сгорел за считанные мгновения, оставив после себя лишь горстку пепла. Достойное погребение для измученного тела...

Родителей Эли успокаивали долго. Правда, основная нагрузка тут пришлась на Данилу и Ольгу, сам же Илья обзванивал начальство, готовил отчеты об обнаружении особи некросов. Но он был только рад такому разделению обязанностей: в психологии Илья был не силен. Не было у него подходящих слов, чтобы утешить родителей, потерявших свою дочь во второй раз.

Вызывал опасения и Данила: неожиданно друг предложил не оповещать начальство, а начать расследование самостоятельно. Илья же был категорически против этого. Нашел время и повод играть в частного детектива! Некросы в городе! Потому, чтобы избавить друга от соблазна утаить информацию, Илья и вызвался лично заняться «канцелярской» частью этого дела.

Но, даже когда он спрятался за бумажками, ему было не по себе от этой истории. Мать Эли захлебывалась слезами и не могла толком разговаривать, отец же, выпив несколько бокалов коньяка, начал свой рассказ.

Григорий плохо помнил тот день: все происходящее смешалось в одно смазанное пятно из событий, словно бы кошмарный сон, от которого остается лишь ощущение дрожи в руках и пробивший пот, но начини вспоминать детали — и все они по отдельности кажутся слишком иррациональными, чтобы вызвать страх. Они с женой уехали на работу, дочь собиралась в лицей, куда ее неизменно доставлял водитель. Где-то ближе к обеденному перерыву Григорию позвонили из дорожной полиции и сообщили о том, что его дочь мертва, а ее спутник находится в больнице, в тяжелом состоянии. Казакевич не поверил

этому, принял за неудачную шутку телефонных хулиганов, начал звонить Эле, но ответа не было. Потом набрал номер водителя, и медсестра из реанимации подтвердила, что тот находится у них.

Григорий позвонил жене, не зная, как сообщить о происшедшем. Но женщина словно бы догадалась сама, спросив коротко: «Что с Элей?», и громко зарыдала, так и не услышав ответ.

Дальше в памяти Григория как будто наступил провал, кажется, кто-то из коллег позвонил в похоронное бюро. Или это был он сам? Все вокруг бегали и суетились, друзья и родственники оборвали телефон, пытаясь выведать подробности трагедии, но Григорий не брал трубку: сил разговаривать не было.

Следующий миг просветления настал в тот момент, когда в кабинет к безутешному отцу вошел улыбчивый молодой человек и закрыл дверь на ключ. Григорий подскочил с места и хотел выгнать хама, но тот огорошил новостью: Элю можно вернуть в мир живых. Правда, за очень большие деньги. Казакевич чуть лично не растерзал мерзавца, решившего нажиться на чужом горе. Но тот, все так же дружелюбно улыбаясь, вытащил из кожаного портфеля нож, устроил левую кисть на столе и, даже не поморщившись, отрезал себе мизинец.

Григорий не мог поверить в реальность происходящего. Кровь, ненадолго хлынувшая из раны, быстро остановилась, порез начал рубцеваться, а через пару минут у незнакомца вырос новый палец. И это был никакой не фокус, потому что нет технологий, позволяющих вытворять такое.

Видя, что клиент все еще сомневается, парень предложил Григорию самому нанести «продавцу жизни» травму на выбор. Но Казакевич только помотал головой. Дальше у них начался деловой разговор. Через несколько минут улыбчивый парень вышел из кабинета, забрав с собой одну из кредитных карт отца Эли, остальную сумму они договорились передать уже после возвращения девушки с того света.

В первую очередь Казакевич позвонил жене и строго-настрого запретил рассказывать о случившейся трагедии, а всем, кому уже успела сказать, перезвонить и сообщить об ошибке, что за Элю приняли другую девушку, случайную попутчицу водителя. Ту же версию он сам озвучил и для коллег. Потом начал искать знакомых в морге, куда увезли Элю. За солидное вознаграждение главврач этого заведения согласился выдать им тело. Больше всего проблем возникло с полицейским протоколом о месте ДТП, но и с этим он справился. После того, как все организационные вопросы были решены, Григорий и возвратившийся «благодетель» погрузились в странную, похожую на грузовик для перевозки скоропортящихся продуктов, машину и оправились за Элей.

Отец смотрел на искореженное тело дочери и понимал, какую глупость совершил. Скорее всего, незнакомец — банальный мошенник, который сбежит с его деньгами. Отрезанный палец же был пусть и невозможным, но все же фокусом. Парень, словно бы и не догадываясь о сомнениях клиента, спокойно сидел рядом, все так же улыбаясь непонятно чему. Непонятнее него был только молчаливый водитель машины, ничуть не удивившийся тому грузу, что ему выпало перевозить.

Григория высадили прямо перед воротами мясокомбината, породив новую волну сомнений. Худшее место для возвращения с того света невозможно было придумать. Но «продавец чуда» только похлопал Григория по плечу и заверил, что уже через час они с женой смогут снова обнять свою дочь. После чего захлопнул дверь, и грузовик, благополучно миновав проходную, скрылся за воротами комбината.

Через пятнадцать минут к воротам подъехала жена Григория, и они стали ждать вместе. Говорить было невозможно тяжело, и они просто молчали. Через один час и три минуты ворота комбината снова открылись, и из них вышла совершенно здоровая Эля. Только клок выбритых волос напоминал о произошедшей трагедии.

Родители обнимали девочку, плакали и не могли поверить своему счастью. Через пару минут к ним вновь подошел незнакомый благодетель и отвел Григория в машину, для дальнейшего разговора. Он забрал еще одну карточку, на которой был остаток суммы и коротко рассказал об истоках такого чуда.

Достаточно давно, еще в советские времена, ученые разработали специальное вещество, так называемый «раствор-V». Сложнокомпонентный состав, способный в разы ускорить регенерацию клеток и даже вернуть человека с того света, если после смерти прошло не так много времени. Илья хмыкнул в этот момент, некросы даже не потрудились придумать достаточно достоверную легенду, просто адаптировали какой-то рассказ фантастический и все. Но какая разница, если им верят? Неужели у человека после серьезной потери настолько теряется критическое мышление? А сам он, такой умный, как бы повел себя, если бы ему предложили вернуть родителей с того света? Да еще и ему тогдашнему, малолетнему подростку, знать не знающему ни о каких некросах и Надзоре. Наверняка и сам бы стоял в очереди за чудом. Зачем тогда осуждать других?

Впрочем, Григорий не заметил его реакции и продолжил свой рассказ. У раствора был один серьезный недостаток, из-за которого его не пустили в массовое производство: действовал тот далеко не на всех, не более тридцати процентов испытуемых чувствовали на себе положительный эффект, остальные умирали. Но Эле-то терять было нечего? Потому «продавец жизни» и предложил испытать раствор на ней. К счастью, девочка оказалась V-положительной, и в ее случае регенерация пошла как нужно. Но смерть все же серьезный стресс для организма, и поэтому некоторое время Эле необходимо будет питаться только специально подготовленной смесью и ничем больше.

Илью передернуло, уж он-то хорошо знал, из чего готовят смесь для поддержания жизни некросов. Но говорить об этом родителям «воскресшей» девочки, он не стал, как, впрочем, и Данила с Ольгой.

«Продавец жизни» обещал провести тесты на V-совместимость и для четы Казакевичей, и если все пройдет гладко, то и они смогут пить чудесный раствор. Вот в этом Илья не сомневался — к зельям, стимулирующим рост цереbellума, не было противопоказаний...

* * *

Некоторое время они ехали молча. Ольга безостановочно курила, совершенно игнорируя присутствие мужчин в машине. Данила смотрел в окно и тербил в руках какой-то листок.

Илья, раскинувшийся на заднем сидении, поджигал и тушил маленький огонек над ладонью. Паршиво все это. Они убили ребенка на глазах родителей. После чего семейную пару отправили в изолятор Березовой рощи. И не важно, что этот ребенок был всего лишь имитатором — низшей формой некроса, — для родителей он все еще был живым, любимым, самым дорогим человеком во всем мире. Если бы Эля не начала разлагаться на глазах, неизвестно, чем бы обернулся их разговор. И это было странно, у имитатора должен был быть запас прочности в несколько месяцев, почему же он стал так стремительно истлевать?

— Не хочешь мне ничего рассказать? — Илья тронул Данилу за плечо, привлекая внимание.

Ольга мазнула взглядом по Илье, после чего свернула к обочине и затормозила возле небольшой деревянной беседки. Не выбрасывая сигарету, она вышла из машины и направилась туда, даже не посмотрев, идут ли за ней спутники или нет.

Данила так же молча выбрался на улицу и направился внутрь беседки. Илья поспешил за ними — после всего произошедшего оставаться в машине ему тоже не хотелось. К тому же отвратительный запах гниения словно бы впитался в его кожу, одежду и волосы, и продолжал преследовать, хотя после сожжения имитатора прошло несколько часов. А здесь, на свежем воздухе, около соснового леса дышалось не в пример легче. Хорошо, что Ольга решила сделать остановку, хотя им вроде как полагалось торопиться в Рощу.

Илья зашел в беседку и сел на лавочку рядом с Данилой. Друг молча протянул лист бумаги, который теребил в руках всю дорогу. Там была изображена синяя птица с расправленными крыльями и жутковатым, пронизывающим взглядом, и на мгновение Илье показалось, что летающий хищник хочет схватить его своими острыми когтями, словно бы беззащитную полевку и растерзать на части.

Илья зажмурил глаза на пару секунд, потом вновь открыл, и наваждение прошло: ничего сверхъестественного, обычный распечатанный на принтере рисунок, с четкими линиями и хорошим исполнением оригинала, для татуировки подошел бы отлично.

— И что это? — Илья поднял вверх правую бровь и вернул Даниле лист.

— Символ Уводящего Во Тьму. Я и сам не могу в это поверить, но именно он заставил Элю гнить на наших глазах... лист бумаги со скачанным из интернета рисунком... но на деле он оказался эффективнее нашей святой воды.

— Которую мы с Хейфец несколько раз подливали Эле в смесь, но результата не было! — Ольга выбросила окурок и теперь задумчиво крутила в руках пачку сигарет.

— Что за Уводящий? Кто-то из языческих богов?

— Может и да, только не наших, — Данила нарочито медленно свернул лист несколько раз, приглаживая сгибы. — Ни в одном мифологическом справочнике я его не нашел. Только в засекреченном, том, что для офицеров, служащих на Рубеже, есть несколько строк. Уводящий Во Тьму — страж загробного мира, отвечает за то, чтобы души погибших уходили в небытие. Есть у него и другая сторона — Приводящий В Свет, он решает, когда душа выйдет из иного мира и какое займет тело. Но не так давно Уводящий, но уже в роли этакого Князя тьмы, появился на просторах интернета, нашлись у него и свои почитатели. Теперь они массово красят волосы в черный цвет, кроме одной пряди — та должна быть синей. Делают татуировки с этой самой птичкой. Полный бред, как мне казалось, до того момента, пока не увидел, что стало с Элей.

— Побери меня демоны! — после секундного молчания Данила вскочил со своего места и стукнул кулаком по балке, поддерживающей крышу беседки. — Не надо было вызывать этих ребят из Березовой Рощи! Лучше бы вначале сами все осмотрели, изучили, проследили за некросами и только потом сообщили начальству!

— Да ты спятил! — Илья подпрыгнул, становясь напротив друга, огонь, бушевавший в его крови, стал рваться наружу, заставив дымиться одежду. Заметив это, Самойлов слегка успокоился и дальше говорил уже спокойнее:

— Данька, ну ты подумай, что бы мы могли сделать своими силами? И некросы — не повод для шуток! Это не твои самурайские шуточки, нельзя против толпы мертвяков

выходить в одиночку, для этого и создан Надзор!

Илья снова почувствовал, как пламя рвется наружу, словно бы желает выжечь неправоту Данилы. Что за чушь тот несет? Они — часть системы, стражи Кодекса Надзора! А не какие-нибудь чокнутые мстители! Немного отдышавшись и успокоившись, Илья попытался образумить Данилу:

— Все будет нормально. Только Надзор способен уничтожить некросов, нам втроем это не под силу.

— А ты уверен, что это единственный Храм, и где-то в городе не строится еще один? Или, может быть, ты знаешь способ допросить некроса? Мы ничего не знаем — откуда пришли некросы, как они попали в город, почему именно в Солеже они решили развернуть строительство Храма? Нужно было вначале все обследовать, изучить их передвижения, и только потом звонить в контору. Уничтожив молодого и глупого зверя, мы можем дать вырасти и заматереть нескольким другим. Если бить, то наверняка, уничтожив всех хищников!

— Ты снова своих книжек перечитал? Уже бред откровенный несешь! После этого дела с профессором ты последние мозги растерял!

Данила быстрым жестом поправил очки и замер, сжав кулаки. Илья вдруг понял, что и сам стоит в такой же позе, и вокруг его рук разгорается пламя. Похоже, что он в самом деле готов наброситься на друга. И тот не собирается покорно сносить возможные удары. Сейчас они были как пара подростков, готовых растерзать друг друга за неосторожное слово.

— Ой, вы такие симпатяшки, когда ссоритесь, прямо влюбленная парочка! Вот знает Водянова, о чем пишет! — Ольга хихикнула, сразу же отбив у Ильи желание драться с Данилой. Точнее сказать, теперь ему хотелось убить Ольгу.

Но та лишь закатила глаза, потом решительно запихнула пачку сигарет в сумку и продолжила свою речь:

— А теперь, когда к вам немного вернулась адекватность, пришло время для конструктивного диалога. Илья прав, мы просто обязаны оповестить Надзор. Это не тот случай, когда можно медлить. Данила Сергеевич, вы же сами прекрасно знаете, что здесь даже промедление в пару часов может оказаться фатальным: некросы успеют достроить храм и призвать Верховного жреца. И что дальше? Тотальная зачистка местности? Тогда-то уж точно будет не до расследования. Но и здесь не следует класть яйца в одну корзину.

Данила коротко кивнул, признавая правоту Ольги. Илья понял, что в этом монологе был подтекст, и что у друга есть какие-то тайны. Неужели, после того случая с подсаженным ментальным паразитом, Данила совсем перестал доверять своему побратиму? Медленно и неотвратимо их дружба уходила в прошлое, сыпалась и разваливалась, не выдерживая проверки этим сумасшедшим городом и постоянными неприятностями.

Подумать только, еще полгода назад, Илье казалось, что Данила — самый близкий ему человек. Друг вытащил его из логова своры Ковена, довез до больницы, несколько недель проторчал рядом, прилежно исполняя роль сиделки. Илья тогда выздоровел, только множество новых шрамов, еще не успевших побелеть, напоминали об этом страшном событии. Он тосковал по погибшим товарищам, но вместе с тем понимал, что это была их судьба — умереть в бою. Их долг за полученную Силу, который они выплатили до конца. Однажды, Илья так же рассчитается по своим долгам, вернув Плазме частичку, временно живущую в его теле.

Но Данила словно бы похоронил себя вместе с ребятами. Горецкий редко говорил об

этом, но Илья видел, что друг предпочел бы погибнуть в тот день. Оставалось надеяться, что это пройдет, как и намечающийся между ними разлад.

— Итак, все выяснили, сбросили груз недосказанности с души? — Ольга ухмыльнулась, вытащила сигарету и, закурив, продолжила: — Поехали, тут недалеко кафе неплохое есть, лучше там посидим. А так как вполне вероятно, что мы сегодня сдохнем, неплохо бы выпить напоследок кофе!

Данила повернулся и пошел к машине, слишком погруженный в свои мысли, чтобы реагировать на это высказывание. Илья же широко улыбнулся: жаль, что у Ольги такие странные принципы, а то у него есть еще один вариант времяпровождения перед возможной смертью.

Глава 5. История Марка

Кошмар, преследовавший Марка, сбылся наяву: некросы пришли и в этот мир. До последнего он тешил себя надеждой, что его видения могут быть связаны с чем-то иным. Самый сильный из страхов — это вернуться в ад, в котором уже успел побывать.

Но факты складывались один к одному: вначале — странная история Саввы, с которой Марк ознакомился только по записям в протоколах, потом — вчерашний случай с «выключенным» Елисеем. Марк плохо понимал, как такое могло случиться, но из рассказа Ильи знал, что перед этим Волконский успел схлестнуться с одним из мертвяков.

Сейчас в конторе творилось нечто невероятное: новость о том, что некросы все же проникли в город и достраивают свой Храм, всколыхнула всех. Марк пытался поймать кого-нибудь из своих коллег по пятой бригаде и выпытать у них подробности: откуда взялась такая информация, но все как будто нарочно избегали его, ссылаясь на важные дела. Продлилось это ровно до того момента, пока он не попался на глаза Ольге. Недоверчивая женщина сразу же схватила его под руку и потащила в сторону изолятора, приказав сидеть там за решеткой и не рыпаться. Марка буквально разрывало от желания наорать, вырваться и сбежать, но при этом он понимал, что его положение в конторе и так было шатким, доверием он не пользовался, и еще сильнее усложнять ситуацию не стоило. Поэтому он позволил завести себя в камеру и, проклиная судьбу, молча смотрел на захлопывающуюся тяжелую дверь.

Чуть позже к нему заглянул Данила. Начальник нес какую-то чушь, призванную скорее успокоить собственную совесть, чем как-то утешить Марка. Все, что было полезного в его речи — рассказ о том, как им удалось заставить гнить имитатора. Начальник, чувствуя свою вину, не утаивал никаких деталей и даже протянул Марку тот самый рисунок с птицей. Лист обжигал холодом, даже будучи сложенным в несколько раз.

После ухода Данилы Марк развернул рисунок и теперь пялился на птицу, заставлявшую его ежиться от беспричинного ужаса и чуть ли не скулить от боли. Но если загадочный Уводящий Во Тьму действительно мог помочь в борьбе с мертвяками, Марк хотел бы узнать об этом типе побольше. Тем более, он уже видел похожую птицу, только та была светлой и со сложенными крыльями, и звалась «Приводящий В Свет»...

* * *

...Его родной мир был очень схож с этим. И, одновременно, совсем другой. Марк, после того как освоил интернет, много времени провел за изучением истории мира, ставшего ему новым домом. Наверное, если можно было бы провести параллели, то родина Марка по развитию технологий соответствовала двадцатым-тридцатым годам двадцатого века.

Самый обычный мир, почитаемый наивными обитателями как единственный. В нем не было того, что называют магией, не было странных людей со сверхспособностями, не было глобальных войн за ресурсы и территории. И того, и другого с лихвой хватало на всех. На родине Марка энергию не добывали, сжигая твердые или жидкие углеводы, ее и так было в достатке, ученые нашли способ трансформировать энергию, разлитую в земле и атмосфере — эфир, в электричество, и передавать ее на небольшие расстояния без помощи проводов.

Марк нашел информацию, что в этом мире проводились похожие опыты — ученым по имени Никола Тесла, но широкого распространения эта технология не получила. Возможно, она была не так хорошо отлажена, как на родине Марка, или, что вероятнее — здесь, на Земле, люди слишком привыкли использовать другие виды энергии, и переход на эфир серьезно бы пошатнул все мироустройство. У Марка не было ответа на этот вопрос: до прихода некросов в их мир он был простым лесорубом и никогда не забивал себе голову наукой. Его холостяцкую берлогу освещали большие лампы, таскаемый за поясом разрядник мог остановить любого лихого парня, решившегося наброситься на щуплого с виду лесоруба, электрическая пила срезала ствол дерева за считанные минуты, битый жизнью автомобиль исправно возил его в город и обратно — все эти порождения научной мысли работали и делали жизнь проще, а что еще нужно?

Семьи у Марка не было. Не чувствовал он у себя тяги обзавестись потомством и проводить вечера рядом со сварливой женой. А когда становилось скучно, всегда можно было сгонять в город, чтобы неспешно выпить бокальчик пива, а потом остаться на ночь у хозяйки бара — темнокожей хохотушки Сары. Или навестить суровую Роуз, днем вдальблывающую в головы ленивых студизусов знания об анатомии человека, а по ночам любившую этими самыми знаниями делиться с Марком. Он никогда не врал своим женщинам, не обещал жениться, не называл их любимыми и единственными. Да они и не ждали таких слов. Обе такие разные внешне, но в чем-то одинаковые внутри: дочери нового времени, отдающие все время работе, а не дому и семье. Потому их обеих и устраивали такие необременительные отношения. Марк никогда не задумывался об этом, но, наверное, тогда он был по-настоящему счастлив. Он отчетливо помнил Роуз и Сару, но их лица не вызывали у него какого-то отклика, будто они не принадлежали дорогим для него людям, а были всего лишь кадрами из просмотренного в прошлом фильма...

Апокалипсис пришел на его родину, обрядившись в потрепанные одежды беженцев из погибшего мира. Они называли свой дом «Колыбелью». Когда-то прекрасный мир, уничтоженный за считанные мгновения по прихоти каких-то высших существ, заигравшихся с самой Смертью. Часть населения успела спастись, но в самый последний момент они попали под действие проклятого артефакта, и тела их оказались необратимо обезображены. Впоследствии Марк много думал над тем, сколько же правды было в этих рассказах?

Таких групп было несколько, они просили приюта и убежища сразу в трех провинциальных городах. Милосердное правительство разрешило чужакам поселиться недалеко от городов, выделило провизию. Местные жители помогли беженцам с обустройством их домов, поделились вещами. Первое время поселок переселенцев был мирным и тихим местом, но буквально через пару недель общественность всколыхнула ужасная новость: в их маленьком городке завелась банда гробокопателей, переворошившая все относительно свежие могилы. Свэн, следящий за порядком в их небольшом городке и его окрестностях, провел расследование, но не смог обнаружить никаких внятных улик. Он списал все на происки какой-то из залетных банд. Впрочем, нашлись среди местных и те, кто не поверил в такую версию, они обвиняли во всем пришельцев и требовали разобраться с ними. Свэн в тот раз смог успокоить общественность, и до самосуда дело не дошло.

Беженцы быстро обжились на новом месте и даже получили среди местных прозвание «колыбельщики». Они оказались очень мирными и спокойными соседями, и уже спустя полгода после их появления большинству местных стало казаться, что чудаковатые люди, прячущиеся за многослойными одеждами, всегда жили рядом. По большей части,

пришельцы общались только между собой, изредка выезжая в город за необходимыми товарами. Обзавелись кое-каким скотом, пытались возделывать землю, словом — обычные, ничем не примечательные переселенцы.

Вскоре выяснилось, что среди «колыбельщиков» есть отменные лекари, способные поставить на ноги самого безнадежного больного. Их эликсиры и настои пользовались бешеным спросом, привлекая покупателей даже из других городов, да и из самой столицы тоже. Многие местные медики пытались выведать их секреты, но ничего не вышло. Тогда же среди них появились противники чудодейственных зелий, напирające на то, что действие их неизвестно, а соответственно — нельзя предсказать и влияние, которое они окажут на организм. Но сторонников у них оказалось мало: последствия — это нечто из будущего, а исцеление — вот оно, рядом.

Марк тогда только похихикивал над всей этой возней, свято веря, что возмущение лекарей обратно пропорционально снижению зарплаток. Сам он отличался отменным здоровьем и к услугам тех или этих прибегать в ближайшее время не собирался.

Все вырученные деньги «колыбельщики» пускали на строительство своего Храма. Местные отнеслись к этому совершенно равнодушно: что может быть крамольного в месте, где люди поклоняются кому-то из своих божеств? В родном мире Марка к религии относились спокойно, да и стремительно шагающий вперед прогресс заставлял многих оставлять в прошлом свои культы и ритуалы.

Постепенно многие из местных жителей также подключились к работе над Храмом жизни. Ходили слухи, что некоторые пропадали там навсегда. Гробокопатели разошлись не на шутку: любое из тел, преданных земле, выкапывалось уже на следующую ночь. Местные оставляли отряды добровольцев на кладбищах, но люди засыпали под действием странного тумана, а из могил по-прежнему исчезали тела. Кто-то возмущался, требовал провести тщательное расследование, присмотреться к «колыбельщикам». Но дочка Свэна, потерявшая в детстве глаз, сейчас снова была красавицей на выданье — благодаря чудодейственным зельям. Престарелый мэр бегал по утрам, как в далекой молодости, да и радовал свою миссис, если верить болтовне соседей, ничуть не реже. Постепенно в городе осталось не больше десятка человек, никогда не прибегавших к услугам лекарей из другого мира. Роуз и Сара покупали в общине омолаживающие лосьоны, и Марк мог лично убедиться — действовали зелья отменно!

Пару раз он своими глазами видел, как к общине приезжали целые кортежи из автомобилей, все — с затемненными стеклами. Так, постепенно, «колыбельщики» обзавелись покровителями на самом высоком уровне. Поэтому, совсем не удивительно, что в один далеко не прекрасный день, представитель иномирцев собрал нескольких влиятельных жителей городка и вполне официально заявил, что он — Верховный жрец Храма жизни, и будет говорить от лица всего народа некросов. Также он объяснил, что они, некросы, для своей жизнедеятельности нуждаются в притоке новых тел, и отныне при их Храме будет открыта тюрьма для приговоренных к казни преступников. Их тела и послужат пристанищем для новых некросов.

Некоторые из жителей пробовали возмущаться, кричать, кто-то тогда бросился на Верховного жреца. Началась знатная свалка, Марк тоже успел в ней отметиться, но, к счастью, отделался лишь парой синяков. Охранники Верховного знали свое дело: они остановили потасовку за считанные минуты. Угрюмые парни и женщины были в разы сильнее обычных людей, и выстрелы разрядника их не останавливали. Когда драка

прекратилась, оставшиеся местные молча наблюдали, как трупы их товарищей уносят в сторону Храма. Так в их город пришла новая власть.

Марк вспоминал об этом и удивлялся: почему жители городов тогда так легко приняли господство некросов? Почему не было бунтов, попыток уничтожить Храм? Ладно они — простые трудяги, но бездействие правительства объяснить было сложно. Марк знал, что на вооружении армии стояли мощные стационарные разрядники, способные выжечь огромную территорию — не то что сравнить с землей каких-то три Храма жизни.

Только, чтобы их применить, нужен приказ. Которого так и не последовало. Сильные его мира захотели для себя судьбы лучшей, чем положена человеку. Они поверили сказкам некросов о жизни вечной, той, что прерывается лишь на считанные минуты, потребные для замены износившегося тела.

Мертвяки умолчали об одном: в их мире, лежащем за границей смерти, не нужны случайные люди — только преданные слуги Верховных и Высочайших. Повелители некросов лично отбирали достойных служить им, а для всех остальных была одна дорога — смесь.

Спустя несколько Марк случайно узнал, что из себя представляет данный продукт. Впрочем, некросы больше не делали ни из чего секретов. Их власть стала полной и всеобъемлющей, люди на подчиненной им территории были не более чем скотом. Забиваемым без всяких сожалений, когда повелители испытывали нужду в пище или новых телах.

Но даже после того, как люди узнавали все новые и новые подробности о своих соседях, никто особенно не возмущался. Подумаешь, преступников не отправляют на пожизненное заключение, а умерщвляют ради их тел. Так поделом им! Нечего кормить нахлебников. Всех жителей обязали пить зелья, изготавливаемые в общине? Замечательно, от них прибавляются силы, молодеет организм, уходят болезни.

Как говаривал один парень на Рубеже, всегда, даже после самого тяжелого дня, читавший на ночь молитву: «Душу дьяволу продают по кускам. Уступишь один раз и не сможешь остановиться, пока не попадешь к нему в рабство». Эти слова, как никакие другие, передавали ситуацию в родном мире Марка.

Уступка за уступкой, они медленно и верно сами превращали себя в послушных тварей, мало чем отличимых от животных. Вскоре некросы стали в открытую забирать тех людей, чей смертный час был близок. Но жители города приняли и это: зачем трупам гнить в земле, когда они могут послужить пищей для повелителей? Марк, вспоминая все это, не мог понять, почему же он сам так спокойно ко всему относился? Сейчас при одной мысли о мертвяках все внутри закипало от гнева, а тогда — любые их действия принимались, как данность. Единственная вспышка, которую он помнил, случилась когда какой-то из некросов решил увести в Храм Сару. Женщину отобрали «на племя», и теперь ей предстояло жить в общине некросов. Марк тогда возмущался, попробовал остановить мертвяка, доказать ему — не стоит забирать эту женщину, у нее есть свой мужчина, свой дом, своя работа. Некрос даже остановился на мгновение, словно бы решая в голове какую-то сложную дилемму, потом окликнул проходящую мимо девушку и приказал ей ублажить Марка, а сам схватил Сару под руку и повел в сторону Храма.

Марк с малознакомой ему девушкой, как две марионетки, направились друг к другу. Единственное, на что хватило силы воли у обоих: все же зайти внутрь ближайшего сарая, чтобы не предаваться страсти у всех на виду. После того случая они поспешили разойтись и больше не попадаться друг другу на глаза. Такое проявление слепого подчинения воле новых

повелителей вызывало ужас и желание забыть произошедшее, как ночной кошмар. Еще немного потешить свой разум иллюзией свободы. Ведь все как раньше, правда? Та же работа, тот же бар, те же соседи... Только в теле Марка уже вырос достаточно большой участок церебеллума, превративший некогда свободного человека в марионетку. Последний кусок души был продан, больше терять было нечего.

Спустя пару месяцев после Сары, забрали и самого Марка. Точнее, тогда забрали почти всех взрослых мужчин, кроме нескольких, отобранных для размножения. Верховный даже почтил их своим вниманием и рассказал, что они — «избранные», и послужат благу делу распространения власти некросов на другие миры. Мужчин согнали и под конвоем ввели в Храм. Марка тогда удивило, что внутри помещения не было никаких изысков, украшений или какой-либо атрибутики. Только длинные светлые коридоры, изредка перемежающиеся большими пустыми залами. Один раз им встретилось то самое изображение птицы, что было на наружной части здания, и на этом — все. Потом пленников завели в просторное помещение, разделенное на две части прозрачной стеной. Сопровождавшие их охранники вышли, и внутрь пустили газ.

Марка разбудили в Зале подготовки. Рядом с ним на таких же стальных кроватях лежало еще несколько десятков мужчин. Суесящиеся вокруг некросы пытались в экстренном порядке довести тела людей до той стадии, когда в них сможет безболезненно переместиться сущность не-живого. Марк неожиданно осознал, что знает о некросах гораздо больше, чем в момент потери сознания. Он четко увидел всю иерархию жрецов здешнего Храма, услышал в своей голове их переговоры о ведущихся внутри боевых действиях. Тела лежащих рядом людей теперь светились чем-то неясным — так проявляла себя энергетическая оболочка. И над каждым из них словно бы висели незримые часы, отмеряющие время оставшейся им жизни. Точнее — минуты. Марк со всей ясностью осознал, что его окружают будущие покойники: сейчас сюда ворвутся солдаты Рубежа, запустят один из портативных Плазма-реакторов, и все обитатели еще недостроенного Храма будут уничтожены. К своему ужасу и недоумению Марк понял, что знает и о Рубеже, и о реакторах, и даже о том, что с большой долей вероятности солдаты упокоят здесь и его самого, как приспешника проклятых мертвяков.

Ненависть к некросам, уничтожившим его мир и жизнь, закипела внутри Марка. Не отдавая отчета в своих действиях, он вскочил с кровати, схватил что-то из валявшихся рядом хирургических инструментов и с размаху всадил в глазницу ближайшему некросу. Потом толкнул на стену второго, ударив того точно об угол оцинкованного шкафа. Для уничтожения тварей такого воздействия не хватит, но остановить на какое-то время получится. Через мгновение дверь помещения открылась, и в нее вбежали вооруженные люди. Точнее — альтеры и имусы. Люди — достаточно неоднородное понятие. И будь он трижды проклят, но Марк хотел бы знать, откуда в его голове вся эта информация...

Глава 6. Постоять на краю

Сотрудники бригады сновали по комнате отдыха, перебирая вещи и подготавливаясь к скорому штурму Храма некросов. Данила делал последние пометки в своем блокноте, оттачивая свою модель поведения в будущем сражении. Впрочем, на практике эти наметки обычно летели ко всем чертям, но зато помогали успокоиться и сосредоточиться. Пусть на краткий миг, но все же вселяли уверенность, что у него все под контролем.

Елисей с совершенно механическим спокойствием чистил и перебирал свои пистолеты-пулеметы. Илья пытался хохмить и приставать к девушкам, но выходило неловко и наигранно, да никто на него и не реагировал. Вадим откуда-то вытащил длинный армейский нож и теперь точил его, периодически пробуя на остроту. Алиса металась по комнате, обзванивая своих родственников с просьбой забрать сынишку к себе на неопределенный срок. Оля подпиливала ногти, хотела перекрасить, но Волкова отобрала у нее косметичку, мотивируя: «А нечего тут вонять!». И Данила был ей за это благодарен: сам бы он никогда не смог отказать любимой женщине в такой мелочи, как маникюр, но воздух в комнате, и без того душный из-за стоявшей за окном жары, весь пропитался запахом оружейной смазки, и добавлять к этому амбре еще и нотку лака совершенно не хотелось. Совершив же свое общественно полезное деяние, Ольга уселась в кресло, вытянула ноги вперед и теперь неспешно пила кофе и жевала очередное пирожное, будто бы то, что случится через несколько часов, ее никак не касалось.

Марка здесь не было. По настоянию параноидально настроенной в отношении бывшего пленника некросов Ольги, его временно поместили в изолятор при конторе. Марк возмутился: требовал выпустить и дать ему возможность сразиться с мертвяками. Но Волкова была непреклонна, и Даниле пришлось согласиться. Имелась у него и еще одна причина для такого поступка: видения младшего сотрудника. Марк впервые не мог сказать, выживут ли сотрудники бригады или нет.

Данила не помнил тот момент, когда он стал зависеть от видений бывшего пленника некросов. Привычка регулярно консультироваться у Марка выработалась как-то незаметно, словно бы сама собой. Весьма удобно всегда наперед знать, что сегодня не встретишь старуху с косой. И теперь, впервые оказавшись без помощи своего личного консультанта в этом вопросе, Данила чувствовал себя на редкость неуютно. Надо было вновь вспомнить, как он жил и действовал до того, как смерть из неотвратимого и непредсказуемого финала превратилась для него в вежливого гостя, что заранее предупредит о своем возможном визите.

Но сейчас все было иначе, Данила не знал, переживет ли он сегодняшнюю битву с некросами или нет. Хуже того, он не был уверен, что ее переживут сотрудники бригады. И из всех его кошмаров, страх вновь потерять вверенных ему людей — был самым сильным.

Но выхода не было. Данила мог оставить в конторе только одного сотрудника. Себя он даже не включил в этот список, сразу же задушив внутреннего эгоиста, потребовавшего поступить именно так. После некоторых размышлений он выкинул из этого списка всех мужчин. Что бы там ни думали феминистки или относящие себя к ним неадекватные барышни, война — не женское дело. Осталось всего три кандидатуры: Волкова, Оля и Алиса. Впрочем, нет, не три — две. Оставить в конторе Кровавую Смерть было бы не самым благоразумным поступком, Ольга и сама бы отказалась: при всех странностях, отягощенных

стремлением манипулировать окружающими, разгребать жар чужими руками было не в ее правилах.

Внутренний эгоист снова вылез и потребовал оставить в конторе Олю, его любимую женщину. Это разумно и правильно, и никто не сможет обвинить его в предвзятости: Алиса после той операции в резиденции бывшего мэра повысила количество своих УДЕ до пятнадцати, перепрыгнув тем самым показатели Оли. А это значило, что и шансов выжить в схватке с некросами у нее было на порядок больше. Даниле же будет намного спокойнее, если возлюбленная останется в стенах конторы. Хорошее решение. Так и следует поступить.

Нет. Не так. Какие гарантии он может дать, что в грядущей битве вообще будут выжившие? Данила никогда до этого не имел дела с некросами, но по всем документам средний мертвяк уверенно брал от двадцати до сорока УДЕ. В одном теле. А каков запас новых оболочек для фактически бессмертных тварей? Ведь если cerebellum цел, а поблизости есть жрец, то смерть для некроса — всего лишь временная неприятность.

Все подчиненные Данилы могут погибнуть там. И только об этом он должен думать, и только на это ориентироваться. А если так, то нужно оставлять в конторе Алису. Если погибнет она — у маленького Кирюши не останется никого из родных, об отце мальчика Алиса никогда ничего не говорила, бабушки относились к внуку более чем прохладно. Так уж вышло, что никому кроме своей мамы и неожиданно взявшей его под свою опеку Ольги, Кирюша был не нужен.

Все равно — нужно оставить Олю. Да при одной только мысли, что любимую женщину могут убить на его глазах, Данилу словно бы окатывало ледяной водой. А если придется делать выбор, кого спасти: Олю или Илью? А почему только их? Будто бы выбор между Олей и Елисеем или Вадимом будет проще...

Скворцов как-то особенно противно провел точилом по ножу, звук резанул по и так напряженным нервам, и Данила с досадой хлопнул блокнотом по столу:

— Вадим! Довольно издеваться над ножом! Что ты им делать собрался? Некросов этой зубочисткой не испугаешь!

— Не знаете вы, что говорите! — Вадим медленно поднялся со стула, все еще сжимая нож в руке, — Хватит, посмотрелся я уже на вас всех, крутых паранормов, вам Сила глаза застит, мните себя супергероями, а если вдруг ее не станет, что тогда? Задумывались над этим?

— А ты задумывался, что такое боевая особь некроса? И что собой представляет рукопашная схватка с ним? Ты этим ножом даже себя убить не сможешь, тем более — сильную, быструю тварь с мгновенной регенерацией! — Данила почувствовал, как начинает терять терпение, еще немного — и сорвется, наорет на подчиненных, причем — на всех. Нельзя так. Надо успокоиться, отдышаться: сотрудники бригады не виноваты в сложившейся ситуации, а так же в том, что он никак не может сделать свой выбор.

— Данила Сергеевич, нельзя поддаваться панике, — Волкова посмотрела на него с таким сочувственно-благожелательным выражением лица, что только воспитание и личный моральный кодекс не позволили Даниле запустить в нее блокнотом. Впрочем, уже после следующей ее фразы он об этом пожалел:

— Нужно отбросить волнения и тревоги, они мешают рациональному мышлению! Хотите, подскажу вам несколько способов побороть стресс?

— Не хочу! У тебя только один способ борьбы со стрессом: кофе и еда!

— Почему это? — Ольга обиженно поджала губы и поставила чашку с кофе на стол,

проводив ее долгим печальным взглядом, словно матроса в дальнее плавание. — Есть еще один очень действенный метод! Только вы сразу не ругайтесь, послушайте вначале, обдумайте, как следует...

— Ольга, хватит! — Данила почувствовал, что его начинает потряхивать от переполнявшего напряжения, он представил себя стоящим на берегу океана и наблюдающим за волнами, но тут же ему пригрезилась Ольга, вольготно раскинувшаяся в шезлонге под пальмой, с огромным коктейлем в руке. Несносная девушка даже в его собственных видениях не оставляла начальника в покое. Данила помассировал переносицу, после чего снял очки и стал протирать стекла, чтобы хоть немного отвлечься от своих переживаний. Молчать и дальше было неловко, тем более, остальные подчиненные вытаращились на него, ожидая каких-то действий.

— Я догадываюсь, о чем ты. Потому давай сэкономим друг другу время и не будем озвучивать этот бред.

— Ну и отлично! Тогда берите Хейфец и зайдите в ваш кабинет. Или вам тут удобнее? Не, мы все понимаем, пойдём, погуляем минут десять, я как раз покурить успею.

Данила слишком сильно надавил на очки, и стекло выпало из оправы на стол. Оставшиеся крохи выдержки испарились, и теперь на месте его держал... А демоны знают, что его там держало, но надолго этого фактора явно не хватит, еще один маленький повод, и Данила пойдет в разнос. Хейфец все-таки запустила в подругу своей увесистой косметичкой, но Ольга лениво уклонилась, красный тканевый «сундучок» пролетел мимо и с неприятным звякающим звуком шлепнулся на пол где-то в углу комнаты.

— Не, не вариант, — Вадим вытащил из сумки небольшую фляжку и протянул Даниле — лучше старых добрых фронтowych ста грамм ничего еще не придумали!

— Только если вначале сто грамм, затем — запереться в кабинете, а после можно и кофейку выпить! — влез в разговор Илья, пристраиваясь на подлокотник Ольгиного кресла, — Кстати, Оленька, как насчет вместе обсудить жизнеспособность твоего варианта?

— А смысл? Я-то и не нервничаю, — Волкова сладко потянулась и закинула руки за голову.

— Вы все меня достали! — Данила отшвырнул очки, уже не переживая за их сохранность. — Не боевая бригада, а сборище трудных подростков!

Без очков Данила не мог различить выражения лиц своих подчиненных, но, судя по наступившей тишине, такого всплеска от начальника они не ожидали. Да он и сам не ожидал, надеялся все же сдержаться. Данила сделал несколько долгих выдохов, сплел пальцы перед собой и продолжил уже более спокойным тоном:

— Вас послушать, так секс, выпивка и еда — универсальные средства борьбы со стрессом. И они помогут перебороть любые переживания! Это в корне неверный подход. Цивилизованный и здравомыслящий человек должен искать другие пути: медитации, творчество, двигательные упражнения, успокаивающая музыка.

— И вы еще скажите, что наши способы не работают! — Ольга села ровно, опустив руки на колени, — Все эти медитации-релаксации, это, конечно, хорошо, только вы не учитываете, что когда человеку очень плохо, то он никак не цивилизованный и, уж тем более — не здравомыслящий. Потому вначале экстренные меры, в особо клинических случаях — в предложенной Ильей последовательности. А уже потом, когда немного отпустит, можно попробовать и все ваши.

Данила внезапно почувствовал, что ярость и тревоги схлынули с него, оставив только

холодное спокойствие. Глупый и бесполезный спор с Ольгой принес какое-то странное облегчение, помог частично сбросить накопившиеся эмоции. Если же быть откровенным с самим собой, не такие уж и плохие эти способы — чашечка хорошо заваренного чая отлично помогает вернуть душевное равновесие. Только где же его возьмешь, этот чай? Подаренный Елисеем уже закончился, тот, что был у него самого, не отличался хорошим вкусом, да и заваривать сейчас времени нет. Раньше хотя бы лисица иллюзиями дразнила.

Прервав размышления Данилы, в кабинет ворвался взлохмаченный Йети:

— Собирайтесь, через пять минут выдвигаемся! В конторе остается один член бригады, помните, да?

— Да, — кивнул Данила, решение уже было принято, надо его лишь озвучить, — старший сотрудник Ростова, с этого момента и до нашего возвращения вы — дежурный по городу.

И, не вглядываясь в озадаченное лицо Алисы и обиженно-успокоенное лицо Хейфец, Данила первым вышел из комнаты.

* * *

Лефф сам не мог поверить в происходящее: в их мире, неподалеку от одной из исследовательских баз, некросы свили свое гнездо. Ведущий По Пути снова решил подшутить над своими нерадивыми чадами: они планировали масштабную атаку на отступников, а те нанесли такой мощный упредительный удар. За рекордно короткие сроки некросы построили практически полностью функционирующий Храм жизни. Лишь пары дней им не хватило на того, чтобы вырастить тело для Верховного жреца, и тогда близлежащий город пришлось бы уничтожить. Но, к счастью, местные альтеры вовремя обнаружили комплекс построек и даже готовились его штурмовать.

Лефф никогда не стремился вмешиваться в дела альтеров, но в этот раз он просто не имел права остаться в стороне: не очень-то приятно выжечь огромный участок населенной местности, останавливая распространение этой заразы. Потому сегодня Леффу пришлось вылезти из своего обустроенного жилища, замаскироваться и толкаться в толпе высокоранговых альтеров, готовящих атаку на некросов.

И это ему не нравилось, ровно как и место, в котором сейчас находился. Большое подземное помещение с угрюмыми бетонными стенами, служившее раньше бункером, давило на сознание и восприятие привыкшего к роскоши Леффа. Раздражали и люди, или, как они сами себя называли, «паранормы», чуть-чуть возвышающиеся над остальной массой. Они считали себя могущественными вершителями судеб мира, не подозревая о том, что сами — лишь очередная ступень в пирамиде власти.

Все вокруг сновали и таскали с места на место различные приборы и оружие, где-то вдалеке увлеченно спорили Мор и Коэн, но идти к ним не хотелось. «Молодняка» видно не было, еще бы, ведь польза от их присутствия весьма сомнительна, зато вред, который может нанести тело прима, взятое под контроль некросами даже представить сложно.

Альтеры вежливо раскланивались с Леффом, принимая его за кого-то из высокого начальства, но внимания не задерживали: у всех здесь были свои дела и четко определенная миссия. Только он сам словно выпал из этого потока: никто бы не посмел четко поставить задачу перед прим-лордом, даже его собратья, а сам он еще не определился со стратегией

своих действий. Но Мор и Коэн заверяли, что непосредственное участие первых и не понадобится: они хотели испытать свое недавно приобретенное «оружие» в действии.

Внезапно пришедшая в голову мысль заставила Леффа просканировать помещение, и, когда он почувствовал знакомый привкус холодной, но яркой ауры, то развернулся и пошел в сторону небольшой группы людей, столпившихся вокруг непонятно чего. Лефф жестом разогнал недовольно зароптавших альтеров и подступил вплотную к утыканному приборами металлическому столу, к которому был прикован человек. Полосы стали покрывали его тело так плотно, что почти не оставили свободных участков кожи. Лефф посмотрел на похудевшего и осунувшегося имуса, который сейчас то ли дремал, то ли просто лежал без сознания, и развернулся в сторону выхода. Зачем он вообще подходил? Снова решил поболтать? Определенно, его тяга к этому «обаятельному ублюдку» не поддавалась логическому объяснению.

— Вы не ведаете, что творите, — имус медленно, с некоторым усилием открыл глаза, но сфокусировать взгляд на Леффе у него так и не вышло, да и пластины не позволяли повернуть голову.

— Ошибаешься, — Лефф, окончательно перестав себя понимать, небрежно махнул рукой и поверхность стола пришла в движение, становясь вертикально. Некоторые альтеры испуганно ахнули и отскочили в сторону, но перечить никто не стал. — Я видел гибель Колыбели.

— И сбежал от этого зрелища в самый далекий из миров. А теперь хочешь снова выпустить эту силу на свободу? Зачем, Лефф? Ты же понимаешь — ничем хорошим это не кончится. Лучше отпусти меня...

— Прим-лорд Леффариан!

Лефф почти выкрикнул свое имя: этот имус надоел ему своей наглостью, и уж тем более он не собирался признаваться в терзавших его страхах и отпускать пленника на свободу. Это означало бы выбросить на ветер четверть потраченного на его покупку запаса! Пора было уже заканчивать это представление, оно и так уже привлекло избыточное внимание столпившихся вокруг них альтеров. Они шумели возмущались, что какой-то незнакомый тип на незнакомом языке болтает с их «оружием».

— Лорд Анрир Вейден, — ответил пленник, Лефф, уже развернувшийся к нему спиной, дернулся и стремительно развернулся обратно. У всякой наглости должен быть предел!

— Ты всерьез думаешь, что я стану называть по имени какого-то жалкого имуса?

— Ты представился, и я представился, так принято среди воспитанных людей, — фантазия Леффа сразу подрисовала, как пленник пожимает плечами, хотя в реальности тот даже вздохнуть нормально не мог, не то, что пошевелиться.

— Ты — не человек! Ты — имус, существо низшего сорта! Не знаю, что ты там себе вообразил, но мы с тобой не друзья, и никогда ими не будем! А то, что я стану называть тебя по имени — это уже за гранью!

— Не зарекайся, — хмыкнул имус, — и ты прав: мы с тобой не друзья и никогда ими не будем. И это не мой выбор.

Лефф непроизвольно поджал губы и пошел прочь из этого места, Мор и Коэн справятся со всем сами, а он лучше понаблюдает издали. Да что такое с ним творится в последнее время? Неужели настолько измучился от скуки и одиночества, что первый же встречный человек, чуть отличающийся от его привычного окружения, стал ему настолько интересен? Лефф мысленно хмыкнул: забавная получилась картинка: прим-лорд и имус вместе пьют

коньяк и болтают о жизни. Похожа на карикатуру или агитационный плакат о равенстве всех людей. Надо же, друзья! Несусветная чушь! Он себе даже любовниц набирал из имусов только во времена далекой молодости, но глупенькие аматрикссы быстро приедались.

А здесь — друг, собеседник... Дальше что? Лефф торжественно освобождает имуса и помогает ему переправиться в свой родной мир, где они вместе ускачут в закат, к ближайшему кабаку с распутными девицами? Полная чушь! Ни в каком, даже самом блеклом и немыслимом варианте будущего, такого не могло случиться!

Тогда почему же ему сейчас так мерзко и тоскливо?..

* * *

Данила стоял, прислонившись спиной к дереву, и пытался разглядеть, чем заняты остальные сотрудники его бригады. Сделать это в темноте, посреди леса было совсем не просто.

Еще мешала окутавшая со всех сторон невыносимая вонь. Ужасающий, всепроникающий запах, распространяемый на всю округу мясокомбинатом. А ведь неподалеку есть деревня. Как там люди живут? Даниле казалось, что еще немного, и он твердо и окончательно перейдет в стан вегетарианцев. Тому способствовал и сам факт того, что на территории мясокомбината начали строительство своего Храма некросы.

И надо сказать, мертвяки в этом почти преуспели: по данным нескольких разведывательных групп, проникнувших на территорию предприятия, некросам оставалась всего пара дней до того, как созреет тело Верховного жреца. И если обычным жрецам для пересадки сущности требовалось специально подготовленное мертвое тело, то Верховный с легкостью возвращал к жизни любой более или менее целый труп, находящийся в радиусе пары километров от Храма. Кроме того, с появлением Верховного, сама численность некросов начинала стремительно расти.

Мертвяки были страшными и непонятными противниками, как и любые другие гости из иных миров, чье существование было построено на магии. С одной стороны, некросы были изучены вдоль и поперек: по их жизнедеятельности, строению, социальному укладу было написано множество трактатов. Но с другой — связанных с ними тайн оставалось великое множество. Некросы представляли собой принципиально иную форму жизни, паразитирующую на людях. Они обладали неким подобием коллективного разума и достигли небывалых высот в медицине и магии. Опасные противники, с которыми лучше вообще не встречаться.

Данила поправил бесполезные сейчас очки, пытаясь разглядеть, чем заняты его подчиненные, но вокруг царила лишь деловитая суэта и обычная полущутливая тихая перепалка между сотрудниками, а значит — можно было еще немного поразмышлять.

А сам бы он согласился променять свою короткую и смертную жизнь на бесконечно долгое существование в измененном теле? Отринуть человеческое общество и принять уклад некросов, став еще одним рабочим муравьем в огромной системе существ с коллективным разумом? Питаться исключительно смесью, получаемой из трупов?

Данила уверен, что множество людей ответили бы «да» на этот вопрос: слишком силен был страх смерти, живущий в их сердцах. А некросы предлагали жизнь, пускай немного другую, но зато долгую и лишённую старости и болезней. Потому, несмотря на все препоны

на их пути, мертвяки раз за разом проникали в мир и начинали строительство своих Храмов. Но в этот раз скорость развертывания их «ячейки» была фантастической — за считанные недели они проделали работу, занимающую по традиционным подсчетам специалистов не меньше полугода. Чуть больше месяца назад из всего Храма функционировал лишь инкубатор, производящий низшие формы управляющих систем, и лабораторный комплекс по производству смеси и специального состава, стимулирующего у еще живых людей рост церебеллума. Сейчас же, по данным разведки, несколько цехов комбината были полностью переоборудованы под Храм жизни, завершилось созревание Верховного жреца, а в специальных консервирующих камерах дожидались своего часа около трех сотен тел, подготовленных для повторного воскрешения погибших некросов. Весь этот комплекс охраняли не меньше сотни боевых особей и еще около тридцати жрецов различного ранга трудились в залах и лабораториях.

Разведчики не смогли выяснить только личность Первого жреца — того, с чьего прихода обычно начиналось вторжение некросов. Именно он вначале проник в их мир, нашел соратников среди людей, после — контролировал разум свежее испеченных членов сообщества, пока не созрел Верховный жрец. А это значило, что Первый жрец вполне может избежать этой облавы и начать строительство Храма где-то в другом месте.

Но вначале нужно выиграть. Вполне может статься, что тела конторщиков пополнят хранилище некросов или пойдут на изготовление смеси, а Храм продолжит свое существование. Безликая старуха вновь занесла над ними свою косу. И, возможно, сегодня она соберет урожай.

Даниле было не по себе, но и переходить на сторону врагов он не собирался. «Воину не пристало бояться смерти, лишь жизнь без чести должна быть его единственным страхом» — однажды сказала ему лисица, и эти слова стали его кредо.

Мимо Данилы прошел матерящийся сквозь зубы Йети и встал чуть в стороне, рядом с Вадимом и Ильей. На самом деле волкодава звали Игорь, но свое прозвище, как и многие другие в их конторе, он получил с подачи Ольги. И, надо признать, оно ему весьма подходило: двухметровый, широкоплечий парень сильно злоупотреблял модификатами, и теперь больше походил на мифического снежного человека, чем на обычного представителя рода Хомо сапиенс. Он был чудовищно силен, но за это ему пришлось поплатиться: Йети был одним из немногих, кому было запрещено показываться на людях. Волкодав от этого особо не страдал: все равно передвигаться по городу он предпочитал исключительно на своем любимом мотоцикле и в глухом шлеме.

Йети усиленно жестикулировал и что-то объяснял сотрудникам пятой бригады, Данила тоже подошел к нему поближе:

— ...эти «подберезовики» совсем е...! Пока мы тут к атаке готовимся, эти... выстроились кружком, нарисовали на земле какую-то птицу, метра четыре на четыре и теперь поют песни!

— Флэшмоб против некросов? — хихикнул Илья, — Оказывается, они там в Роще следят за веяниями моды!

— Они, конечно, дебилы, но не полные идиоты[1], - задумчиво проговорила Ольга, — не нравится мне это.

— А кому нравится? — Арсен подошел к Даниле, а за ним стали подтягиваться и остальные волкодавы, тоже пребывающие в недоумении от увиденного. — Пока мы тут торчим, как курицы перед лисой, некросы успеют окопаться по самые уши и подготовиться

к обороне. Или наше начальство мертвяков совсем тупыми считают? Как не заметить толпу народа ошивающуюся прямо перед воротами?

— По рациям передают, что штурма скорее всего не будет, — вмешался в разговор Елисей, — «подберезовики» хотят оружие против некросов испытать. Но непонятно какое.

Не успел он договорить, как на телефон Данилы пришло сообщение, в котором содержалась точно та же информация: штурма не будет, все сотрудники бригады должны охранять периметр на случай побега части мертвяков. Также не следует поддаваться панике, если столкнутся с непонятными явлениями. Всем эмоционально нестабильным сотрудникам — принять дополнительные успокаивающие средства. Арсен, судя по его ухмылке, тоже получивший такое сообщение, не преминул воспользоваться рекомендацией начальства и вытащил из-за пазухи фляжку с коньяком, после чего сделал щедрый глоток и протянул ее Йети.

— Пойду гляну, что там, — Ольга развернулась и пошла в сторону опушки, туда, где на проселочной дороге стояли автомобили конторщиков.

Данила отдал распоряжения подчиненным, оставил Илью за главного и направился вслед за Ольгой. Увиденное повергло Данилу в шок: он-то, в отличие от Йети, слишком хорошо знал эту самую «птичку». Знак Уводящего был вычерчен на земле и присыпан непонятным синим песком со всей возможной тщательностью и старанием. Вокруг изображения столпились конторщики. Рослые мужики, стоящие кружком и с максимально одухотворенным и сосредоточенным видом распевавшие песни, выглядели бы забавно, если бы не сама ситуация. Ольга права: они не полные идиоты, и не стали бы просто так устраивать непонятное представление прямо под боком у некросов. К тому же Данила и сам успел убедиться, какую силу имеет эта странная «птичка».

Тем временем к опушке подъехал грузовой микроавтобус. Не успел он даже остановиться, как начерченный на земле знак вдруг обрел глубину и объем, птица будто бы воспарила и начала светиться. Подберезовики сменили интонацию и запели громче, все чаще повторяю одну и ту же фразу.

Данила с удивлением заметил, что температура воздуха стала снижаться. Пальцы рук и ног у нег окоченели и перестали слушаться. Он несколько раз переступил на месте, потом сложил руки вместе и потер их друг об друга. Но это не помогло, холод проникал все глубже, захватывая новые и новые участки тела. Потом Даниле показалось, что через его тело прошла судорога, хлесткая и внезапная, похожая на чей-то крик. Прошла и отпустила, заменив такое неуклюжее и тяжелое тело на нечто совсем иное, сотканное из невесомых ледяных нитей.

Лес вокруг заволокло туманом, неправильным, темным и густым, сквозь который проглядывались силуэты людей. Данила и самого себя видел словно бы со стороны: неподвижный манекен поправляющий очки.

В то же время его сознание легко двинулось вперед, разыскивая в тумане Ольгу. Но, стоило ему только подумать об этом, как туман расступился, оставив вместе себя бескрайний степной простор и дорогу, тянущуюся до горизонта.

Такие близкие и яркие звезды, каких не бывает в реальности, завораживали и манили к себе. На обочине росли необычные, светящиеся во тьме цветы, к горизонту сливавшиеся в яркие скопления, из-за чего степь казалась отражением неба.

Данила сделал шаг, затем еще и еще один. По мере того, как он шел, собственное тело и вся прошедшая жизнь казались ему все более и более нереальными, нелепыми

порождениями долгого сна. Лишь то, что было впереди, имело для него значение и смысл.

— Зачем ты так торопишься? — рядом с Данилой появилась темная человеческая фигура, закутанная в плащ. Что-то в облике незнакомца делало его похожим на огромную птицу, сложившую за спиной крылья. Данила словно бы видел сразу две картинки, наложенные друг на друга. — По этой дороге нужно идти, только если пришло твое время.

— А оно пришло? — Данила на мгновение остановился, оборачиваясь к собеседнику. Тот беспечно задрал голову вверх и разглядывал звезды, но черты его лица так и оставались неуловимо изменчивыми, не складываясь в конкретный облик.

— Только если ты этого хочешь. Я никого не тороплю, — человек-птица словно бы встряхнул своим плащом-крыльями, потом поправил их и перевел взгляд на Данилу: — Подумай, как следует. Эта дорога — в один конец.

Данила сделал еще несколько шагов вперед: перспектива вернуться в тяжелое и далекое тело его не вдохновляла. Впереди, буквально в паре десятков метров появились темные, пока еще туманные фигуры. Но Данила узнавал их даже по силуэтам: вот копается в телефоне раздолбай Крыса, Лика расчесывает свои длинные, почти до середины бедра волосы, притопывает на месте Эль, курит высокий и широкоплечий Беркут, обнимаются Жанна и Рома, которых все звали Ромео и Джульетта. Они и правда были как попугаи-неразлучники, всюду вместе. Так же вместе и погибли, с разницей лишь в несколько мгновений. Чуть в стороне стоял безбашенный Ник, всегда лезший вперед и первым бросавшийся на врага. Только в тот раз ему не повезло: самый яростный боец, сам искавший смерти, продержался дольше всех и умер в страшных муках...

С каждым сделанным шагом, погибшие подчиненные, ставшие за время совместной работы для Данилы почти родными, выделялись все отчетливее. Их черты проявлялись на туманных силуэтах, словно старая фотография. Сейчас они казались Даниле живыми и реальными, а не далекий лес и оставшиеся там сотрудники бригады.

— Истинный воин никогда не торопится пройтись дорогой смерти, — бархатистый голос прозвучал в голове впервые за несколько месяцев, и тут же на дороге прямо перед Данилой материализовалась двуххвостая лиса. Демоница нахально улеглась поперек утопанной земли, перегородив путь, и теперь недовольно сверкала своими угольками-глазками.

— За то время, что мы были вместе, я порядком устал от твоих поговорок. Ты противоречишь сама себе: то воину не следует искать смерти, то не надо ее бояться. Определись уже!

- Все верно, — спутник Данилы опустился на колени рядом с лисой и погладил ее по голове. Довольная демоница сразу же сменила облик, нарядившись в предназначенное для торжественных случаев кимоно и церемонно поклонилась человеку-птице. Тот легонько склонил голову в ответ и продолжил: — Не торопись, со мной ты еще успеешь встретиться.

— Зачем мне вы? Я должен к ним идти! — Данила обогнул лису и устремился вперед, туда, где его ждали погибшие товарищи.

— Твоя цель иллюзорна, у каждого своя тропа во тьму, — лисица ухватила Данилу за рукав, не давая идти вперед, — и свое место в ее чертогах.

— Так ты и есть Уводящий Во Тьму? Почему тогда пытаешься меня остановить? — Данила обернулся к своему загадочному спутнику.

— Я провожаю по дороге лишь тех, чье время пришло. И слежу, чтобы никто не пытался увильнуть с этого пути.

Данила отпихнул лисицу и целеустремленно пошел вперед, больше не обращая ни на что внимания.

— Данила Сергеевич, вы куда? — по оставшемуся где-то далеко телу словно бы кто-то ударил: не сильно, но довольно ощутимо влепил пощечину. Теперь на дороге стояла Ольга, недовольно скрестившая руки на груди.

Данила сделал шаг в сторону, обходя ее, Волкова сразу же переместилась, вновь загораживая дорогу. Погибшие друзья были совсем близко, они замерли в нескольких метрах впереди, внимательно следя за разворачивающимися событиями. Они ждали Данилу.

— Там никого нет, — Ольга подошла вплотную и крепко ухватила Данилу за руку. Теперь, чтобы освободиться, ему пришлось бы применить силу. — Это призраки вашей вины и страданий. Отпустите их и возвращайтесь туда, где вас ждут живые.

— Ольга, уйди! Ты не понимаешь!

— Понимаю, вы даже не представляете насколько. Я бы тоже хотела уйти туда, за черту, вместо другого человека, но все вышло иначе! А значит, так было для чего-то нужно!

— Для чего? — Данила выкрикнул эту фразу, ухватив Волкову левой рукой за плечо, и встряхнул девушку, потеряв над собой контроль. Сейчас погибшие товарищи были для него ближе и реальнее, чем казавшаяся призрачной Ольга. — Почему я тогда уцелел? На мне даже ран серьезных не было! Чтобы жить и страдать от мысли, что не смог уберечь вверившихся мне ребят? Мое место здесь, с ними!

— Глупости. Он были бойцами и знали, на что шли. Как и вы. Хватит дурить, пора возвращаться в реальность! — Ольга подвернулась под левую руку Данилы, обхватила его за талию и, не выпуская его правой руки, буквально потащила обратно, туда, где, словно две статуи, замерли Уводящий и лисица.

Звезды и светящиеся цветы перемешались между собой, земля будто растворилась под ногами. Данила вдруг понял, что стоит посреди бескрайнего космоса, опираясь лишь на сотканную из света дорогу. И только прижимавшаяся к нему Ольга напоминала о том, что где-то далеко есть другой мир. Она все еще не выпустила его правую руку и продолжала обнимать за пояс, и Данила подумал, что со стороны они должны быть похожи на пару неумелых танцоров или возлюбленных, слившихся в страстных объятьях. Он дернулся в сторону, отпихивая Ольгу, но та только немного переместилась, еще ближе придвигаясь к нему.

— Ольга, не пытайся меня остановить! У тебя ничего не выйдет!

— Вы меня недооцениваете! Учтите — если сейчас же не прекратите, я сделаю то, о чем вы будете долго жалеть!

— Ноги покалечишь? — хмыкнул Данила, еще раз пытаясь отпихнуть назойливую девушку. Он все уже решил для себя, и отступить от этого решения не собирался.

— Хуже, — Ольга лукаво сверкнула глазами и прижалась к нему еще теснее, — исполню одну вашу маааленькую фантазию.

Данила неожиданно почувствовал тепло ее тела, проникающее даже через плотную ткань его костюма. Ольга бросила его руку, перенесла свою на его волосы, легонько по ним провела и тихо проговорила:

— Потому что есть мечты, в которых мы боимся себе признаться.

И она поцеловала Данилу. Очень легко и нежно, только коснувшись губами. Где-то там, глубоко-глубоко в подсознании, у него действительно жила такая мечта. Конечно, он любил Хейфец и никогда бы ей не изменил, она полностью устраивала его и как любовница, и как

возможная спутница жизни. Данила несколько раз даже чувствовал себя обязанным сделать Оле предложение, но она пока что никак не стремилась к браку и от совместного проживания отказалась категорически. На данном этапе необременительные и свободные отношения ее устраивали полностью. Впрочем, как и Данилу.

Но с Ольгой все было совсем иначе. Она была умной, хитрой, сильной и привлекательной даже в своем «сером» облике. А когда она сняла с себя эту маску — или, наоборот, надела новую? — она стала манить, как запретный плод. Тот, что мечтаешь и боишься попробовать.

И сейчас она его поцеловала! Совсем не таким страстным и долгим поцелуем, как он представлял в своих фантазиях, нет — скорее уж невинным и почти детским, но при этом волнующим и настолько точно сочетающим сладость и недоступность, что он взволновал Данилу не меньше, чем некоторые эпизоды из его сексуального опыта.

Все окружающее уплыло на второй план, сметенное внутренними переживаниями и эмоциями, а когда Ольга отстранилась от него, Данила понял, что стоит все в том же лесу, а вокруг него клубится темный, с непонятной синевой туман.

— Хейфец ни слова! — быстро проговорила Ольга, будто бы побледневшая и осунувшаяся за то время, пока они не виделись в реальном мире.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Данила кивнул, сам краснея от смущения: могла бы и не говорить этого.

Темнота и туман словно бы поглотили лес, оставив видимым лишь небольшой его кусок вокруг Данилы. В темном мареве мерцали и перемещались какие-то тени, слышались приглушенные крики и стоны. Внезапно туман словно бы дернулся и начал стремительно истаявать. Будто верный пес, спешивший на зов хозяина.

Когда туман исчез, Данила увидел, что все стоящие вокруг «птички» подберезовики валяются на земле, не подавая признаков жизни. Данила попытался прощупать пульс ближайшему конторщику, но от прикосновения тот сразу же зашевелился и начал медленно подниматься с земли. Следом за ним, охая и ругаясь, приходили в себя и остальные новоявленные жрецы. Впрочем, взывание к загадочной сущности не прошло для подберезовиков даром: за прошедшие минуты они состарились на пару десятилетий, а волосы каждого теперь украшала ярко-синяя прядь. Уводящий, по всей видимости, решил таким образом пометить своих новообретенных жрецов.

Данила испуганно посмотрел на свои руки, но каких-либо следов старения на них не заметил, как и на подошедшем Арсене. Начальник волкодавов непонятно чему кивнул, потом принялся и уставился на микроавтобус.

Набежавшие конторщики вытащили из машины полностью седого водителя, на его место сразу же вскочил другой парень, завел двигатель и со всей возможной поспешностью погнал машину в сторону дороги.

Данила развернулся и побежал вглубь леса, туда, где остались сотрудники его бригады. И только увидев их в относительно целом, хоть и несколько оглушенном состоянии, Данила смог облегченно выдохнуть. Но кое-кого не хватало.

* * *

После суток проведенных в неподвижном состоянии, Елисей каждую минуту дергался и

шевелился: переминался с ноги на ногу, делал лишние вдохи-выдохи, беспрестанно моргал, стремясь согнать с глаз сухость. Хорошо еще, что большую часть времени он проспал. Коллеги тогда перевезла его в городскую квартиру, Ольга откуда-то притащила своего желтоглазого друга. И как только Елисей просыпался, Лучик подсаживался поближе, начинал что-то брынчать на своей гитаре, и сон возвращался снова.

Елисей был им за это очень благодарен: так, во сне, было проще переносить свое неподвижно-беспомощное состояние. А когда система наконец позволила ему вновь шевелиться — это было настоящее счастье. Елисей сразу же вскочил и, не слушая причитаний Лучика, побежал в ванную. Чтобы там, в одиночестве, пережить накотившую на него истерику.

То способности Ольгиного друга достали его и там, иначе как можно объяснить спокойствие и непонятную радость, быстро охватившие Елисея. Выйдя из ванной, он хотел поругаться на Лучика, но тот успел первым:

— Все хорошо. Уже все хорошо. Плохое осталось в прошлом, — Лучик подошел и попытался обнять Елисея.

Тот быстро отпихнул Ольгиного друга: не настолько ему плохо, чтобы обниматься с другим мужиком. Лучик развел руками и засмеялся:

— Сразу видно, что тебе стало лучше!..

Елисей мотнул головой, отгоняя воспоминания о вчерашнем дне. Не дело расслабляться перед грядущей битвой. Он сделал короткий шаг в сторону, вытащил пистолеты-пулеметы, потом вернул их на место. Все-таки не вызывало у него доверия сообщение начальства, о новом сверхсильном оружии против некросов: слишком он хорошо помнил, как трудно было победить «Никиту». Да и Данила Сергеевич, разделял его скепсис, потому как сразу же после сообщения отправился посмотреть на это уникальное оружие.

Несмотря на то, что по календарю было лето, сегодняшней вечер выдался на редкость холодным. Елисей уже весь продрог, но система упорно не замечала его состояния и не спешила помочь с обогревом. Да и по ее показаниям температура воздуха держалась на вполне приемлемом уровне в двадцать пять градусов. Рядом стучала зубами Хейфец, Вадим потирал плечи, приплясывал на месте Йети, даже Илья, согреваемый своим внутренним огнем, зябко поежился.

Внезапно откуда-то с опушки словно бы подул ледяной ветер, и отовсюду стал проступать синий туман. Система завопила о приближении некросов, и Елисей бросился вперед, стремясь разобраться с врагами. До цели он добрался меньше чем через пару минут, и сразу же стал палить по неясно проступающей через туман фигуре, полагаясь только на подсвеченный системой контур.

Некрос слабо реагировал на его действия, продолжая продвигаться в сторону конторщиков. Он остановился в полуметре от Елисея, весь изрешеченный пулями, но еще вполне живой и готовый к схватке. Но таинственное оружие подберезовиков наконец-то проявило себя: туман, словно бы щупальцами опутал некроса и притянул его к земле. Плоть мертвяка стала гнить и слезать с костей, оставляя только белый, отполированный скелет.

Елисей судорожно сглотнул. Такая эффективность пугала его. Как бы и самому не попасть в щупальца этого тумана. Из размышлений Елисея выдернуло сообщение системы: где-то там впереди был еще один некрос, какой-то странно-большой, судя по пометкам.

Наверное, можно было и переждать, предоставив оружие подберезовиков самостоятельно разобраться с мертвяком, но Елисей не стал полагаться на неведомого

союзника, он хорошо знал, что это может быть чревато большими неприятностями, а значит — нужно бежать на встречу.

Некрос действительно был особенным: настоящий монстр, будто бы слепленный из нескольких тел, под разными углами прикрепленных друг к другу. Словно бы почувствовав Елисея, проклятый мертвяк стал выкрикивать непонятный набор цифр, которые система благосклонно принимала и записывала отдельной строкой, подсвеченной зеленым цветом. Елисей завопил и стал безостановочно палить по челюсти твари, лишь бы успеть быстрее, чем она закончит. Он помнил, чем для него закончился предыдущий такой ввод кода доступа. Челюсть быстро дробилась, но и зарастала еще быстрее.

В этот момент из тумана выстрелили щупальца, опутали некроса и стали тянуть к земле. От мертвяка отвалилось одно из тел, словно бы хвост от ящерицы, и пока туманные щупальца терзали его, монстр закончил читать цифры. Елисей, потянувшийся перезарядить оружие замер по стойке смирно и теперь слушал, как система отвечает за него:

— Код доступа получен. Вам присвоен статус: «Главный распорядитель», ваши приказы приоритетны.

Туман, словно бы обидевшись на неподатливость жертвы, утроил свои усилия, все быстрее и быстрее срывая с монстра его лишние тела. Некрос совершенно равнодушно продолжал свою речь:

— Ты найдешь то, в чем заключена сила Уводящего Во Тьму и принесешь Верховному жр...

Щупальца не дали ему договорить: они с головой опутали некроса, в считанные мгновения уничтожив его.

— Приказ принят к исполнению, — механически ответила система, проигнорировавшая гибель своего «Главного распорядителя».

* * *

Даниле надолго запомнился их поход по мясокомбинату. «Птичка» в действии напоминала атомное оружие, избирательно уничтожавшее некросов. Там, где прошелся призванный ею туман, от мертвяков оставались чистые, белоснежные скелеты. Больше всего их обнаружилось возле дальней от конторщиков стены мясокомбината, видимо, некросы до последнего надеялись сбежать от действия таинственной силы. Но Уводящий Во Тьму не бросал так просто тех, кто решил пойти против его воли: все до единого некросы нашли свое успокоение в этот день: от законсервированных тел до Верховного жреца, которого опознали лишь по мантии.

Судя по разбросанным всюду скелетам, разведка сильно недооценила количество затаившихся в здании некросов. Большая часть площади двора мясокомбината была усеяна останками, видимо, мертвяки успели перевести в свои ряды многих его работников. Данила почувствовал, как к горлу снова подкатывает тошнота: специфический запах никуда не делся, и страшное зрелище валявшихся всюду белоснежных костяков серьезно давило на психику, складываясь в нечто непереносимое.

Вместе с тем, Данила реально оценивал количество врагов и мысленно даже попытался поблагодарить непонятого бога из другого мира за то, что расправился с мертвяками и сохранил жизни сотрудикам его бригады. И на долю мгновения ему показалось, что

закутанная в плащ фигура, похожая и на человека и на огромную птицу, материализовалась рядом и улыбнулась невидимыми губами.

Неподалеку постоянно вертелась что-то высматривающая Волкова, хотя кто знает, возможно она присматривала за самим Данилой. А после нашелся и Елисей, какой-то зашуганный и дерганный, но вполне себе живой и здоровый. Кажется, у этой истории все же хороший конец.

[1] Здесь Ольга намекает на традиционную классификацию стадий умственной отсталости: самая легкая — дебильность, при ней коэффициент интеллекта находится в пределах 50–70. И идиотия — или глубокая умственная отсталость, с коэффициентом 20 и меньше.

Глава 7. Вырваться из цепей

Месяц спустя...

Неожиданно начинание Данилы с каждодневными занятиями в спортзале нашло поддержку среди начальников других бригад. Теперь время тренировок было четко распределено, и очередь пятой бригады наступала только ближе к концу рабочего дня. «Пробежка вместо полдника — вот главное оружие против обвисшего живота», — как шутила Волкова, каждый раз выразительно кивая при этом в сторону Ильи. Рыжий хмурился и обижался, но защищать его Данила не спешил — друг сам виноват, что довел себя до такого состояния.

Сразу после тренировки сотрудники разбредались по спортзалу, продолжая занятия в вольной форме. Илья, Вадим и Елисей попеременно спарринговались, Алиса предпочитала «бой с тенью»: все равно никто из мужчин не стал бы драться в паре с хрупкой девушкой. Хейфец прыгала на скакалке либо занималась растяжкой. Марк подтягивался на турнике в самом дальнем углу зала: новоиспеченному младшему сотруднику тяжело давалось общение с коллективом. Волкова же традиционно лежала на матах, концентрируя разрушительную энергию Хаоса, в лучшем случае — крутила обруч, вот как сегодня.

Данила же каждый день с упорством отпетого мазохиста сражался в спарринге с Арсеном. Не так просто найти себе противника, от которого не стыдно будет получать тычки и удары. А Елисей, несмотря на всю свою силу и ловкость, под это определение не подходил: не к лицу начальнику бригады летать по залу от ударов своего же подчиненного, еще и такого морально неустойчивого. Да и сам киборг наверняка еще не успел забыть той показательной трепки, которую ему устроил Данила в первый день занятий в спортзале.

Поэтому оставался только Арсен — пивший модификаты начальник четвертой бригады. На самом деле, используя свою Силу, Данила мог бы с ним легко справиться. Но легко — не значит правильно. Нужно было тренировать и тело, не только способности, да и слишком прозрачными и ненадежными они казались после того случая в резиденции бывшего мэра.

Но возможностей тела Данилы не хватало, чтобы справиться с подаренной модификатами силой Арсена, потому и приходилось постоянно ходить с синяками. Оля уже начала ворчать, что не может смотреть на Данилу без одежды. Его самого мало волновала эстетическая сторона травм, а вот постоянная ноющая боль была проблемой. Но он должен был тренироваться. Их работа не терпела слабаков.

— Данила, — самодовольно хмыкнул Арсен, помогая Горецкому подняться с пола после очередного падения, — Зачем тебе это? Не может человек догнать модифицированного по физическим характеристикам. Так что хватит страдать херней, найди себе противника «по весу», а то мне уже стыдно тебя лупить.

— Точно! — не к месту влезла Волкова, не прекращая крутить свой обруч, — Давайте я подарю Хейфец плетку и наручники, будете страдать мазохизмом дома, пока никто не видит. В нашем консервативном обществе, знаете ли, не принято демонстрировать свои потаенные пристрастия. Или, думаете, из нее не получится нормальная Госпожа?

— Олюньчик, — Арсен отошел от скривившегося Данилы и сделал шаг к Волковой, — А ты бы не хотела поговорить о своих потаенных пристрастиях?

— Лучше о кошмарах, — равнодушно ответила Ольга, поймав обруч одной рукой, — И волосатая задница — один из самых страшных.

Арсен покраснел, от смущения или злости, украдкой поглядывая на свои руки, затем глубоко вдохнул, но достойно ответить Ольге он так и не смог — в зал влетел запыхавшийся Йети:

— Быстро собирайте свои вещи. В Роще бешеный кипищ, у них там какой-то волк сбежал. По ходу, терминатор!

Данила потер переносицу, после чего вернул очки на место и, вслед за всполошившимися подчиненными, пошел на выход из зала. И все это время его терзало странное предчувствие нависших над ним неприятностей. Что это за человек такой, с поимкой которого не могут справиться даже подберезовики?

* * *

Анрир лежал и слушал мерное гудение непонятного прибора. Он называл его «гроб». Внешнего сходства между этими предметами было мало, но по ощущению замкнутого пространства, давящего со всех сторон, было очень похоже. Белоснежный «гроб» невероятно противно гудел, испуская при этом невидимые, но бьющие по нервам, волны. Но «гроб» все же лучше «дергалки». Здесь — просто неприятно, а в «дергалке» — еще и больно. Самое же противное — это кормежка. Почему-то эти странные люди не предложили ему есть самостоятельно, наверное решили, что Анриру захочется поиграть в пленного воина времен расцвета Колыбели, готового скорее умереть с голоду, чем отведать пищу из рук врага. Наивные. Его честь была похоронена уже давно. Предоставь ему выбор, Анрир предпочел бы есть самостоятельно и изображать послушного мальчика, а не валяться в бессознательном состоянии, с телом, утыканным разного рода трубками. Но это продлится недолго, нужно лишь дождаться подходящего момента.

Сколько времени он уже в этом мире? Сложно сказать. Он помнил каждый из дней, но сосчитать их было проблемой. Не так просто ориентироваться во времени, если из всех чисел тебе знакомы лишь «один», «два» и «множество». Он всегда стремился как-то сгладить свою неполноценность, поэтому привык ориентироваться и по фазам лун Атрокса, и по скорости, с которой отрастали ногти и волосы. Он выучил: месяц — это срок, за который волосы успевают отрасти ровно настолько, что нужно их стричь, иначе они перестанут более или менее сносно укладываться в прическу. И еще за месяц нужно дважды подровнять ногти.

Но сейчас эти познания были совершенно бесполезны: лун Атрокса из другого мира не видно; оценить, насколько отросли волосы, он не мог, а ногти только-только восстановились после того, как их сорвали в первые дни пребывания здесь.

Анрир надеялся, что он здесь не больше двух месяцев. Иначе после возвращения домой его ждут большие проблемы.

Сам план побега у него уже был готов. Пускай проработать его было непросто. Но за прошедшие годы он так и не научился думать в тишине и покое — каждый раз приходилось принимать решения в какой-нибудь критической ситуации. Постепенно у Анрира даже сложилась некоего рода зависимость: в благоприятных условиях мозг не работал совершенно. Более того, в голову начинала лезть всякая чушь. Не так давно, в один из периодов тишины и спокойствия его посетила совершенно дикая мысль — написать собственную биографию. Точнее — надиктовать. Сам он мог написать лишь свое имя, и то, скорее перерисовывал его,

как картинку, чем понимал значение слов.

И тогда Анрир усадил Этеля за печатную машинку, велел придавать его фразам более-менее литературный вид, и взялся диктовать свою биографию. Подлец-секретарь зарыдал уже на второй странице. Анрир заставил его перечитать вслух написанное. В литературной обработке Этеля повествование получалось на диво жалостливым и тоскливым. Анрир собственноручно порвал страницу на мелкие куски, и желание увековечить историю своей жизни его ненадолго покинуло. В следующий раз он подошел к этому действию с гораздо большей ответственностью: сделал мысленные прикидки, выбросил все душещипательные моменты, и снова усадил Этеля за машинку.

Безропотный секретарь честно записывал все, что ему диктовали, и Анрир, вдохновленный отсутствием слез у этого нытика, радостно зачитывал все свои достижения, опуская темные пятна своей биографии. Потом несколько дней ходил страшно довольный собой, даже решил издать этот опус небольшим тиражом, — лишь для того, чтобы потешить собственное тщеславие и доказать, что и бездельничать можно с пользой.

Пока не решил подсунуть свою биографию Асеми. Бывшая супруга смеялась долго и совершенно непочтительно, вслух зачитывая некоторые, по ее мнению, особенно уморительные моменты и беспощадно их комментировала. Просила подарить ей эту книгу для поднятия настроения. Анрир заставил Асеми перечитать все вслух, и к третьей главе сам отобрал у нее рукопись и показательно сжег. В этот раз повествование напоминало хронику жизни одного из славных воинов прошлого. Эпичное, высокопарное, и до невозможности нереалистичное. Анрир даже ненадолго почувствовал себя таким мужским вариантом леди Айвен, чья золотая статуя до сих пор украшала площадь трех храмов на Авроре. Или — безбожным хвастуном вроде подвыпившего моряка в трактире.

На том свои литературные эксперименты Анрир посчитал законченными и твердо решил, что если однажды ему и понадобится биография, то он попросит написать ее Кейташи. У того получалось придавать всем поступкам своего закадычного неприятеля этакий интеллигентный лоск, будто Анрир и в самом деле постоянно придерживался некоего сложного многоходового плана, а не просто пытался выжить. Даже название для этой биографии Кейташи дал бы очень красивое, что-то вроде: «Сага о великом враге, голову которого я снес одним ударом меча в год, когда весенний дождь трижды пролился на сады Нисеямы», или «Сага о моем великом господине, которого подло зарубили враги, в год...» — здесь все зависело от настроения князя двуликих в данный момент. Главное, чтобы в названии были цветущие сады, Нисеяма и его, Анрира, героическая смерть. Желательно такая, после которой он уже не сможет вернуться в мир живых, ибо, по представлениям Кейташи, человек с настолько пострадавшей честью не должен жить.

Анрир мысленно одернул себя — и снова он не о том думает. Не к месту автобиография вспомнилась, да еще и Кейташи... Хорошо жить человеку с мышлением прямым, как дорога к замку Великого князя, и такими же твердыми убеждениями, как камень, из которого она сложена.

Когда перед Анриром встал выбор — похоронить заживо себя или честь, он выбрал честь, и не жалел об этом.

«Гроб» пришел в движение, выкатывая почти бессознательное тело наружу. Сегодня на дежурстве были Сальный и Доходяга. Анрир вообще недолго любил врачей и всяких «естествоиспытателей», а эти двое так и вовсе вызывали у него нервный зуд. Особенно Сальный. Неужели так трудно мыться хотя бы раз в пару дней? Хорошо, что странные и

непрактичные белые халаты им стирали на службе и выдавали каждый день чистые. К тому же Сальный был ужасно дотошным. С непоколебимым упрямством он выполнял над Анриром все процедуры из оставленного списка.

В противоположность Сальному, Доходяга был ленивым, но добродушным малым. И если старший лекарь куда-то уходил, то этот тощий парень садился, доставал из кармана непонятный прибор и с кем-то общался, судя по всему, через письма. Его бурлящие эмоции здорово веселили Анрира: какое-никакое, а развлечение. Потом Доходяга переписывал предыдущую страницу журнала на новый лист и увозил Анрира в палату.

Доходяга даже не поленился и притащил для Анрира подушку и теплое одеяло, периодически поправлял их, перекладывал бесчувственному пациенту руки и ноги, переворачивал его набок, возил в помывочную, короче говоря, Доходяге Анрир симпатизировал больше всего.

Между собой лекари почти не разговаривали. Лишь изредка бросали парочку слов, судя по эмоциональной окраске, сугубо ругательных. Видимо, заносчивый прим слишком близко к сердцу принял слова Анрира о способности освоить язык и, как мог, старался не допустить этого.

Мысли постоянно путались в голове, перескакивая с одного на другое — препараты, постоянно поступающие в кровь, делали свое дело. Но не так хорошо, как хотелось бы его новым хозяевам.

К своей досаде, нового гостя Анрир почувствовал только тогда, когда тот переступил порог комнаты с «гробом».

— Здравствуйте, Карен Сергеевич! — вразной произнесли Сальный и Доходяга, подскочившие при виде вошедшего. Странно, что они назвали прим-лорда неправильным именем, он что, скрывал свою сущность?

— Добрый день. Что тут с нашим пациентом?

Прим подошел поближе и несколько раз ткнул пальцем в Анрира.

— Все в порядке, Карен Сергеевич, — чуть ли не заикаясь, ответил Сальный. Точного перевода слов Анрир не знал, мог только догадываться об их значении, ориентируясь на интонацию и интуитивное понимание смысла.

— Почему он не зафиксирован?

— Так неудобно же процедуры проводить! Ваши специалисты постановили через день МРТ делать, боятся каких-то осложнений, а с металлом никак. Да вы не переживайте, там уже вместо крови наши растворы плавают. Пациент сейчас, можно сказать, в состоянии искусственной комы. Мы регулярно проверяем мозговую активность, все в норме

— Он отвратительно выглядит! — скривился Коэн после минутного молчания.

Ха! Не нравится? Конечно, отвратительно выглядит: за время, пока он здесь валяется, мышцы ослабели и потеряли часть своего рельефа, все тело утыкано трубками, изо рта течет слюна, и глаза, если открыты постоянно закатываются вверх. Анрир бы еще долго злорадствовал над недовольством Высшего, но в его голове уже словно разгорался огонь, растекающийся по телу: еще немного... еще немного... Только бы не сдать себя раньше времени.

— Гадость! Вымойте его и подстригите волосы, а еще нужно чаще делать миостимуляцию и ЛФК

Сальный и Доходяга закивали и стали записывать указания в свои журналы.

— Ничего, — Коэн брезгливо, кончиками пальцев перевернул голову Анрира так, чтобы

глаза смотрели на потолок, а не на стену, — мы еще вернем тебе нормальный облик.

Прим наклонился почти к самому лицу Анрира, пытаясь поймать его взгляд, улыбнулся и...

У каждого есть своя судьба, четкий путь, проложенный богами. С самого рождения его путь заключался в том, чтобы стать чьей-то игрушкой, безропотным сосудом для невероятной силы. Только кто сказал, что нельзя проложить другую дорогу?

Тело — инструмент для разума. Да, они накачали Анрира лекарствами, но, как нельзя повредить то, что давно уже сломано, так нельзя и сумасшедшего заставить снова потерять разум.

Огненная вспышка прошла по костям и мышцам, сменяя одну физическую оболочку и заменяя ее другой. Он со всей скопившейся яростью вгрызся в глотку приму, лапами удерживая его голову. Самонадеянный Высший даже не потрудился создать вокруг себя энергетическую защиту, когда шел в эту лабораторию. Кровь хлестала Анриру в рот, живучий прим пытался отпихнуть его от себя, но на то, чтобы прогрызть мягкие ткани и добраться до позвонков, много времени не нужно.

Прим обмяк и начал заваливаться на пол. Анрир вернул себе обычный облик и на секунду повалился на свою кушетку: сил шевелиться не было, голова кружилась, зрение никак не желало сфокусироваться на происходящем.

Воздух, набираемый в легкие для крика, мерзко шипел, проходя сквозь глотку Сального. Анрир вскочил, сделал несколько стремительных шагов к лекарю и без замаха ударил того под дых. Ребра хрустнули, а от удара тело припечатало о покрытую белой плиткой стену. Анрир с досадой наблюдал, как Сальный ползет вниз, оставляя кровавую полосу на выщербленной стене. Еще один гость Уводящего. Надо было действовать аккуратнее, но сил не было, и конечности еще плохо слушались.

Анрир подошел к остолбеневшему Доходяге и, глядя тому прямо в глаза, четко произнес: «Вздумаешь кричать — убью!». Тощий лекарь коротко кивнул, словно и в самом деле понял, о чем идет речь.

Прим начал потихоньку оживать, подрагивая конечностями. Кровь уже перестала хлестать, ткани разорванного горла медленно срастались, еще немного — и Коэн сможет вновь использовать свою магию. Анрир подошел к нему, стащил с тумбы короб «дергалки», прикинул вес, потом резко дернул, освобождая ее от крепящих к стене проводов.

Доходяга тихо скулил, вжавшись в стену, очевидно, догадался, что будет дальше. Анрир поднял «дергалку» повыше и с силой опустил на голову Коэна. От удара прибор и голова прима пострадали примерно одинаково, смешавшись в одно отвратительное месиво. Доходяга сдавленно пискнул, закрыв рот руками, и теперь во все глаза таращился на Анрира. Как будто это был его выбор! Сам он сейчас с удовольствием бы сидел в своем любимом кресле и занимался тем единственным делом, кроме рисования, к которому имел талант. Но все сложилось иначе, а убить прима можно только так: размозжив тому голову.

Теперь у него есть немного времени, чтобы привести себя в порядок. Анрир быстро выдернул торчащие из тела трубки, потом побрел к стоящей в углу раковине. Во рту стоял противный металлический привкус. Его вырвало. Идиотская реакция организма на любые тяжелые ситуации, еще и крови наглотался. Что бы там ни думали об имусах, но он не любил тащить в рот всякую гадость, и даже в зверином облике кусался только в случае крайней необходимости. Анрир покрутил краны — какие они все-таки здесь неудобные! — и, добившись более-менее сносной температуры, несколько раз прополоскал рот и умылся.

Была бы его воля, он бы и весь вымылся, но следовало помнить о времени.

Анрир напился воды из-под крана и направился к Доходяге. Низенький и плотный Сальный совершенно не подходил для его цели. Дрожащий лекарь еще сильнее вжался в стену и стал отползать по ней вбок, будто надеялся добраться до выхода. Анрир не видел выражения лица лекаря, но слышал, как в его груди часто бьется сердце, чуть не разрываясь от перенапряжения, как Доходяга нервно сглатывает слюну, чувствовал запах выступившего пота. Эмоции Доходяги хлестали по нервам не хуже крика. Анрир навис над ним и как можно четче произнес:

— Раздевайся! — после чего провел рукой по халату Доходяги, нащупывая на нем пуговицы.

— Нет, пожалуйста, не надо, пожалуйста... — тот мямлил, пятился назад и пытался вырвать полы халата из рук Анрира.

— Успокойся, ты меня не возбуждаешь.

Доходяга задрожал еще сильнее. Только бы не обмочился от страха! Анрир продолжал болтать, звуки собственного голоса помогали ему сконцентрироваться на окружающем мире и не давали сознанию уплыть под действием лекарств, все еще циркулирующих в крови.

— Знаешь, какие у меня женщины были? Ммм... Тебе бы такие и в твоих мечтах не дали, — Анрир стащил с лекаря халат, потом нижнюю рубашу странного кроя с короткими рукавами, и потащил того в сторону стула, чтобы снять обувь и брюки. Доходяга снова заскулил, как в момент смерти прима, видимо, испугался за свое целомудрие. Станный он.

— И ставить твою тощую задницу в один ряд с этими красавицами просто оскорбительно. Для них.

Анрир, раздев Доходягу до нижнего белья, — есть предел и у его безразличности! — принялся натягивать на себя его одежду. Радовало, что тощий лекарь был не намного ниже его, хоть и уже в плечах, из-за этого халат пришлось оставить расстегнутым.

- К тому же, поверь мне на слово, это еще не самое страшное, что может с тобой случиться, — Анрир, потрепал Доходягу по плечу и кивнул в сторону распластанного на полу Сального.

Лекарь сразу понятливо угукнул, даже не пытаясь встать. Анрир собрал валявшиеся на полу трубки и прикрутил ими Доходягу к стулу, вызвав у того очередной приступ паники. Потом залез в ящик стола, выудил оттуда две белые, чудного вида шапки и направился к зеркалу. После недолгой возни ему удалось спрятать волосы и безобразно торчащие уши под головной убор местных лекарей. Затем он скомкал вторую шапку, впихнул в рот Доходяге и примотал проводом, отвалившимся от «дергалки».

Анрир подобрал валявшуюся рядом с трупом Сального шгуковину, которую тот все время таскал вокруг шеи, как амулет или знак отличия докторов. Наверное, это все же был какой-то прибор, а не украшение, но Анрир ни разу не видел, чтобы им пользовались. В любом случае, шгука была нужна. Анрир вытер ее об одежду Сального, так же перекинул через шею и направился к столу. Вытащил из ящика одну бело-голубую маску, — Доходяга носил такую, когда простудился, — и снова к зеркалу.

Анрир мысленно дал себе затрепину: нужно было сначала надеть маску, а потом уже шапку, потому как уши пришлось прятать по новой. Он критически осмотрел свое отражение, благо зрение начало понемногу улучшаться. Большую часть лица ему удалось спрятать, но неальтеровские глаза, неестественная бледность и синяки сразу же выдавали в нем имуса. Если кто решит приглядеться повнимательнее... Если решит, конечно.

Он сгреб со стола несколько журналов, ручку и вышел из лаборатории. Ее, как место исследований особо ценного пленника, разместили в самом конце коридора, так что людей здесь почти не было.

Анрир шел по возможности быстро, будто бы спешил по важному делу, но и на бег не переходил, иначе можно выдать себя раньше срока. Через некоторое время он добрался до более оживленной части лабораторий, где то и дело сновали люди. Некоторые здоровались с Анриром, он кивал и здоровался в ответ. Приветствие он слышал и раньше, потому успел его запомнить.

Коридор закончился возле стеклянной двери, за которой стояло несколько вооруженных людей. Ввязываться в драку сейчас не хотелось: чем ближе к выходу это случится, тем лучше, и лекарства все еще действовали на него, делая мышцы мягкими и непослушными, а зрение — нечетким. Впрочем, даже полная слепота не сделала бы его полностью беспомощным, были и другие органы чувств, но стоило поберечь силы и спокойно преодолеть этот пост охраны. Анрир помнил, что часто Доходяга, или другой молодой лекарь везли его дальше, а Сальный оставался здесь, садился за стол и писал в журнале. Охранники привыкли к такому.

Анрир совершенно невозмутимо сел за один из столов, расположившись почти перед дверью, чтобы охранники успели его запомнить, открыл журнал и начал вдохновенно рисовать. За время, пока он валялся без движения, Анрир успел точно продумать все детали изображений. Надо же передать привет своему приятелю Леффу.

Закончив с рисованием, Анрир встал и неспешно завернул в имевшуюся рядом подсобку — там, среди разложенных стопками вещей, он выбрал себе другую, более подходящую по размеру одежду и быстро переоделся. Вещи были отвратительного зеленого цвета, остро пахли неизвестным веществом, от чего Анрира снова начало мутить. И рубаха имела слишком короткие рукава, выставляя на всеобщее обозрение татуированные руки. Пришлось снова натянуть на себя халат. После чего Анрир прошел через стеклянную дверь, поздоровавшись с охранниками. Те равнодушно кивнули ему и вернулись к разглядыванию шуток, похожей на ту, что была у Доходяги.

Так, теперь нужно слушать только интуицию: план этой части здания был Анриру неизвестен. Он шел по коридору, здоровался с другими лекарями, кивал в ответ на их вопросы, иногда сворачивал или заходил в какие-то двери, если это казалось ему правильным. Но везение не может длиться вечно: в какой-то момент истошно взвыла сирена и слышались крики людей, пол задрожал от тяжелых шагов. Навстречу Анриру выбежали несколько человек, недвусмысленно перегородив ему дорогу:

— Что встали? — привычно скомандовал он, — Быстро пошли прочесывать территорию!

Охранники, даже не разобравшись, на каком языке с ними разговаривают, коротко кивнули и устремились вперед по коридору. Только это продлится недолго, пара мгновений — и они все осознают. Анрир выбросил журналы и, прыгнув на все четыре лапы, помчался в ту сторону, где, по его мнению, был выход. Охранники закричали и даже открыли стрельбу из своего оружия, но было уже слишком поздно: кошачью форму как раз и задумывали для увеличения скорости передвижения бойцов на марше.

Анрир затормозил перед очередным поворотом, вернул себе человеческий облик и вышел из-за угла чинно и неспешно. Возле дверей, не имевших ручек, толпилось несколько человек в таких же белых халатах. Он с невозмутимым видом подошел к ним и, когда двери

открылись, зашел в лифт. Где-то неподалеку раздавалась ругань и крики охранников из другой группы, но они не обратили внимания на еще одного человека в белом халате.

Кабина плавно поехала вверх. Хорошая здесь техника, Атроксу до такого уровня еще расти и расти. Стоявшие рядом лекари возмущенно переговаривались между собой, обсуждая что-то связанное с ложной паникой и тем, что снова сбежал какой-то недобитый преступник. Анрир не до конца понимал их речь, только общий смысл, что не мешало ему внутренне ухмыльнуться: бедолаги даже не знали, насколько оправдана эта паника.

Двери лифта открылись, и все лекари выбрались в коридор. Здесь тоже выли сирены, и стояло несколько вооруженных охранников. Они сразу же заметили чужака и бросились к лифту. Анрир толкнул ближайшего к нему лекаря на охранников и отпрыгнул в другую сторону, на ходу меняя облик на кошачий.

Альтеры завопили и начали расталкивать своих коллег, но к тому моменту как они открыли стрельбу, Анрир был уже далеко. Он с разбега вышиб лапами хлипкую деревянную дверь и понесся вверх по лестнице. По его ощущениям, до выхода на поверхность оставалось совсем чуть-чуть, но и вооруженных противников там будет в разы больше. Впрочем, прорваться через них нужно хотя бы для того, чтобы потом как следует отдохнуть.

Очевидно, Ведущий По Пути услышал его пожелания, потому как после очередного пролета дорогу ему преградила девчонка-прим. Анрир притормозил: ну как можно было просто пробежать мимо такого подарка судьбы? Его план сразу же упрощался. Девчонка вскинула руку вверх, показывая, что у нее заготовлено атакующее заклинание, и приказала:

— Стоять! А теперь быстро вернул себе человеческий облик и опустился на колени, руки за голову!

Голос девчонки немного дрожал — судя по всему, Самый Настоящий Враг ей встречался впервые. Что, впрочем, вызывало у нее скорее легкую нервозность, чем страх. Анрир послушно выполнил ее приказ и, опустив взгляд вниз, порадовался возможности немного отдохнуть. Мышцы подрагивали от перенапряжения и лекарств, голова кружилась. Сразу же начало тошнить. Анрир сглотнул, сдерживая рвотный позыв.

Девчонка подошла поближе и стала перестраивать структуру заклинания — из атакующего в парализующее. Ее самодовольство буквально лучилось наружу, сердце радостно бухало в груди с непозволительной частотой — ну как же: она сама поймала страшного имуса. Даже странно, что ее эмоции так легко считывались: примам полагалось лучше контролировать свои чувства. Когда между ними оставалось меньше шага, Анрир подскочил с места и с силой ударил девчонку по лбу, чуть выше переносицы. И сразу же прыгнул через перила вниз на пролет.

Оставшееся без контроля заклинание высвободилось взрывной энергией, отбросившей девчонку на стену. Чтобы убить прима, такого недостаточно, но потрепало ее знатно. Анрир вернулся, подошел к ней, наблюдая, как девчонка пытается вновь применить магию.

— Расслабься, ничего у тебя не выйдет.

— Стой! — рявкнула она, но Анрир ухмыльнулся и встал вплотную, словно бы хотел обнять или поцеловать девчонку. Та замерла от ужаса, затем — попыталась отстраниться. И снова никаких попыток скрыть эмоции или контролировать физиологию тела. Испуганная, она сейчас очень походила на Доходягу.

— Стой! Стой! Стой!

Как будто это могло подействовать! Возможно, будь Анрир обычным имусом, в натуре которых заложено повиновение всем «старшим», он бы и остановился после приказа

девчонки. Но, благодаря крови далекого предка, славного Кирана, Анрир и сам мог заставлять других повиноваться своей воле. Девчонка даже не пыталась ударить, хотя любой из примов, даже такой ничтожный, как она, был в разы сильнее обычного человека.

Велль. Так ее звали. Пожалуй, стоило прекратить это представление.

— Это бесполезно. Я не буду исполнять твой приказ. Ты невнимательно слушала своих старших собратьев: мой род берет начало от дома Веден Рей. Ты хоть знаешь, в чем была их родовая магия?

— Ты имус! Ты не смеешь...

— Не смею — это если мне кто-то запретит. А ты не можешь. И прекрати командовать, я думаю, как лучше тебя покалечить.

Велль затряслась и вытаращила на него глаза. Наверное, ждала, что Анрир сейчас раскается, свяжет себе руки и вернется в их лабораторию.

— Извини, дорогая. Я не ожидал, что ты настолько глупа и сама прибежишь ко мне. Приходится импровизировать. К тому же, ты такая хилая, а мне твой труп не нужен.

Анрир отступил на шаг и задумчиво потер подбородок. Выбор был невелик: голова или грудная клетка. Нет, голова точно, но насколько сильно? Девчонка и так не слишком сообразительная. С другой стороны, и терять ей в этом плане особенно нечего. Анрир протянул руку и надавил Велль на середину груди, проверяя, насколько подвижны ребра, потом повернул ей голову, рассматривая уже зарастающий ожог на лице. С головой надо быть осторожным. До девчонки начал доходить смысл происходящего, она затряслась не хуже Доходяги, но все еще не могла до конца осознать, во что вляпалась.

— Ты... ты не должен! Я — девушка!

— Хороший аргумент, — кивнул Анрир, ухватив ее за волосы, — Он даже мог подействовать. Только вспоминать о нем нужно было раньше. Брось, тебе же казалось забавным играть со смертью? Так и это — тоже игра, правда, ты немного в другой роли.

— Мне жаль, я не хотела...

Анрир с силой стукнул голову девчонки о стену. Тело сразу же обмякло и начало заваливаться. Еще один удар. Затем — в центр грудины, чтобы сломанные ребра впились в сердце и мешали восстанавливать ткани. Оставалось надеяться, что собратья-примы не бросят Велль. Иначе не получится выиграть время.

И снова кошачий облик и прыжки по ступеням. Пока внутреннее чутье не намекнуло, что пора выбираться с лестницы. Анрир почувствовал, что, наконец, выбрался с подземных уровней. Уже в нормальном виде он спокойно открыл тяжеленную дверь и вышел в очередной коридор.

Целая толпа вооруженных альтеров сновала по просторному, хорошо освещенному помещению. Некоторые из них обернулись в сторону Анрира и замерли, явственно принохиваясь. Ненормальные, специально или по чьему-то приказу отказавшиеся от положения в обществе. Урожденные альтеры, ставшие имусами. У них был один недостаток: «третьих» создавали лучшие умы древних примов, а модификаты — современные подделки, сотворенные на скорую руку. А чтобы хорошо владеть способностями, с ними нужно родиться.

Дальше прятаться бесполезно: его засекли, и никакие родовые способности не заставят слушаться такую толпу. Анрир слегка наклонился и глухо зарычал. Альтеры вскинули свое оружие, некоторые рычали в ответ. Просто хищники, которые выясняют, кто здесь главный. Но это была их территория, и они были в своем праве. А он всего лишь чужак. Но первый

самец, первый всегда.

Анрир еще раз зарычал и стал медленно идти вдоль стены, удерживая взглядом одного из альтеров, более всего похожего на здешнего вожака. Тот тихонько огрызался, но не давал команды атаковать. Это было против его природы. Точнее, той ее части, о которой альтер и не догадывался. Той, что подарила звериную силу, но кое-что навсегда изменила внутри. Слабый самец не нападет на сильного.

Длинный коридор заканчивался двумя стоящими друг за другом металлическими решетками. Выбить такие можно, но столпившиеся здесь недоальтеры успеют серьезно покалечить Анрира. Нужно бежать отсюда: где-то непременно должен быть менее защищенный выход.

Внезапно перед дальней решеткой появился неприятный тип с желтой кожей и зловонным дыханием, — Пиявка, — Анрир помнил этого мужчину: он был среди сопровождающих во время поездки к месту обитания некросов. Слишком хорошо помнил. Тип имел отвратительный характер и мерзкую привычку постоянно подпитываться энергией других людей.

Пиявка, заметив Анрира, сразу завопил:

— Держите суку! На поражение не бить! Взять живым!

При первых же звуках его голоса Анрир сменил облик и понесся по коридору. Запоздав на пару мгновений, загрохотали выстрелы местного оружия, оглушавшего своим звуком и распространяющим резкий запах. Два мелких снаряда прошли тело насквозь: один — через мышцы левой верхней лапы, второй — брюхо. Анрир дернулся, но скорости не сбросил, стараясь только беречь лапу. Если остановится хоть на мгновение — дырок в теле станет еще больше. Он петлял по коридору, за несколько мгновений скрывшись за поворотом, но там ждал тупик.

Три двери и толпа вооруженных недоальтеров за спиной. Анрир рванул одну из дверей, ту, за которой ощущалось движение воздуха, и попал в пропахшее едким дымом и мочой помещение, похожее на туалет. Но не это главное — широкое, распахнутое окно, закрытое одной, не самой массивной решеткой. Выдрать ее одной рукой было непросто, но он справился: вторую руку нужно было еще немного поберечь, пока не зарастут поврежденные пулей мышцы.

Когда охранники вломились в комнату, Анрир в кошачьем облике уже несся по двору, с наслаждением вдыхая свежий воздух. Другие альтеры засуетились и бросились к нему, стреляя на ходу. Только обширное поле вокруг здания — это не узкий коридор, здесь гораздо больше свободы для маневра.

Когда до спасительной стены оставалось совсем немного, Анрир внезапно почувствовал, что лапы его не слушаются. Они неловко подломились, и все тело грузно повалилось на землю. словно бы кто-то в одно мгновение выпил всю силу. Пиявка, больше некому. Наверное, достал через какое-то из окон. Вернув себе человеческий облик, Анрир бессильно распластался на земле, даже немного радуясь выдавшейся передышке. Сейчас они все подойдут поближе, опустят свое оружие, расслабятся... Вот же беглец, лежит у их ног, раненый и беспомощный.

Первые из охранников подбежали очень быстро и дисциплинированно взяли его на прицел, тычками заставив перевернуться со спины на живот и сложить руки за головой.

Анрир отстраненно подумал, что вся его одежда, пускай и неприятно пахнувшая, но чистая, сейчас покрылась грязью и кровью, все еще продолжавшей течь из плеча. Рану на животе, доставляющую больше всего неудобств, он уже успел зарастить. Еще немного времени, и заживет простреленная рука. Удачная вышла передышка, если не считать грязи.

Пиявка изо всех сил спешил к пленнику. Анрир почувствовал, как давящая на него слабость усилилась: даже на то, чтобы держать руки за головой, сил не хватало. Так, если он хочет бежать дальше, с этим нужно заканчивать, не для простой прогулки по коридору он все это затеял! Тем более, если его поймают, то меры предосторожности усилят, и другую возможность покинуть это неудобное место придется ждать еще долго. А времени у него нет. Нужно возвращаться домой.

Анрир мысленно хмыкнул, дождался, когда Пиявка подойдет поближе и, сконцентрировавшись на соединяющем их энергетическом канале, затем выпил большую часть сил у этого альтера. Все-таки, они в этом мире весьма странные и слабые. У этого любителя подпитаться за чужой счет даже защиты от подобного воздействия не было.

Пиявка заорал — ощущения от того, что энергию буквально выдирают из тела, были в разы сильнее обычной физической боли. Перепуганные альтеры дернулись на крик, на доли мгновения отвлекшись от Анрира. Но ему хватило. Одного из охранников он сбил с ног, завалив на второго. Еще несколько ударов — и Анрир, уже в кошачьем облике побежал вперед, оставив за своей спиной погибших и покалеченных альтеров.

Снова загрохотали выстрелы. Но попасть по движущейся мишени не так просто, особенно по мишени, которую долгие годы учили передвигаться так, чтобы не быть случайно подстреленной.

За считанные мгновения Анрир добежал до высокой, сложенной из кирпичей ограды. Вскарabкаться по ней оказалось довольно просто, но на это ушло драгоценное время, за которое во дворе успела собраться целая толпа вооруженных альтеров. Один из них заставил раскалиться камни. Анрир рванул вверх, спасая лапы от ожогов. Но, стоило ему добраться до верха стены с растянутой по ней колючей проволокой, как одна из пуль прошила спину, а следующая чуть не зацепила голову. Уклоняясь от них, Анриру пришлось резко дернуться в сторону, и многострадальная левая лапа осталась без внушительного куска шкуры, зацепившегося за стальные шипы.

Зато он преодолел ограждение и прыгнул на другой стороне. Недоальтеры не умели передвигаться так же быстро и через стену не полезли, предпочтя ей ворота. За время, что они потратили на выход с территории базы, Анрир успел отбежать на достаточное расстояние.

Стоило ему ненадолго оказаться в безопасности, как слабость навалилась по новой, и он упал на землю. Одна из пуль, судя по всему, застряла где-то в легком, и дышать было безумно тяжело. Руку жгло. Но сил посмотреть, что с ней, уже не было. Анрир перевернулся на спину и попробовал поковырять рану. Пуля вошла в грудную клетку, и, чтобы вытащить ее, пришлось бы выдергивать пару ребер. А двигаться с такой травмой сложнее, чем со снарядам в легких. Соображать нормально не получалось — препараты, которыми его накачивали, все еще бродили в крови, и Анрир просто заснул.

...- По-моему, он сдох.

— Мля, тогда Упырь с нас шкуру спустит, да и эти, мать их, «шефы», ему помогут.

— Не благуй, Сема, вроде дышит. Иди, проверь.

— Сам проверь! Этот ублюдок троих наших во дворе положил. Голыми руками!

Анрир слушал голоса собравшихся вокруг него альтеров и старательно высчитывал момент для атаки. Он не знал, сколько пролежал без сознания, но лучше за это время не стало. Шевелиться совсем не хотелось. Рука и грудь горели. Где-то неподалеку сгруппировались и другие недоальтеры, караулившие на случай непредвиденных обстоятельств, а чуть дальше — еще группа, и еще одна. Словно бы все имевшиеся здесь альтеры успели собраться в этом лесу, пока он валялся без сознания.

Не слишком удачный расклад, будет тяжеловато вырваться из окружения. Наверняка снова ранят. Впрочем, это будет не самый неприятный момент в его жизни.

Анрир вскочил с земли, ударив одного из альтеров в грудь. Хрупкие ребра сломались и впились в плоть. Это противник погиб раньше, чем его тело опустилось на землю. Следующему Анрир проломил висок, как и последнему в их компании. Никто из них даже не успел выстрелить. Можно было бежать, но глупо и дальше бесцельно слоняться по лесу, нужно думать, как прорываться в город.

Анрир, приняв кошачий облик, подкрался к еще одной группе альтеров и со спины набросился на ближайшего к нему врага. Одного короткого удара когтями по шее хватило, чтобы отправить противника на встречу с Уводящим. За время, пока тело падало, Анрир успел прыгнуть на следующего, и свернуть тому шею. В человеческом облике драться гораздо проще. Раньше, чем кто-то из них успел опомниться и правильно среагировать на опасность, альтеры уже лежали на земле, мертвые или близкие к этому.

Анрир с трудом вдохнул, осмотрелся по сторонам и рукой вытер выступившую на губах розовую пену. Пуля все еще болталась в легком, срастить ткани уже не получалась: за время побега он основательно растратил резервы организма.

Он провалялся без сознания непозволительно долго. Альтеры успели за это время не только наводнить лес, но и выстроить непонятные заграждения на пути к городу. К тому же, начало темнеть. Прежде, чем выйти к границе, Анриру несколько раз пришлось вступать в схватки со слугами Леффа и братьев. Его и без того не слишком здоровое тело несколько пострадало, но и свобода была близко. Только нужно решить, на каком из участков прорываться через оцепление. Точнее — кого из этих альтеров он подвинет со своего пути с наименьшими для себя потерями.

Чутье подсказывало примерное направление, а, стоило подобраться поближе, как он уловил запах женщины, присутствовавшей в одной из групп. Женщина — это всегда хорошо, она не так сильна, и ее, как правило, берегут, значит, вполне можно взять в заложники, если ситуация сложится не в его пользу. А при самом благоприятном исходе, он успеет пробежать через оцепление раньше, чем альтеры сориентируются в происходящем.

Когда до оградительной черты оставалось всего ничего, что-то пошло не так. Прямая дорога ближайшего будущего вдруг смялась и расслоилась на множество троп. Сначала он не успел проскочить через открытый участок: загудели странные приборы, и проход преградила стена силового поля. Можно было пробиться и через эту преграду, но вокруг было слишком

много вооруженных альтеров, а ловить пули Анриру уже надоело.

Он стремительно развернулся и помчался туда, где чувствовал присутствие женщины. Один из окружавших ее альтеров заставил гореть воздух вокруг Анрира, но, хвала мастерству древних примов, его шкуру было не так просто поджечь. Он прыгнул через огонь и мысленно завопил от боли: какой-то умник методично всаживал пули точно в правую лапу. Еще даже не коснувшись земли, Анрир понял, что большая часть костей раздроблена, и дальше бежать придется уже на своих двоих.

Он приземлился на ноги, собрался захватить девчонку, чтобы отгородиться ее телом от других противников, но не успел — сверху его будто бы придавило каменной осыпью. Предчувствия стали совсем уж мрачными. Похоже, вырваться из окружения будет сложнее, чем он думал. Дальше все пошло наперекосяк: стоило избавиться от воздействия неумелой магии одного противника, как другой приложил его о машину, и все, на что хватило сил — закрыть голову руками.

Анрир потерял сознание от боли. Когда очнулся, с трудом встал и выпрямился. Это все, бежать дальше просто нет сил. Попался. Злая ирония — так долго убежать и не суметь преодолеть последнее препятствие. А теперь уже не получится: слишком быстро он терял кровь из-за полученных ран. Мысли скакали с одной на другую, не давая сосредоточиться, реальность помутнела и будто бы распалась на части. Кажется, к нему подошел один из альтеров и попытался перевязать руку, потом дали выпить отвратительно сладкое пойло, от которого сразу стошнило.

Все закончится, все когда-нибудь заканчивается. Он вернется домой, вымоется в своей ванной, отоспится, будет спорить с Кейташи, слушать, как поет Харуки. Он словно наяву увидел сад, окружающий дворец князя двуликих. Почему-то всегда, при мыслях о доме, Анрир вспоминал именно это место, а не то, в котором проживал на данный момент. Решено, вернется обратно — и переедет поближе к Кейташи. Чтобы раздражать своего преданного недруга еще больше.

Возможно, стоило попробовать сбежать и сейчас. Собрать оставшиеся силы — и вперед, но для этого придется убрать со своего пути альтеров. Чокнутых альтеров, схвативших его, но, тем не менее, не бросивших подышать от потери крови. Толку от их помощи было немного, но и убивать их Анриру уже не хотелось.

Появление исчадия Хаоса заставило Анрира напрячься. Он чувствовал — эта женщина сильнее, особенно сейчас. Но и она точно так же понимала, что ее победа сегодня может обернуться поражением в будущем. Они не обменялись ни одним словом, но Анрир знал — если он не тронет друзей исчадия, она пройдет мимо. До следующего раза.

Ни он, ни исчадие не могли читать чужие мысли, всего лишь хорошо чувствовали других людей и воспринимали образы, проносящиеся в их сознании. Анрир не знал, что увидела в его голове продавшаяся Хаосу, но в его мозгу вдруг понеслись картинки, описывающие, как управлять местным двухколесным транспортным средством. Зачем-то ей нужно было помочь ему с побегом.

Реальность плыла и ускользала от внимания, словно ночной сон после утреннего пробуждения. Рядом спорили какие-то люди, потом подошел торжествующий Пиявка и стал чем-то угрожать. В таком состоянии Анриру было трудно улавливать смысл слов. Да чем там можно угрожать? Отдать на расправу своим парням? Наивный! Что бы Пиявка не выдумал, это будет определенно не самый страшный эпизод в жизни Анрира. И все равно он сбежит, только дождется другой подходящий момент.

Он выжидал. Альтеры беспечны. Сейчас, когда его уже скрутили, надели наручники и вкололи еще какую-то гадость, они уже не ждут от пленника подвоха. Не следят так внимательно. Надо только придумать способ побыстрее добраться до города. Альтеры волокли его вперед, а Анрир присматривался к двухколесному средству передвижения, которое вслед за ними тащила высокая женщина с мужской стрижкой. Исчадие словно бы знала, что события будут развиваться именно так. Впрочем, какие бы цели не преследовала продавшаяся, Анриру это было только на руку. Тащившая двухколесный механизм женщина остановившись неподалеку от закрытой машины, в которую хотели запихнуть Анрира.

Еще несколько шагов — и его запихнут внутрь, и тогда сбежать будет намного сложнее. Момент пускай и не слишком подходящий, но другого может и не представиться. Анрир устало подумал, что когда доберется до дома, день, день и еще один день будет просто лежать на своей кровати, ни на что не отвлекаясь. Но это будет позже. А пока ему нужно выбираться отсюда и верить, что в городе его все же ждут, иначе все это было сделано напрасно.

Анрир, собрав жалкие остатки своих сил, перепрыгнул через цепь наручников — достаточно длинную, будто по заказу, — выхватил из тени меч и снес голову Пиявке. Следующим ударом расплосовал живот одному из альтеров, и нацелился на другого, но меч словно ударился обо что-то твердое. В тот же миг охранявшая средство для его побега девчонка отлетела в сторону, опутанная нитями духа. Тем лучше, не придется ее калечить. Альтеры, мгновение назад мнившие себя хозяевами положения, погибли раньше, чем успели среагировать на взбунтовавшегося пленника.

Меч растворился в тени, как только необходимость в нем отпала. Анрир подскочил к двухколесному механизму, быстро сел на него, как советовала исчадие. Было непривычно, но намного удобнее, чем на лошади. Нажать на рычаг левой рукой, ногой выжать другой рычаг, потом покрутить правую ручку на себя. Искалеченная рука почти не слушалась, Анрир, на сколько хватило резерва, попытался срастить кости, кое-чем помогла и исчадие, но соединения было слишком хрупким: одно неловкое движение и они снова разлетятся на множество обломков. Он боялся запутаться, но механизм на удивление послушно двинулся вперед, правда, слишком медленно. Не теряя времени, Анрир повернул правую ручку еще сильнее, одновременно выжав левую ручку и подняв рычаг левой ногой. Механизм неуклюже дернулся, но через мгновение выровнялся и помчался вперед с хорошей скоростью.

Альтеры поспешили за ним, но потом замедлились, завязнув в вырвавшемся в реальность Хаосе. Надо же, преследователи так хотели его поймать, что не побоялись пожертвовать своими же бойцами. Что бы там не происходило, но задержка помогла Анриру выиграть необходимое для побега время. В какой-то момент он почувствовал, что его уже не догонят. По крайней мере, не сейчас.

Стоило только этой мысли пронестись в голове, как усталость, раны и вычерпанный практически до дна резерв жизненных сил дали о себе знать: сознание поплыло, захотелось упасть и лежать, не шевелясь. Анрир встряхнулся, прогоняя ненужные мысли. Надо продержаться еще совсем чуть-чуть. В городе его должны ждать.

Он попытался сконцентрироваться на дороге. Если не считать бьющего в лицо ветра, то механизм Анриру понравился: мощный и послушный движениям рук, он позволял двигаться очень быстро и при этом не расходовать собственные силы. Чтобы там не измыслила продавшаяся Хаосу, но без ее помощи выбраться из окружения было бы сложнее.

До города он добрался достаточно быстро, но проехать дальше окраины не получилось: сил не осталось совсем, и мозг отказывался соображать. Анрир даже не смог вспомнить, как тормозит двухколесный механизм. Пришлось спрыгнуть с него на ходу и наблюдать, как тот врезается в дерево. Анрир медленно побрел вперед и устало опустился на одну из лавочек. Уже совсем стемнело, хорошо, что улицу освещали фонари. Прохожие косились на него и, кажется, ругали за аварию. Все равно. Сил реагировать не осталось, как и бежать дальше. И если его расчет не оправдался, и противники Леффа не захотят перехватить «ценное имущество» примов — Анриру придется худо.

Как ни странно, но к нему подбежал еще один продавшийся Хаосу, правда, не такой сильный, как встреченная на поляне исчадие. Незнакомый парень в очках подхватил Анрира под руку и потащил за собой. Рядом с ним мельтешил еще один недоальтер, постоянно приносивающийся к воздуху. Возле дороги их ждала машина. Анрир забрался внутрь и, наконец, позволил себе повалиться на сиденье и потерять сознание. Если оппозиция прим-лордов тоже хочет подобраться к магии Уводящего, придется им позаботиться и о брэнном теле, эту магию вмещающем.

Глава 8. Перемены в судьбе

Кружащиеся осенние листья не успели скрыться из виду, как Данилу окликнул Вадим:

— Данила Сергеевич! Вы куда?

— В город.

— Пешком? Да погодите вы, — Вадим положил руку на плечо Данилы, заставляя того повернуться, — Я такси вызвал.

Горецкий устало кивнул, поражаясь, как он сам не додумался до такого простого решения? Впрочем, куда ему было спешить? Мог и пройтись, не так уж тут и далеко до автобусной остановки. Заодно бы и обдумал все. Данила чувствовал себя потерянным: всю свою сознательную жизнь он провел на службе, и что делать теперь, не представлял совершенно. Все происходящее казалось чей-то злой шуткой, кошмарным сном, иллюзией сбежавшего Николаева-Ульянова... чем угодно, только не реальностью.

Вадим затащил его в такси, довез до своего дома и отвел в квартиру, там усадил за стол и стал вытаскивать еду из холодильника. В котором обнаружилась парочка накрошенных салатов, не заправленных майонезом, котлеты, банка солений, пирожки. Откуда у одинокого мужчины такие изыски? Неужели ходящие по конторе слухи о его неуставных отношениях с Волковой правдивы? Нет, не может быть такого. У Ольги было какое-то незыблемое правило о недопустимости связей с коллегами, а Вадим слишком сильно любил свою жену. Наверное, все банальнее: Ольга просто решила не дать коллеге умереть с голоду. Жаль, что она не обо всех так заботилась. А то он не прочь был бы поесть чего-нибудь отличного от меню «Хуторка» или собственноручно сваренных пельменей...

Последней на столе оказалась непочатая бутылка водки и две стопки. Данила сразу же замотал головой, отказываясь от выпивки. Вадим молча разлил прозрачную жидкость по стопкам и протянул одну из них Даниле.

— Выпьем за упокой ребят. Пусть земля им будет пухом.

Отчего-то вспомнилось услышанное когда-то от православного священника поучение о том, что мертвых не поминают алкоголем. Но Скворцов смотрел уж слишком серьезно, будто бы отказом Данила оскорблял память погибших ребят. Да и не был он никогда примерным христианином...

Данила кивнул, они с Вадимом встали и, не чокаясь, выпили. Жидкость, словно раскаленный металл, прошла по пищеводу, мгновенно разбегаясь по крови и ударяя в голову. Данила поспешил заесть выпитое. Скворцов, тем временем, снова наполнил стопки. Заметив недовольный взгляд начальника, он коротко сказал: «Пожелаем раненым парням выздоровления». И снова Данила не нашел, что возразить. После этого были тосты: «за Ольгу», «за Надзор», «за волка, чтоб ему там икалось», «за женщин», «за выздоровление раненых». Но тут Данила уже подловил Вадима на повторении тостов, но тот только отмахнулся, что пожелать больным выздоровления не грех и два раза, а лучше — три.

К этому времени Данила уже чувствовал, что выпивки с него достаточно, да и вообще, пытаться пить на равных со здоровущим Вадимом — еще более бесполезное занятие, чем с Ильей. Скворцов, задумчиво кивнув опустевшей бутылки, убрал ее со стола, после чего сжевал дольку соленого огурца и сложил руки перед собой.

— Знаете, Данила Сергеевич, я мужик простой и думать не приучен, но кое-что и я замечаю. Вот вы мне скажите, после того, как волка поймали, что нужно сделать в первую

очередь?

— Зафиксировать задержанного, чтобы исключить возможность побега...

— Если не совсем debil, то волка и так на свободе не бросишь! Нет, первым делом нужно заполнить документацию! А что мы пишем в документации? Имя, фамилию, характер противоправного деяния!

Вадим назидательно поднял палец вверх, но на этом поток его странных умозаключений не иссяк:

— Вот помню, когда мне было шестнадцать лет, у меня был мотоцикл, «Ява», ну как в песне, и сиденье у него искусственным мехом обтянуто, он еще сваялся быстро, но мне тогда он казался невозможно крутым. И у многих моих друзей были мотоциклы. А у кого не было, тот мог у меня попросить прокатиться, я бы не зажал.

— Это ты к чему все ведешь? — не выдержал Данила.

— Это я к тому, что есть мужик, ну может, парень, тут хрен поймешь, вроде вполне взрослый и дееспособный, но имени его никто не знает, про мотоциклы ему знать не положено, и сам он весь из себя такой важный, что его даже убивать нельзя. Якобы может помочь в борьбе против некросов. Интересно, чем? Судя по его наглой роже, чхать он хотел на весь Надзор разом. И да, этот Киса еще ни слова по-русски не сказал. Вам это не кажется странным?

— Намекаешь, что он не из нашего мира?

— Нет. Предлагаю вам над этим всем хорошо подумать. Заодно и над тем, что на груди у этого парня есть татуировка со знакомой такой птичкой, только со сложенными крыльями

Данила кивнул, после чего пододвинул к себе тарелку с пирожками, стащил один и откусил от него небольшой кусочек, сразу же добравшись до мясной начинки. У Волковой был удивительный талант печь пирожки, используя минимум теста. Интересно, где она сейчас? Вроде бы глупо беспокоится о Кровавой Смерти, но иногда чувства сильнее разума.

Вместе с тем он чувствовал, как его постепенно наполняет злость на самого себя. Ведь это только по его вине пропала Ольга, чуть не погиб Елисей, и даже Упырь и незнакомые «подберезовики» расстались с жизнью. Что стоило просто послушать Волкову и не помогать этому волку? Теперь по городу бродит преступник с неизвестным количеством УДЕ, как-то связанный с некросами.

— Надо найти этого ублюдка, — произнес Данила.

— Да не ублюдок он, — махнул рукой Вадим, — Мало приятного сидеть в изоляторе Березовой рощи. Сейчас, Киса — наш враг, но не зло. Мы же про него ничего не знаем. И повел он себя в чем-то даже благородно: не стал нас убивать, а мог. Вы и сами это понимаете, Рысь с мотоциклом вначале рядом с нами кружилась.

Данила снова кивнул, протягивая руку за еще одним пирожком. Как бы то ни было, но у него накопилось достаточно вопросов к этому «Кисе», и задать их хотелось бы лично. Что ж, их город не настолько велик, в нем нельзя прятаться слишком долго.

* * *

Лефф неспешно налил в бокал коньяк и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, выпил все за один раз, не почувствовав вкуса. Он уже давно не придавал значения вкусу пищи и выпивки. Какой смысл? Он питался только самыми изысканными деликатесами на

протяжении тысяч лет. За это время он успел попробовать все: от самой восхитительной до самой ужасающей пищи, от одного вида которой нормального альтера незамедлительно бы стошнило. На какие только хитрости не пойдешь в тщетных попытках вернуть себе хотя бы иллюзию жизни, удовольствий, новых ощущений. Обычно Лефф чувствовал скуку и пресыщенность. Но только не сейчас. В его жизнь вторглись враги, настоящие и опасные, они не только угрожали его существованию, но и придавали ему некий смысл. Ведь кто-то должен защитить этих четверых придурков? Может быть, поэтому Лефф и не торопился вычислить и поймать зарвавшихся альтеров, уничтоживших Геллан несколько месяцев назад? Боялся вновь погрузиться в свое полусонное, почти растительное состояние?

К чему эта ложь? Лефф просто не смог их вычислить. Ему пришлось признать, что какие-то альтеры оказались хитрее и расчетливее его. Да и не только альтеры. Проклятый имус убил Коэна и покалечил Велль. Без всякого почтения к высшим, просто убрал с доски мешающие ему фигуры. А если бы на его пути оказался Лефф? Нет, так просто уничтожить бывшего солдата у имуса бы не вышло. А Коэн был озабоченным садистом, сложно сказать, что его гибель кого-то сильно огорчила. Впрочем, Лефф не собирался спускать имусу убийство прима, всякая тварь должна знать свое место. Поэтому нужно найти и наказать их «приобретение».

Лефф вытащил из папки несколько желтоватых листов некачественной бумаги, такие в Березовой роще вкладывали в «истории болезни» проходящих там обследование волков. Собственно, из одной такой «истории» они и были взяты. А их бывший пленник, оказывается, еще и вдохновенный малеватель. Не пожалел времени на то, чтобы оставить рисованное послание для Леффа. Все изображения были достаточно реалистичными и узнаваемыми, несмотря на то, что нарисованы обычной шариковой ручкой. Но сквозил в них некий гротеск, делающий их больше похожими на иллюстрации из комикса, чем на эскизы настоящего художника. Талантлив ублюдок, чего уж там.

Адресата послания было сложно не угадать: на первом же рисунке красовался молодой Леффариан, бегущий в сторону портала, а вслед дезертиру печально смотрела леди Айвен, тяжело опирающаяся на воткнутый в землю меч и зажимающая кровоточащий бок. Лефф хмыкнул: леди ни за что не позволила бы себе такое проявление чувств. И, кому уж тут врать, заметь она побег своего солдата, вслед ему полетело бы какое-нибудь калечащее заклинание, а никак не поток вселенской тоски — леди чтит устав.

Следующий «шедевр» изображал самого имуса, распивающего коньяк прямо из бутылки, а рядом с ним сидел Лефф и что-то увлеченно рассказывал. Ну да, как же он мог не напомнить об этом случае? Но самым возмутительным был рисунок номер три. На нем примы, с крайне измученными лицами, все впятером спали под одним одеялом, а «обаятельный ублюдок» в кое-как натянутых брюках сидел на краю кровати и курил.

— Поимел нас, значит, да? Ну, посмотрим, кто кого! — Лефф разорвал лист на множество частей и сжег.

Побери Бездна этого имуса! Как он мог сбежать? И куда? А ведь ублюдок все просчитал, он бежал не просто так, его кто-то ждал, кто-то помог спрятаться в этом небольшом городе. Это же немыслимо! Имус один раз выезжал за пределы Березовой рощи, полностью обездвиженный, под действием препаратов... Он даже не разговаривал ни с кем, кроме примов, откуда мог знать, что у него в городе найдутся помощники?

Быть может, он выведал это у одного не в меру болтливого и свихнувшегося от одиночества прима? Лефф швырнул бокал об стену, потом выдохнул, протянул руку,

мысленно складывая осколки на место и спаивая их, и через мгновение налил коньяк в снова целый стакан. Он сам рассказал хитрому имусу о своих проблемах с оппозицией, о недавнем убийстве Геллан, произошедшем в этом самом городе. А ублюдок просто сложил в голове эти факты и воспользовался ими при первой же возможности.

Приближение Джая и Мора, ведущих за собой Велль, Лефф почувствовал, стоило им телепортироваться в главном зале его резиденции. Поэтому, к тому моменту, как они пересекли порог кабинета, Леффариан успел занять свое кресло, успокоиться, как внешне, так и внутренне и даже снова наполнить бокал.

Его собратья неловко ввалились в комнату, волоча за собой девчонку. Велль сейчас походила на большую наряженную куклу, в ее глазах не проскальзывало даже проблеска мысли. Лефф и Мор смогли вылечить ее тело, но мозг пострадал очень сильно, превратив и до этого не слишком-то одаренную девчонку в несмышленного младенца. Этот имус знал, что делает и покалечил Велль ровно настолько, чтобы она не умерла сразу, а примам пришлось потратить пару часов на ее спасение. А за это время «обаятельный ублюдок» успел раствориться в городе. Но идиотка Велль сама виновата, как можно было подпустить к себе так близко боевого имуса? Лефф лично несколько раз объяснял ей правила поведения в таких ситуациях, не так давно Мор читал лекцию о родовой магии Веден-Рей, а она... Глупая девка, недостойная носить звание прим-леди.

— Зачем вы пришли? — Лефф неспешно поставил бокал на место и откинулся на спинку кресла.

— Нам не с кем ее оставить, — Мор подпихнул Велль к дивану, но она вырвалась из его рук и сделала неловкий шаг в сторону, выпятив вперед нижнюю губу.

Джай блаженно повалился на кресло, заклинанием подтаскивая к себе бутылку виски. Еще один идиот, недостойный называться прим-лордом, почему имус и его заодно не прибил?

— Вы на полном серьезе предлагаете мне нянчиться с этой полоумной? — Лефф, даже не отводя взгляд от Мора, коротким мысленным усилием выдернул из рук Джая бутылку и вернул ее на место. — У вас закончились слуги-альтеры?

— Закончатся, — бросил Мор, недобро сощурившись, — Сейчас она хуже ребенка и не может контролировать выбросы магии. Сам понимаешь, к чему это может привести.

Их разговор прервал отвратительный журчащий звук. Лефф брезгливо вытаращился на темное пятно, расплзающееся по его светлому ковру прямо под ногами Велль. Девчонка обиженно угукнула и стала стягивать с себя мокрые трусы, ничуть не стесняясь собравшихся здесь мужчин. Джай как-то даже плотоядно облизнулся, наблюдая за этим действием: еще один подрастающий садист-извращенец.

Лефф сжал челюсти, перехватывая контроль за нервной системой девчонки, и насильно заставил ее одернуть юбку и сесть на диван.

— Мерзость! — бросил он вслух.

Мор, видимо, уловив его настроение, вскочил со своего места и направился в сторону Велль:

— Ничего страшного, заставлю Ниру за ней присматривать!

— Обойдется. Давно пора было заняться воспитание этих имбецилов. Они даже втроем не дотягивают до уровня настоящего прима.

— Лефф, ты...

— Не смей меня перебивать, мелочь! — Лефф рывкнул, одним заклинанием блокируя

магию Джая. — Еще раз позволишь себе какую-нибудь из своих тупых шуток или перебьешь меня или Мора, то после поимки этого имуса, я запру тебя с ним в одном помещении, изолированном от внешних источников энергии. Как ты, наверное, догадался, связывать ублюдка я не буду.

Джай недоверчиво хохотнул, но предпринимать что-то посущественнее не стал. Лефф на пару мгновений задумался, проводя все необходимые расчеты, после чего на висках Велль зазмеились светящиеся татуировки, постепенно сросшиеся в некое подобие короны, опоясав всю голову. Свечение быстро угасло, оставив кожу чистой. Но теперь недоразвитая девка больше не могла пользоваться своей магией.

— О, Лефф, спасибо, самому бы мне было сложно справиться с расчетами! — Мор сделал несколько шагов к Велль, но пространство вокруг нее сложилось в складку, и девчонка исчезла. — Зачем? Где она теперь?

— На крыльце одной из больниц этого закрытого города, Солежа. Бестолочи будет полезно немного побарахтаться в грязи. Судя по имусу, на которого вы угрохали четверть нашего запаса, жизненные трудности здорово способствуют росту интеллекта. Я надеюсь, что эта полоумная, когда вернется к нам, будет больше походить на прим-леди.

— А если не вернется? — робко поинтересовался присмиривший Джай, на что Лефф только пожал плечами — убить прима не так-то просто, а за обретение жизненного опыта порой приходилось дорого платить. В конце концов, он же ее не на Атрокс отправил, а во вполне себе цивилизованный город к довольно мирным альтерам.

— Как будем ловить этого имуса? — Мор снова уселся на свое место и скрестил руки на груди, выжидательно поглядывая на Леффа. И этот признал его лидерство, отлично.

— Никак. Я уже отдал приказ усилить охрану всех переходов из этого мира на Рубеж. Он сам к нам придет, хитрый ублюдок. — Весь облик Мора излучал недоверие, и Леффу пришлось пояснить:

— Чхать он хотел на всех нас, на некросов и прочие проблемы этого мира. Он хочет вернуться домой. А если он чего-то хочет, то непременно добивается.

* * *

— Он не станет вам помогать. Это не нормальный человек, которого можно запугать, уговорить или как-то еще склонить на свою сторону. Скорее уж все мы начнем плясать под его дудку. Он — психически нездоровая личность, со своими собственными целями и четким планом по их достижению.

Петр встал со своего места, перемещаясь поближе к Генке. Он почувствовал злость, закипевшую в Викторе, и не собирался позволить ему выплеснуть ее на «профессора Николаева». Он не жалел предателя, однако понимал, какие выгоды сулит их сообществу поддержка мастера разбирать чужое сознание на запчасти.

Виктор нахмурился. После того, как Генка побывал в застенках Надзора, сбежал и пару месяцев скрывался ото всех, в том числе и от бывших соратников, доверия к менталисту не было. А Виктор, по натуре своей, не доверял вообще никому, даже Петру, многократно доказывавшему свою преданность. Наверное, настоящий лидер и должен быть таким: всегда стоящим чуть выше подвластных ему людей.

— Это пока. Я уверен, нам удастся склонить его на свою сторону. К каждому можно

подобрать свой рычаг давления.

Генка хмыкнул, отправляя в свой рот еще одно печенье из стоявшей на столе пачки. Последнее время он только и делал, что жрал. Целый день, без перерывов, словно бы задался целью удвоить свой вес. Или уничтожить весь запас провизии в их убежище.

— Нет у него никаких рычагов. Поверь, он тебе не по зубам. Самое лучшее для нас — отпустить этого шизофреника на свободу и сделать вид, что его вообще никогда у нас не было.

Петр вытаращился на Профессора — тот уже совсем потерял стыд, раз осмеливается болтать такое при рядовых бойцах. Те тоже недовольно зароптали. Здесь почти у каждого были свои счеты и к Надзору, и к его высоким покровителям, а Вендетта обещал, что незнакомец поможет уничтожить и саму организацию, и загадочных существ, за ней стоящих. Вендетта не мог ошибаться.

— Лжешь, — бросил Виктор, поднимаясь со стула, — каждого можно взять за яйца и научить плясать!

Он развернулся и вышел из столовой, бросив напоследок взгляд в сторону Петра. Вот черт! А он только собирался пойти передохнуть пару часов. Хорошо быть начальством: Виктор все это время просидел в убежище, якобы координируя операцию, а Петр бешеным зайцем промотался по городу, выискивая этого «особо ценного союзника». Наткнулись на которого они случайно, и в этом происшествии Петр подозревал вмешательство странной Силы Верки. Все-таки хорошо, когда у тебя есть союзник, способный вмешиваться в естественный ход событий, повышая вероятность на благоприятный исход.

После чего им вместе с Пулей пришлось в спешном порядке везти незнакомого парня в убежище, поминутно переживая, как бы тот не сдох от потери крови в дороге. Пуле было проще — он вел машину, а вот Петр еще и пытался по пути подлатать еле живого незнакомца. Передохнуть он смог только в убежище, когда сдал окровавленный полутруп на руки Профессору. Тот все-таки врач, больше понимает в оказании первой помощи. Затем — сразу же побежал к Виктору с докладом. Главарь их ячейки требовал максимально подробный рассказ, задал множество вопросов касательно привезенного ими парня. В конце концов, Петр не выдержал и, используя емкие матерные выражения, разъяснил, как непросто разговаривать с человеком, когда тот без сознания. Виктор на время успокоился, пока они не дошли до Профессора. Генка к этому времени уже успел закончить перевязывать незнакомца, а заодно и копаться у того в голове.

Но раз после всего этого Генка пошел в столовую, а не напрямик в кабинет Виктора — полученные знания Профессора не обрадовали.

И кто знает, возможно, в озвученной им фразе содержалась доля правды. Но Виктор ничего не принимал на веру, поэтому они сейчас быстро шли по длинному коридору, направляясь в сторону бывшего медпункта, где ныне располагался их импровизированный госпиталь.

Петр мысленно обругал начальника, даже не забеспокоившись на тему того, не сдаст ли его Профессор. Удивительно, но к их приходу нежданный союзник с невозмутимым видом сидел на кушетке, аккуратно свесив выпрямленную руку вниз, чтобы не выдернуть иголку от капельницы.

Кисть и запястье его правой руки целиком закрывал гипс. Незнакомца покрывала плохо замытая грязь и кровь, поверх которой особенно ярко выделялись белоснежные бинты, из одежды на нем остались только похожие на тряпку брюки, но у Петра появилось чувство,

что они с Виктором незваными вторглись в покои царственной особы. И теперь от них ждали доклада, извинений и скорейшего исчезновения. Даже Виктор затормозил в замешательстве.

— Воды принесите.

Петр, как и всякий носитель Хаоса, чисто интуитивно понимал значение слов, больше похожих на приказ. Он быстро подошел к столу, за которым обычно сидел Генка, взял из ящика кружку, после чего направился к раковине, тщательно вымыл посудину, — почему-то ему было невообразимо стыдно за ее непотребный вид и темные пятна от чая на стенках, — набрал воды из бутылки и отнес незнакомцу.

— Благодарствую.

Пил он быстро, но аристократично, что ли. Опустошив кружку, парень вернул ее Петру и снова заговорил:

— Спросите у вашего лекаря, можно ли выдернуть эти трубки, — он кивнул головой на капельницу, — Если да, то мне хотелось бы вымыться и сменить одежду.

— Что он там болтает?

Виктор мотнул головой, словно сгоняя наваждение, и со злостью уставился на Петра.

— Спрашивает, можно ли снять капельницу, и если — да, тогда он хочет вымыться и поменять одежду.

— Да ты охренел? — Виктор подошел вплотную к незнакомцу и встал так, чтобы смотреть тому прямо в глаза. Парень несколько секунд молчал, немного наклонив голову влево, словно прислушивался, затем совершенно спокойно ответил Виктору.

— Вам нужна моя помощь, мне ваша — уже нет. А я настроен на переговоры, только когда сносно выгляжу.

Петр поспешил перевести его последнюю фразу.

— А ты не много на себя берешь? Здесь моя территория, вокруг толпа моих бойцов и без моей помощи ты бы не сбежал от подберезовиков. И в данный момент, ты полностью зависишь от меня!

Интуиция заставила Петра обратиться к своей Силе. Хаос, вырвавшийся наружу, сделал тело мягким и податливым, полностью подвластным образам, слепленным сознанием. Но прежде, чем трансформация успела закончиться, ситуация в «палате» изменилась: незнакомый хмырь стоял над валявшимся на полу Виктором и выкручивал тому руку.

— Я завишу только от себя. Вы помогли мне один раз, в благодарность за это я могу кое в чем вам посодействовать, но после — уйду. Ты не сможешь меня задержать, вспомни, от кого я сбежал.

Закончив свою речь, «пациент» выпрямился, сделал шаг в сторону, давая Виктору возможность встать. Петр понимал, что должен сейчас наброситься на чужака, заставить извиниться перед их главарем, но не решался сдвинуться с места. Незнакомец, чувствуя его настроение, повернулся и покачал головой:

— Не твоя схватка.

— Кто ты такой? — конечно, Виктор передавал им пуганый рассказ Вендетты, что этот хмырь — носитель космически крутой Силы, но никакой конкретики там не было.

— Лорд Анрир Вейдеэн.

— А попроче нельзя? — хмыкнул Виктор, услышав перевод фразы.

Хмырь снова склонил голову, видимо, разгадывая значение слов, потом ответил:

— Это и есть упрощенный вариант. Обычно меня зовут «Ваше Величество».

- Не зарывайся, «Величество», — Виктор старался казаться невозмутимым, но покрасневшее лицо, сведенные челюсти и украдкой потираемое запястье выдавали его с головой. — Надеюсь, в дальнейшем ты сбавишь гонор, ну а пока спишем все на твое убогое состояние. Петрович, проводи его в душевую, ну, и заодно притащи что-нибудь из своего гардероба.

Губы Анрира растянулись в улыбке, похоже, что он был удовлетворен таким развитием событий и не собирался реагировать на высказывание главаря. Виктор поморщился: такая реакция, вместо страха, была для него в новинку. Даже самые преданные соратники побаивались мстительного и злопамятного носителя Бездны. А этот хмырь — нет. Впрочем, если он сбежал от прим-лордов, то наверняка мог побороться и с Виктором.

Главарь развернулся и вышел из палаты, оставив Петра самого разбираться с «Величеством». Но тот совершенно спокойно слез с кровати, благо иголка от капельницы вывалилась еще в момент его борьбы с Виктором, и направился к выходу, бросив через плечо:

— Идем, проводишь меня. И одежду заодно принеси, только чистую, не переносу чужой запах на своем теле.

Петр тихо зарычал, после чего вернул себе человеческий облик. Хорошо, что в последнее время он стал мудрее, и форму для трансформации выбирает так, чтобы не рвать на куски одежду, а то на постоянное обновление гардероба уходила большая часть его заработка, получаемого от ячейки. Он шел следом за Анриром, благо тот, словно бы читая мысли, всегда поворачивал в нужную сторону, и даже поймал себя на том, что пытается скопировать осанку малознакомого парня. Чуть сильнее развести плечи, чуть выше поднять голову, меньше размахивать руками при ходьбе. При этом Петр понимал, что не дотягивает до желаемого уровня аристократичности, словно не хватает какого-то внутреннего стержня, или ему просто не повезло с родословной?

— У тебя не было воспитателей, которые лупят палкой каждый раз, когда спина отклоняется от приятного их глазу угла, а подбородок опускается ниже заданного уровня, предки здесь ни при чем. Несколько лет тренировок, и у тебя будет выходить не хуже. Кстати, далековато у вас ванная комната.

— Это же бывший институт, а не жилой дом, — Петр смутился от пронизательности Анрира — только еще одного любителя ковыряться в чужом мозгу не хватало! — Здесь всего одна душевая, рядом со спортивным залом.

— Я не такой, как ваш лекарь, не умею проникать в сознание. Просто хорошо чувствую настроение людей и события, которые произойдут в ближайшем будущем. Бедно здесь у вас, ремонт бы зданию не повредил.

Петр догнал Анрира и пошел с ним рядом, благо ширина коридора позволяла идти рядом. Отличное же здание! Подумаешь, стены немного облупились, зато институт находился в одной из складок пространства, образовавшихся после того, как город отделили от остального мира. И попасть в этот закуток реальности было непросто.

— Да уж, не дворец. Но нас за это можно простить: сие скромное убежище не предназначено для приема особ королевской крови.

— А самим не противно тут жить? Родословная у меня богатая и корнями уходит во времена до падения Колыбели, но титул я получил не благодаря ей. У нас это выборная должность. Надеюсь, мы скоро доберемся, у меня вся кожа зудит.

Петру не везло на знакомство с особами королевской крови. Но Анрир его не напрягал,

проявляя чудеса самостоятельности и общительности. Даже все снятые с тела бинты он аккуратно сложил и донес до мусорного ведра. В этом Величество выгодно отличался от того же Виктора, считавшего ниже своего достоинства выбрасывать за собой фантики, обертки и пачки от сигарет, возлагая эту миссию на Верку или Петра.

Удивительно, но за прошедшие пару часов после прибытия Анира в их убежище, раны парня успели полностью затянуться, только правая рука все еще оставалась загипсованной. На левом плече, на месте выдранного клока, уже выросла новая розовая кожица, и на ней стали нечетко проклеиваться завитки татуировки. Петр и раньше знал, что бывает регенерация быстрее человеческой, но чтобы в процессе еще и татуировки восстанавливались — такого он раньше не видел. Но и расспрашивать Анира не стал: не хотелось показывать свою неосведомленность.

После посещения душа Величество выглядел хуже, чем в момент пребывания в палате: черты лица заострились, под глазами обозначились темные круги, кожа на теле истончилась и слегка пожелтела, обтянув кости и обозначив темные линии вен, а мышцы усохли, сделав парня похожим на мумию. Наверное, не стоило ему пока подниматься с постели. Но никаких других признаков нездоровья Анир не проявлял: шагал в сторону кабинета Виктора он бодро, да еще и ухитрялся безостановочно болтать на всякие отвлеченные темы, вроде их каждодневного меню, источников воды и электричества. Ничего секретного в этих вопросах не было, и Петр, как мог, объяснял, что они имеют собственную водонапорную башню и дизельный генератор. Продукты покупают в гипермаркетах, не так много здесь постоянно проживающих членов ячейки. Готовят по очереди, от этой нудной обязанности освобождены только четверо: Виктор, как руководитель; Петр, соответственно, правая рука Виктора; Генка — его только пусти к продуктам, не останется ведь ничего; и Верка — но у той руки не из плеч растут, даже макароны сварить не может.

Собственно, больше ни о чем они поговорить не успели: до двери в кабинет Виктора осталось пару шагов. Величество не задумываясь, открыл ее и прошел внутрь, как будто он был здесь хозяином. Все, что осталось Петру — как можно быстрее следовать за ним. Виктор уже ждал их, уютно расположившись за столом и скрестив руки на груди. Стульев в бывшей аудитории больше не было, только стоявшие возле стен парты. Главарь хитро продумал этот ход, чтобы все его собеседники чувствовали себя неуютно, стоя перед ним. Но Анир явно не привык теряться: он без малейших раздумий проследовал в самый дальний угол аудитории и уселся прямо на парту, специально рассчитав все так, чтобы одновременно выглядывать в окно и отгородиться от Виктора раскидистыми листьями папоротника.

Петр бросил взгляд на главаря — интересно, как он будет выкручиваться из этой ситуации? Виктор сжал челюсти, потом, не меняя своего местоположения, громко произнес:

— Вообще-то, ты обещал, что мы поговорим.

— Не надо так кричать, я все отлично слышу. Даже то, как ты зубами скрипишь.

— Неудобно разговаривать, когда не видишь собеседника!

Вообще-то, тяжелее всех приходилось Петру, которому нужно было следить за обоими мужчинами, еще и успевать переводить для Виктора, и при этом держаться от него на достаточном расстоянии, чтобы в случае чего не попасть под тяжелую руку. Не идиот же он, подставляться под удар воплощенной Бездны?

— Видишь ли, мы, имусы, более чувствительны к энергетическим потокам, опутывающим мир, и не можем долгое время находиться в неприятном для нас месте. Это и для здоровья вредно.

— Раз ты сам поднял эту тему, то спешу напомнить — я, как альтер, стою на ступень выше тебя, и, находясь мы в более цивилизованном обществе, тебя бы наказали за неуважение к чистокровному старшему брату.

— Находясь мы на Атроксе, тебя бы секли плетью за неуважение к Великому Князю. И потом еще раз секли просто так, ибо я тот еще самодур.

— Но мы здесь.

— И я о том же. Попробуем разговаривать, как нормальные люди? Или можем сыграть в «Кто первый ударит?» еще раз, если тебе скучно.

— Сукин сын.

— Того же мнения о своей матушке, отвратная женщина.

Виктор несколько раз сжал и разжал кулаки, собираясь с мыслями, после чего вылез из-за стола и сел на другую парту, не так далеко от Анрира.

— Для примов люди — не более чем игрушка, которую можно сломать или переделать на свое усмотрение. Ты знаешь, что они специально заставляют нас проходить через жестокие испытания, чтобы пробудить спящие внутри способности? После чего отправляют работать в Надзор, чтобы контролировать других паранормов! Поэтому нам нужна твоя помощь в борьбе с примами. Мы хотим уничтожить этих скотов и предоставить людям самим распоряжаться своей судьбой.

— А корону Императора всех примов тебе не принести? Я могу вам кое в чем помочь, но у меня тоже есть свой дом и люди, за благополучие и спокойствие которых я отвечаю, поэтому через пару дней я уйду отсюда. И забудьте о примах, вы мало знаете о нашей вселенной. Убьете этих, придут другие, возможно, намного хуже. Впрочем, я вам даже немного помог, можете считать, что на одного прима стало меньше.

— Как? — Петр вклинился в разговор, игнорируя Виктора. Вендетта всегда рассказывал, что на Земле семь примов, больше четырех месяцев назад им удалось убить одну из них, осталось еще шестеро, но подобраться к ним пока не получалось.

— К одному из них у меня был должок. И смысл сбегать, когда отирающийся в лабораториях прим поймают меня за считанные минуты? Поэтому пришлось этот должок вернуть.

— Ты убил прима? Как?

Петр ошалел от такого признания: Вендетта постоянно внушал им, что примы — могущественные создания, контролирующие весь мир, и справиться даже с одним из них — величайшее достижение. Покушение на леди Геллан они готовили больше года, а этот хмырь убил сверхчеловека — походя, и без лишних усилий.

— Что? Петрович, ты какого не переводишь?

— У всех одно слабое место, — Анрир выразительно постучал себя по виску.

— Он говорит, что убил одного прима. И, похоже, без помощи своей Силы.

— Справедливости ради хочу заметить, что этот недоумок даже не потрудился спрятаться за какими-нибудь магическими щитами. Совсем они здесь у вас расслабились, не верят, что могут встретить сильного противника. Девчонка, по-моему, вообще умственно отсталая.

— Там еще был кто-то из младших? Нира или Велль? Ты и ее убил?

— Покалечил просто, нужно было, чтобы старшие братья потратили время на ее лечение, и не успели меня перехватить, пока к вам не доберусь. Я не убиваю без необходимости.

Петр переводил с опаской. Сложно предугадать, что случится с Виктором, когда тот услышит такое признание, но главарь отреагировал спокойно. Видимо, успел составить какой-то свой план по использованию этого хмыря.

— Оставил прима в живых, значит. Я понял твою позицию. Теперь порадууй, чем же ты можешь отблагодарить за наше участие в твоём побеге?

— Расскажу, как раздобыть денег и расширить вашу организацию. При должном старании вы сможете подняться так высоко, что даже примы будут вынуждены с вами считаться. Тогда и начнете свои переговоры. Заодно у вас будет достаточно времени, чтобы продумать, как вы распорядитесь свалившейся на вас властью.

— Нам не нужна власть! Нам нужна свобода. — Виктор скрестил руки на груди и откинулся назад, привалившись спиной к стене. — И чтобы ее достичь, мы хотим использовать твою Силу. Вендетта рассказывал, с ее помощью можно уничтожить не только этих примов, но и всех тех, кто попробует покуситься на нашу независимость.

— Наверное, вы даже знаете, как ей можно воспользоваться? Поделитесь секретом, я бы тоже не отказался! А то божественная благодать не спешит ко мне на выручку, все приходится делать своими руками.

Анрир ухмыльнулся, задержав взгляд на Викторе. Странно, вроде бы самого Петра этот разговор и не касался, но отчего-то ему стало страшно. В конце концов, если сейчас завяжется драка, то он — первый кандидат в трупы.

— Насчет этого можешь не волноваться: наш Профессор докопается до чего угодно. А где он не справится, поможет Вероника — она у нас управляет вероятностями развития событий.

— Идиоты, — «Величество» плавно спрыгнул с парты и быстро переместился так, чтобы нависнуть над Виктором. — По сравнению с этой Силой все ваши примы — не больше чем букашки. Они уже пытались приручить ее и использовать, как оружие. Один раз. Тогда за считанные минуты погиб целый мир и все лучшие представители рода примов. Те, кто дожили до наших дней — большей частью трусы и дезертиры, или немощные потомки тех, кто не смог участвовать в той бойне. Знаешь, как тогда остановили гнев Уводящего? Тысячи примов пожертвовали своими жизнями, чтобы одна из них смогла добраться до предводителя отступников, или как вы их называете — некросов, и отобрать камень с заключенной в него божественной силой. Только и она не пережила этот подвиг: застыла на месте золотой статуей. А как вы собираетесь останавливать гнев Уводящего, если тот вырвется на свободу?

— Как же тебе позволяли расхаживать на свободе с такой силой? Почему не убили раньше или не посадили под замок?

— А никто о ней и не знал. Все думали, что сила Уводящего Во Тьму по-прежнему заключена в кристалле. Мне тоже не было резона кричать об этом на каждом углу. Позже, когда правда выплыла наружу, меня несколько раз убивали, замуровывали во всяких хорошо защищенных подземельях, и так, всякого по мелочи, в конце концов, просто продали в другой мир. Наивные, думают, что избавились от меня.

— Мы еще вернемся к этому разговору, — Виктор вскочил с парты и быстро вышел из кабинета.

Анрир кивнул и снова довольно ухмыльнулся. Петру нужно было куда-то отвести их нового гостя. Только куда? Виктор никаких распоряжений по этому поводу не оставил. Хорошо, что сбежать из здания было невозможно: выход из аномалии открывался в строго

определенное время, и пройти по завихрениям пространства тоже нужно было уметь. После недолгих раздумий, Петр отвел Величество в свою комнату, а сам отправился в столовую — разжиться едой и выпивкой. После такого сумасшедшего дня хотелось немного расслабиться.

* * *

В столовой по-прежнему сидел Генка, глубокомысленно складывающий из салфетки подобие журавлика. Вот его бы сейчас меньше всего хотелось видеть. Петр искренне надеялся, что Профессор прочтет его мысли, и не будет лезть. Должна же быть польза от такого союзника?

Петр прошел к холодильнику, порылся в нем: как всегда после ужина, там ничего не было, только холодные слипшиеся макароны и открытая пачка обезжиренного йогурта. Сколько раз уже собирался при следующей поездке в город закупить себе чего-то не скоропортящегося и спрятать в комнате! Но вечно забывал об этом, к тому же Виктор не одобрял подобного: в ячейке все было общим.

— Держи, у нас здесь с голоду сдохнуть можно, — Генка вытащил из-за пазухи пачку лапши быстрого приготовления и неловко бросил Петру. Естественно, она упала на один из столов, но какая разница: если достаточно оголодаешь, уже не до перебирания продуктами.

— От сердца отрываешь? — хмыкнул Петр, включая чайник и разламывая лапшу в пакете на кусочки — не любил он есть длинные полосы теста. Да уж, незавидна судьба борца с режимом. С другой стороны, многие рядовые конторщики жили ничуть не лучше.

— Не любишь ты меня, Петька, считаешь кем-то вроде шлюхи, раз я ради денег на Виктора работаю. Только ты многого не знаешь.

— Да куда уж мне! — Петр высыпал лапшу в тарелку и залил кипятком, после чего накрыл второй тарелкой, чтобы суррогат лучше запарился. Однозначно, не королевская пища. Надо будет у Величества спросить, чем царственные особы питаются. — Я-то в чужие мозги влезать не умею!

— Мозг у человека один. Я бы тоже не отказался кое-чего не видеть. Особенно — сознания и воспоминаний лорда Анрира. Знаешь, после всего этого тянет кое-что переосмыслить.

— Да ну?

— Ты задумывался хоть раз, для чего мы все это делаем?

Петр задумчиво уставился на потертую поверхность стола, потом перевел взгляд на сидящего в другом конце комнаты Генку. Философ хренов. И так все знают: Профессор с учениками поддерживали ячейку только потому, что нуждались в связях Виктора и Вендетты. Взамен менталисты ежемесячно выплачивали ячейке солидную денежную сумму. Обычные деловые отношения. Среди них не было тех, кто лично пострадал от произвола примов и их прислужников. Способности учеников Генка пробуждал сам, посредством тренингов и медитаций. Контора работала жестче: каждый, потенциально способный проявить Силу, проходил через отбор. Потому как только в экстремальных условиях, ставящих под угрозу жизнь человека, мозг перестает блокировать спящие способности, призывая их к действию. Собственно, отбор и заключался в искусственном создании таких условий, только вот увечья в его процессе наносились вполне реальные, и так же реально

было просто погибнуть или потерять кого-то из близких.

За время своего пребывания в ячейке Петр слышал множество историй о том, как во время отбора погибали семьи, друзья, случайные люди, оказавшиеся в непосредственной близости от потенциального паранорма. Он знал, что так же погибли жена и дочь Виктора, а сам главварь в результате научился призывать Бездну. История же самого Петра была несколько иной. Его, вместе с несколькими другими такими же малявками, бесцельно бродившими по городу, выловили и доставили на Рубеж, отдав в распоряжение местного доктора. В закрытой клинике детей отмыли и привели в порядок, даже вылечили большую часть имеющихся болячек. После чего вполне мирно отпустили. Не повезло только Петру и еще двоим девочкам: в них признали потенциальных носителей Хаоса.

Доктор, имени которого Петр так и не узнал, где-то раздобыл сверхсекретные записи профессора Ульянова, большого мастера по искусственному созданию паранормов. В них профессор подробно рассказывал о созданных им демонах: носителях Хаоса, способных менять не только собственный облик, но и окружающее пространство. Получившиеся паранормы ужасали своей мощью, но при этом имели один существенный недостаток: от постоянного использования Стихии у них начинали отмирать конечности.

Последователь Ульянова решил подойти к этой проблеме с другой стороны: ампутировал своим подопытным руку и частично — половые органы, заодно избавив от вечной проблемы носителей Хаоса — излишней тяги к телесным удовольствиям. Петр до сих пор помнил ужас, который он пережил после операции. В палате он очнулся один, что стало с двумя другими подопытными — он не знал. Первое время Стихия никак себя не проявляла, только через полгода Петр впервые почувствовал, что может менять свой облик. Это было не то, чего добивался доктор: способности менять окружающую реальность Петр так и не проявил, зато, спустя еще несколько месяцев, собственное тело казалось ему податливой глиной, из которой можно вылепить все, что угодно. Доктора не радовали такие успехи, он мечтал о большем.

В один из дней у Петра неожиданно взяли кучу анализов, и одна из медсестер отвела его в ванную комнату, где выбрила ему левую ногу. На тот момент ему было около двенадцати лет, но он понял, для чего были произведены все эти манипуляции. И решил сбежать. Не иначе как от ужаса, Петр превратился в огромного монстра, похожего на демона с когда-то виденной им картинки. После трансформации у него снова было две руки. В новом облике Петр с легкостью снес решетку и раскидал двоих солдат, бросившихся ему наперерез.

Петру не удалось бы уйти с Рубежа, если бы во время бесцельных блужданий по миру на него не наткнулся Виктор. Он знал несколько потайных троп в родной мир, помогающих обойти Заставы. С этого и началось их знакомство. Уже в ячейке Петр узнал, как много на самом деле людей, пострадавших от действий тайных покровителей Надзора. Были среди них те, кому пришлось хуже, чем Петру; были и те, чей отбор прошел легче, но Профессор всегда стоял особняком. Генка сам пробудил свою Силу, мало того — он научился пробуждать ее и в других, и личных счетов к Надзору не имел.

Так что, в отличие от Генки, Петр прекрасно знал, ради чего существует ячейка, и без всякого преувеличения был готов отдать жизнь ради достижения этих целей.

— Задумывался, не один ты такой башковитый.

— А о том, что будет, если мы победим? Допустим, Виктор и Вендетта смогут уничтожить всех примов, власть над миром целиком окажется в распоряжении людей, и к чему это все приведет? Анрир прав, когда говорит, что эти примы — не единственные во

вселенной. Мир сложнее, чем думает Вендетта, поэтому вариант, который вам озвучил наш новый гость — самый правильный. Единственное, что вы можете и должны делать — это расти и набирать силу.

— Мы? А ты, значит, не с нами? И перестань копать в моей голове! — Петр открыл тарелку, перемешал лапшу и начал есть. Черт! Как же он проголодался.

— Я не могу «отключить» свои способности, только немного подрегулировать силу их воздействия. Это как слух или твоя интуиция: иногда и хочется ничего не слышать и не чувствовать, но не получается.

— Не мешай мне ужинать! И ты не ответил на мой вопрос.

Петр постарался, чтобы его мысль прозвучала ясно и четко, но вместе с тем он понимал: кроме необходимой информации Генка считал еще и негативные эмоции, направленные на него.

— Я не с вами. Виктор — плохой лидер, поверь, я знаю, о чем говорю. И не боюсь, что ты меня выдашь. В глубине души, ты, Петр, думаешь точно так же.

— Ишь, какой смелый! В лицо нашему батьке-атаману такое бы не стал высказывать, побоялся.

— Конечно, я ведь не клинический идиот! С меня хватило воспитательной меры, настигшей меня после побега, — Генка выразительно потряс левой рукой, на которой теперь не хватало двух пальцев. — Знаешь, читал как-то в одной книге о Темном властелине, который своему помощнику отрубал по кусочку хвоста за каждый проступок, вот и наш батька такой же. Поэтому рано или поздно я от него уйду. Или он меня приберет. Других вариантов нет, не сможем мы сотрудничать.

— И к чему была вся эта речь? — Петр наконец доел лапшу и теперь размышлял, чем бы еще перекусить.

Профессор, словно старик Хоттабыч, вытащил из-за пазухи шоколадный батончик и так же неуклюже попытался бросить через два стола. Петру было лень вставать, и он одной рукой, превратившейся в длинные щупальца, поймал будущий десерт и благодарно кивнул благодетелю.

— К тому, что ваше сообщество достигнет своей цели, только если у него будет другой лидер. Но кто им может стать? Ты, Петька, еще слишком зеленый, Верка — набитая дура, мне это даром не нужно, а наш новый гость с легкостью заберет у Виктора власть, только и цели у него совсем другие. Вот и подумай обо всем этом на досуге.

— Так уж и легко?

— Через пару дней он выучит наш язык, примерно тогда же полностью восстановит силы и попробует сбежать. И для всех нас будет лучше, если у него это получится. Потому что в противном случае лорд Анрир пойдет другим путем, и менее чем за неделю большая часть бойцов нашей ячейки встанут на его сторону, после чего Виктору придется либо уходить, либо попытаться вступить в схватку. И, я думаю, угадать победителя будет непросто.

Петр дожевывал батончик и мысленно обложил Генку матом: и так проблем выше крыши, от усталости аж трясет, а еще этот гад со своими рассуждениями. Пророк нашелся! Профессор не стал ничего отвечать, только мрачно ухмыльнулся.

Глава 9. Каждый идет своим путем

Елисей устало повалился на диван, даже не стянув кроссовки. Хорошо все-таки оказаться дома. Именно у себя дома, а не у родителей. Последнее время ему редко удавалось побыть в одиночестве и по-настоящему отдохнуть. Да и не осталось у него сегодня сил на общение с родственниками. Сумасшедший день. Волк этот все обгадил. И все равно сбежал! Пускай преступник, но как же точно все рассчитал! Хотел бы он сам так уметь.

Подумать только, а ведь он сегодня чуть не погиб! Если бы не вмешательство Ольги, Хаос-реактор накрыл бы его своей разрушающей волной. А смерть от этой Стихии не самая легкая и приятная. Елисей вдруг живо представил, как его тело разрывает на части и выворачивает наизнанку.

Система быстро среагировала на эти мысли, подключив искусственную регулировку психического состояния. Успокоение медленно разливалось по взбудораженным нервам, унося запоздалую панику.

«Поставленная задача не выполнена. Рассчитать возможные пути ее решения?» — всплыло в голове оповещение системы. Елисей мысленно согласился, и перед его глазами побежали строчки текста и различные таблицы. Он видел все это уже множество раз, но не мог найти способ выполнить задачу, поставленную перед ним умирающим некросом.

За прошедший месяц Елисей перевернул все доступные ему записи в интернете, взломал несколько сайтов и личных страниц, даже влез в засекреченные архивы госструктур, но однозначного ответа, кто же такой этот Уводящий, так и не нашел. С одной стороны, все связанные с ним факты лежали на поверхности и были доступны каждому. Из этого пласта сведений выходило, что Уводящий — это кто-то вроде Ктулху — божество, пришедшее из литературы и баек неформалов. Культ псевдобожества неожиданно стал очень популярен: символизирующая его синяя птица буквально заполонила интернет, как и фотографии «жрецов», совершающих обряды. Но если Уводящий — лишь продукт популярной культуры, то как его можно найти? И как одно его изображение смогло остановить атаку некросов? Нужно было копать глубже.

Второй пласт сведений был не столь однозначен. В засекреченных архивах нашлись записи об Уводящем, в которых говорилось о нем, как о реальном божестве из других миров, неком страже особого места, где пребывают души ныне не живущих людей. Поэтому у него было два лика: Приводящий В Свет — следящий за тем, чтобы новые души, очистившиеся от тягот прошлых жизней приходили в мир, и Уводящий Во Тьму — строго контролирующей тех, чье время уже вышло.

Елисей посмотрел на стену, на которой были скотчем приклеены два листка с изображенными на них птицами. Одна — со сложенными крыльями, и вторая — с раскрытыми. Две стороны одной сущности. Но как можно обнаружить ее носителя? Елисей долго ломал голову, но не мог найти ответа на этот вопрос. Культ Уводящего весь находился на виду, но при этом само псевдобожество было не реальнее, чем Ктулху.

Но если кто-то существует на самом деле, значит — его можно найти. Вопрос только — как? Собирать информацию оказалось неэффективно, нужно что-то еще. Тогда Елисей стал копать с другой стороны: собирал и анализировал все странности, происходящие в городе. Возможно, где-то зафиксированы случаи необычных смертей? Или, наоборот — чудесных исцелений? Но, к несчастью Елисея, ничего неординарного в этой сфере не произошло.

Пришлось перелопачивать все новости, благо система в этом неплохо помогала, выискивая хоть какие-то странности. И единственное, за что им удалось уцепиться — это резкое падение, почти до нуля, количества продаж тестов на беременность. И какая здесь может быть связь с иномирным божеством? Неужели он действительно здесь, в Солеже? Тогда как найти этого Уводящего? Елисей пытался составить карту аптек и уточнить, закрасив разными цветами их значки, в зависимости от того, насколько упали продажи. Вдруг он сможет проследить какую-то закономерность? Но ожидания не оправдались: падение было равномерным.

Елисей выдал системе мысленный ответ: «Все возможные действия для решения задачи предприняты. В данный момент организм нуждается в отдыхе и восполнении ресурсов». Система мигнула зеленым, приняв такой ответ, и задвинула свое сообщение на самый краешек воображаемого экрана. Совсем она его никогда не убирала.

Елисей слышал, как лифт поднялся вверх и замер на его этаже. Из кабины вышла девушка на высоких каблуках — расслышать цокот набоек об пол можно было и без всяких имплантов. Странно то, что Елисей не мог по ритму походки вычислить, кто именно из соседей пришел домой. Или это просто случайный гость? Но девушка целенаправленно прошла по площадке к его квартире и робко постучала в дверь. Звонка у служебной квартиры не было, и ставить его Елисей смысла не видел. И кто это мог быть? Точнее — кто это мог так робко стучать? Ни Волкова, ни Хейфец церемонностью не отличались и лупили в дверь так, будто хотели ее выломать.

Имплантаты просканировали звуковые колебания, доносившиеся из-за двери, и выдали четкий ответ: там стояла Марина. И что здесь могло понадобиться его старой подруге? Снова решила на шашлыки позвать? Или теперь, когда прошло уже больше месяца, настало время поговорить о чудесном превращении Никиты в монстра?

На краткий миг у Елисея мелькнула шальная мысль притвориться, что его нет дома, благо свет он так и не включил: хватало возможностей усиленных имплантатами глаз. Вымотался он за сегодняшний день ужасно, и сил на общение с девушкой не осталось. Марина постучала еще раз.

Елисей поднялся с дивана и пошел к двери: в конце концов, Марина приехала из коттеджного поселка, причем в такое позднее время, чтобы с ним встретиться. Вдруг у нее какое-то важное дело?

— Привет! — Елисей застыл на пороге, все еще надеясь, что девушка быстро уйдет.

— Леська, привет! Можно, зайду? — Марина с такой надеждой посмотрела на Елисея, что он просто не смог ей отказать.

Он щелкнул выключатель и посторонился.

Марина зашла в квартиру и сразу же сунула Елисею в руки тонкое пальто. Черт! Он же надеялся, что гостя надолго не задержится.

— Набегалась я сегодня, и в горле пересохло. Дай чего-нибудь попить.

Елисей имел некоторое представление о том, как вести себя с девушками, чтобы им понравиться. Сейчас же требовалось обратное. Потому он пошел на кухню, вытащил из шкафчика одну из самых неказистых чашек, с выщербленным краем и длинной трещиной по боку, из которой временами сочилось содержимое, и набрал воды из-под крана. После секундного размышления он подхватил неизменную вазочку с конфетами и, бесшумно подпрыгнув, убрал ее на верх кухонного гарнитура. У девушки не должно остаться ни малейшей возможности тянуть время перед своим уходом.

Когда Елисей вернулся в комнату, Марина уже сидела в нелепом кресле, занимавшем один из углов единственной комнаты. Девушка благодарно кивнула и даже пригубила остро пахнущую хлоркой воду. Надо же, как ее припекло! Видимо, дело было действительно важным, раз Марина шла на такие жертвы.

— Прости, я за сегодня тоже устал. Давай сразу к делу.

— На работе устал? Знаешь, я была в таком шоке, когда вы с Никитой сцепились. Потом папа мне кое-что рассказал о вашей организации, но это так, только намеки и домыслы. Хочется узнать все от тебя.

Марина улыбнулась и откинулась в кресле, закинув ногу на ногу, при этом край ее платья задрался на неподобающую высоту, оголив самый краешек кружева, украшающего чулки. Что происходит? Маринка даже в лучшие времена Елисеем не интересовалась. Система услужливо обсчитала данные, приходящие от имплантатов, обвела фигуру девушки зеленым и выдала заключение: «Демонстрация сексуального интереса».

Вот это новости! С чего бы? Впрочем, какая разница? Сексуальный интерес у Елисея в данный момент вызывал только диван. Он грезил возможностью слиться с ним в единое целое и предаться сну на ближайшие — сколько там осталось? — без малого шесть часов. Заполнение документов в конторе и так отняло слишком много сил и времени.

— Нечего рассказывать. Вспомни любой сериал о ментах, поставь на место обычного преступника паранорма, и вот тебе честные хроники нашей работы. И еще архимного бумажной волокиты.

— Леська, ну ты и мастер скрытничать! И вымотался так, что даже поговорить не хочешь, при заполнении бумажек?

— Их самых.

Марина недоверчиво изогнула бровь, стрельнув искушающим взглядом поверх дрянной чашки, будто та была бокалом изысканного вина. Фокус не удался: антураж подкачал, да и Марина, хоть и была девушкой весьма привлекательной, но, когда все гормональные всплески строго контролируются искусственным интеллектом иномирного производства, противоположный пол начинаешь воспринимать совершенно иначе. Как сказала бы Ольга: «Игнорируя сиськи, смотришь сразу в душу».

А здесь у Саши конкуренток не было. Странно, наверное, постоянно думать о девушке, с которой не виделись сто пятьдесят четыре дня, но бывшая ученица профессора Николаева никак не шла у Елисея из головы. Жаль, что они так плохо расстались, наверное, нужно было навестить ее на Рубеже. Но добыть туда пропуск не так просто, а в единственный раз, когда это все же удалось сделать, встреча не состоялась: Саши не было в расположении части.

Да он вообще не представлял, как маленькая и хрупкая Саша может служить на Рубеже! Надо было не слушать Ольгу и насильно утащить девушку с собой, пока была такая возможность.

Досада и злость накрыли Елисея. Как же все это не вовремя! И Марина зачем-то приперлась.

Девушка, тем временем, решила сменить тактику: она встала и переместилась на диван, поближе к Елисею, и как бы случайно провела рукой по его ноге.

— Марин, у меня девушка есть, — не совсем правда, конечно, но как ее еще можно выпроводить?

— И что? Мы же просто по-дружески болтаем. Или она очень ревнивая, и тоже из вашей конторы, и может меня избить? — Марина притворно хихикнула.

— Нет, только напугает до смерти или заставит поверить, что ты — орхидея. И сидеть тебе, Мариночка, на подоконнике, подставляя «листочки» солнышку, — но вслух он сказал совсем другое:

- Я предпочитаю не давать ей повода для ревности.

— Пока что ее здесь нет, а я — есть.

Марина придвинулась еще ближе, и теперь уже без всяких подсказок системы было понятно — зачем. Что за черт?

— И тебе интересно узнать, что я делал сегодня на работе?

— Нет, я..., - но дальше слушать Марину было не интересно, на первое же слово система высветила четкий вердикт: «ложь».

— Может, сэкономим время, и ты сразу мне расскажешь, зачем тебе эта информация?

Девушка побледнела и сжалась в комок, будто бы опасалась удара. Но Елисей даже не дернулся. Он продолжал смотреть на нее, правда, не моргая. Определенно, общение с Волковой сказалось на нем не лучшим образом. А на практике оказалось, что абсолютно пустой, механический взгляд действует на людей ничуть не хуже, чем меняющийся цвет глаз. Система услужливо оповестила, насколько быстрее теперь стучало сердце девушки, как вспотели ее ладони, и какие изменения произошли в ритмах головного мозга. Марине было страшно. Как надеялся Елисей — достаточно для того, чтобы начать говорить правду. Нужно было только немного подтолкнуть.

— Начинай свой рассказ, или я сейчас же позвоню в контору, и тобой займутся дознаватели.

— Ты изменился, Леська.

— Даже не представляешь — насколько, — Елисей криво ухмыльнулся, встал с дивана и задрал тонкий свитер, демонстрируя девушке полосы шрамов, изрезавшие кожу точно по линиям ребер. — Так что не трати время, давай сразу к делу: кто и зачем тебя ко мне подослал?

— Нет, никто не подсылал! — и снова ложь, хотя и без подсказок системы было заметно. Елисей нахмурился, отчего Марина вжалась в спинку дивана и побледнела еще больше: — Ладно-ладно. Я расскажу. Это все мой тренер. Он сказал, что если я и дальше хочу получать фирменные коктейли, то должна узнать, что сегодня вечером произошло у тебя на работе.

— Тренер? Спрашивал о моей работе? И тебе это не показалось странным?

— Показалось, но ты понимаешь, этот коктейль — он особенный! Такого больше нигде не делают! А я не могу без него... — девушка разрыдалась. Елисей пододвинул ей кружку, принес полотенце и настроился слушать.

Рассказ Марины получился путанным, она постоянно сбивалась и перескакивала на расписывание достоинств чудесного коктейля, но вкратце суть была такой: примерно в середине лета они всей компанией, включая Никиту, пришли заниматься в новый спортклуб. Ничего особенного там не было, таких клубов десятки по Солежу, но новый тренер впечатлил ребят. Точнее, даже не он сам, а продаваемый им коктейль. Напиток помогал заниматься дольше, подпитывал энергией, будто бы содержал допинг. Недоверчивый Влад даже свозил жидкость в одну из лабораторий, но их вердикт был однозначным: ничего запрещенного в напитке нет, только белки животного происхождения и некоторые минералы.

У коктейля обнаружилось еще одно достоинство: за весьма короткий срок он помог Марине привести свое тело в идеальную форму. Она могла есть все, что угодно и в любое время, через раз посещала занятия в спортзале, но на теле не появлялось ни грамма лишнего жира. Наоборот, чем дольше она принимала коктейль, тем совершеннее становилась фигура. Кожа очистилась и без всяких кремов и масок стала выглядеть сияющей и бархатистой. Волосы и ногти налились здоровым блеском и росли теперь с невероятной скоростью. Помимо этого девушка забыла об усталости и плохом сне, как и о разного рода физических недомоганиях.

Марина еще очень долго перечисляла плюсы коктейля, но все это сводилось к одному: за новую порцию она была готова продать душу дьяволу. Возможно, не всю, но солидный кусочек — точно. Но тренер ничего и не просил, кроме денег. И только сегодня он вдруг заявил, что следующую бутылку «напитка счастья» нужно заслужить. Вначале Марина попробовала возмущаться, но перспектива снова вернуться во времена без коктейля ее ужаснула. Тем более, что поручение тренер выдал вполне сносное: съездить к бывшему приятелю Елисею и разузнать у того подробности сегодняшнего задержания и последующего побега некого преступника. Марина быстро согласилась: ничего сложного в этом поручении не было, она, в конце концов, давно подозревала, что Леська питает к ней симпатию и за одни только намеки на возможное интересное продолжение вечера расскажет все, что нужно.

Елисей даже опешил от таких предположений. Как он ни старался, но не смог вспомнить ни единого раза, когда давал Марине хоть малейший повод думать, будто она ему нравится. Но сейчас было уже не до распутовывания клубка ее логических рассуждений. До утреннего пробуждения осталось всего-то пять часов и тринадцать минут, нужно было провести это время с пользой.

Он бесцеремонно улегся на диван, выпроводив Марину в кресло, и, перед тем, как погрузиться в искусственный сон, коротко сказал:

— Ты сидишь в квартире и не рыпаешься, вздумаешь звонить кому-то или попытаться сбежать — свяжу.

* * *

Первый рабочий день в новой должности давался Илье непросто. Он и раньше замещал Данилу, но тогда они заранее все обговаривали — дотошный друг рассказывал и показывал, где хранятся важные документы, какие из них и в каком порядке следует заполнять. Затем Илья снова становился заместителем, и полученные знания благополучно выветривались из головы. К тому же вышестоящее начальство не переставало «радовать» постоянными сменами в требованиях к заполнению бумаг. И к чему забивать голову, когда для всякой канцелярской работы есть Данька?

И для устрашения остальных сотрудников бригады тоже есть Данька, а Илья может позволить себе и дальше оставаться «своим в доску» и не тиранить никого требованиями и дисциплиной. Не развалится же бригада за пару недель отсутствия начальника? Ребята всегда с пониманием относились к своему временному руководителю и особых безобразий не устраивали. Потому что все знали: Данила отсутствует временно.

Теперь все было по-другому. Илья был руководителем. Единственным. И совершенно не

подготовленным к этой работе.

Утро началось с сущего кошмара. Вначале он никак не мог найти ключ от кабинета начальника пятой бригады. Точнее — один из ключей был у Данилы, а того самого еще попробуй найди. Второй — хранился у сторожа, который, как назло, куда-то пропал. Несколько человек видели его в режиме «только щас тут проходил», но сам Илья смог поймать неуловимого мужичка лишь спустя полчаса — совершенно случайно, когда вышел во двор покурить.

После обретения ключа, которому Илья радовался так, будто он был тем самым от квартиры, где деньги лежат, на пороге кабинета материализовался Елисей, державший за руку не выспавшуюся и несколько помятую девчонку. Симпатичненькую такую. Не мешало бы узнать ее номерок, а заодно и... Но не сейчас. Оказывается, Принц притащил ее, как свидетельницу по очень важному делу. Обсудить которое нужно в эту же минуту, и плевать, что Илью уже ждет Арсен, временно исполняющий обязанности главы Надзора. И ждет он не просто Илью, а Илью-заполнившего-все-бумаги. А их, прежде чем заполнить, нужно еще найти.

Чуть в стороне маячили Марк и Алиса, и на их лицах тоже было написано желание обсудить не менее важные дела, чем у Елисея. Хорошо хоть Вадим дисциплинированно прошел в рабочий кабинет бригады, бережно прижимая к себе бутылку минеральной воды. Зато Хейфец видно не было. К чертям Хейфец, потом разберется.

Бесконечно трезвонили телефоны. Один — его собственный, второй — «корпоративный», лежавший на столе Данилы. Точнее — на его столе. Друга отстранили, теперь он, Илья — начальник пятой бригады. Черт, черт, черт, как Данька мог сбежать в такой ответственный момент и оставить Илью наедине с начальством, бумагами, сотрудниками бригады и гребанными некросами, готовящимися захватить город?!

Илья почувствовал, как буквально закипает, от его одежды шел неприятный дымок. Еще немного — и он вспыхнет в буквальном смысле этого слова. Так, сурово посмотреть на Елисея, затем на Марка, Алиса и без всяких начальственных взглядов съезжилась и отступила назад; зайти в кабинет, закрыть дверь и на несколько мгновений отрешиться от проблем, как учил его Ставр. Или сжечь мобильник. Оплавленный кусок пластика и металла рухнул на новый линолеум, оставив на нем безобразное пятно и дыру. Не по правилам, но тоже помогло. Теперь можно и делами заняться.

Странно, но мобильник словно бы вобрал в себя весь запас неприятностей Ильи, и сразу после его сожжения все стало налаживаться. Быстро нашлись бумаги, и написанные в них слова и цифры вполне удовлетворили вконец измученного Арсена. Пожалуй, карьерный скачок Ильи был не самым худшим. Сложно представить, каково сейчас приходилось бывшему начальнику волкодавов: Упырь никогда не уходил на больничный и в отпуск, не ездил в командировки. Ольга как-то выдала версию, что в кабинете главы Надзора стоит гроб повышенной комфортности, в котором Упырь отдыхает в перерывах между распитием крови подчиненных. Собственно, поэтому он никогда не болеет и не отходит от своего кабинета дальше, чем на пару десятков метров.

А в этот раз отошел. И сразу же погиб. Илья до сих пор не мог определиться, что он чувствует по этому поводу. Смерть на боевом задании — всегда почетно и в какой-то мере даже правильно для работника Надзора. Для нормального работника, не для Упыря. Илья всегда считал, что кто-кто, а уж глава Надзора будет служить и отравлять жизнь подчиненным еще очень долго. А здесь раз — и его нет. Остальных ребят жалко, а тут —

скорее недоумение. И запоздалый ужас. На месте Упыря и других конторщиков мог оказаться и кто-то из бригады. Илья на мгновение представил, как голова Данилы катится по земле, и ему стало плохо. Зашумело в ушах, сердце обеспокоенно бухало в груди, кровь шумела в голове. Гребанный волк! Гребанные документы! Гребанное все! Надо будет хоть этой ночью выспаться.

Илья встряхнулся: нельзя так раскисать! Что он, трупов раньше не видел? В этот раз смерть прошла мимо, и этому надо только радоваться. И продолжать работать. Какие бы неприятности ни происходили, но его дозор еще не окончен.

Елисей все так же стоял возле дверей кабинета, даже позу поменять не удосужился. Девушка побледнела еще сильнее и привалилась к стене. Все-таки симпатяшка.

— Ты времени зря не теряешь! — Илья не удержался и хлопнул Елисея по плечу. — Пока одна подружка на рубеже кирзачами землю месит, уже вторую нашел!

Принц промолчал, но по его взгляду Илья понял, что шутка не задалась.

— Может, все-таки поговорим по делу, начальник?

Илья кивнул и открыл кабинет, пропуская Елисея, так ни разу и не отпустившего руку девушки, вперед. Уже устроившись в Данькином, то есть, в собственном, кресле, Илья налил себе из графина воды и кивнул Принцу — пора было уже узнать, какого черта он притащил сюда эту девчонку.

— Помнишь тот случай, когда на меня напал некрос? Это, — Елисей кивнул на спутницу, — его подруга. Будущий некрос, уже пару месяцев употребляет смесь.

— Что за бред! — Илья уставился на стакан, жидкость в котором начала медленно закипать, — Мы выловили и уничтожили всех некросов! А этого Никиту тогда так и не нашли. Да ты сам помнишь, мы все его связи проверили, не было среди его знакомых некросов!

— И когда же контора научилась их выявлять?

Илья скривился и кивнул, потихоньку отодвигая от себя все легковоспламеняющиеся предметы. Конторщики умели выявлять далеко не все разновидности некросов. Похоже, зря он считал Данилу параноиком: в тот раз они действительно разобрались не со всеми мертвяками — где-то в городе все еще остались их жрецы. И их обязательно нужно найти. Только как?

— Так. Мадмуазель сдаешь дознавателям, собираем бригаду и выезжаем немедленно за этим тренером.

— Нет! Я не пойду. Меня дома ждут! Вы знаете, кто мой отец? — Девушка возмущенно подскочила со стула, сжав кулаки.

— Солнышко, — Илья встал со своего стула и подошел вплотную к ней. Ну что за жизнь? Стоит только познакомиться с симпатичной девушкой, так она либо с принципами, либо монстр! Либо монстр с принципами, вроде Волковой. Но хороша же, шельма! Как и эта, что уж тут.

— Как тебя зовут?

Девушка на мгновение нахмурилась, потом, почувствовав на себе внимание мужчины, с облегчением вздохнула, тряхнула волосами и ответила:

— Марина Алмазова.

Фамилию она особенно выделила, наверное, Илье это должно было о чем-то говорить. Но в Москве о клане Алмазовых ничего слышно не было, а выучить всех местных «дворян» как-то случая не представилось. И так ясно — раз Марина дружила с Елисеем, то не на

простом поле созрела эта ягодка.

— Мариночка, золотце, — Илья ненавязчиво взял ее за руку и поднял со стула, — видишь ли, сейчас нам не важно, кто твоя родня. Мы к ним сватов засылать не будем. Важно, что ты — потенциальный захватчик и убийца из другого мира. Поэтому лучше будет, если ты тихонечко пойдешь с Елисеем и посидишь немного у бульдогов, поболтаете там. Ненадолго, только на то время, пока мы съездим к твоему тренеру. Когда, кстати, он бывает в спортивном зале?

— Каждый день, с десяти утра до десяти вечера.

* * *

Тренера в кабинете не было. Более того, там не было вообще никаких следов его пребывания. Стерильно чистое помещение, словно перед приездом бригады здесь поработала команда уборщиков. Как такое могло произойти? Марина ведь только вчера была здесь, получала свое «задание» по выбиванию информации из Елисея.

Илья посмотрел на сотрудников его бригады. Вадим истуканом замер на пороге, никак не высказавшись по поводу их находки. Елисей стоял с ним рядом, вода головой из стороны в сторону, будто стараясь запомнить каждую мелочь. А может, и действительно записывал все детали с помощью своих чипов, черт разберет этих киборгов! Алиса, как самый прилежный сотрудник, уже начала заполнять протокол. Марк метался по тренерской каморке, выискивая малейшие зацепки.

Ничего подозрительно. Кроме того, что среди этих ребят был предатель. Или не среди них, а среди дознавателей? Или сам Арсен, которому Илья отчитался перед выездом, решил помочь мертвякам? Вариантов много. Но одно ясно — в их конторе уютно расположился шпион некросов. Иначе почему загадочный тренер так вовремя исчез?

Нестерпимо захотелось курить. Илья, раздав сотрудникам поручения, вышел на крыльцо спорткомплекса и вытащил сигарету. Первая сгорела целиком, осыпавшись кучкой пепла. Нужно взять себя в руки. У второй сигареты вспыхнул самый край, ровно как положено. Илья с наслаждением затянулся, вдыхая горьковатый дым. Данька вечно ворчал, что курить вредно. Как и пить пиво, и часто менять подружек. Впрочем, Илья все равно не рассчитывал прожить достаточно долго, чтобы от всего этого пострадать.

Вот где же этот Данька, когда он так нужен? Где Ольга? Где все эти умники? Что ж, раз все это свалилось на него, значит — пришло время думать самому. Самому принимать решения. Предатель, говорите? Посмотрим, кто кого! Плазма, совершенное воплощение огня, радостно отозвалась где-то внутри: хорошая драка — вот ее истинное предназначение!

* * *

Хорошие мальчики всегда начинают утро с зарядки. И не злоупотребляют спиртными напитками. Обычно Данила и был тем самым «хорошим мальчиком». Но не сегодня. Сегодня его утро началось в двенадцать часов дня. В квартире Вадима. Данила подскочил с кровати, представив, что смартфон уже разрывается от пропущенных вызовов и сообщений. Но там не было ничего. Никто не искал его, не интересовался проблемами, даже особы

не потрудились вызвать подозреваемого в измене для разговора.

Неожиданно Данила оказался никому не нужен. Действительно — ронин, воин, потерявший своего господина. Но не цель. И не честь.

Данила быстро умылся, нашел на столе записку Вадима и запасную связку ключей и отправился к единственным людям, которые могли ему помочь. «Когда свет тускнеет, и тень может стать твоим союзником» — так говорила лисица.

Чтобы достичь своей цели, Даниле пришлось проехать из одной части города в другую и даже проторчать в пробке около получаса. Раньше он всегда ездил с кем-то из сотрудников, а те имели нюх на автомобильные заторы и объезжали их окольными путями. Но сейчас он был сам по себе. Ольга неизвестно где, Вадим на службе, с Ильей последнее время у них были натянутые отношения, а с остальными Данила так и не сошелся. Но были у него и другие знакомые.

В автобусе сильно воняло бензином и ядреной смесью духов и невымытого тела. После вчерашней ночи Данилу и так подташнивало, и поездка превратилась для него в настоящую пытку. Поэтому, оказавшись на улице, он глубоко вдохнул сырой осенний воздух и нарочно пошел к своей цели длинной дорогой. Погода не радовала: в воздухе висела непонятная водяная взвесь — еще не дождь, но уже и не туман. Тусклое серое небо напоминало то, что возвышается над головой на дорогах междумирья — казалось, что солнца вовсе нет. Именно в такие дни хочется сидеть дома, пить чай и читать книги.

Данила еще раз вздохнул, прогоняя дурноту, и, после недолгого раздумья уселся на одну из лавочек, осматриваясь по сторонам. Обычный двор: детская площадка, даже пара отчаянных мамочек выгуливала закутанных в несколько слоев одежды малышей. Еще одна стоя читала книгу, равномерно катая коляску вперед и назад. Один карапуз кормил голубей, щедро отламывая от батона огромные куски. Птицы, видимо, уже привыкшие к таким порциям, бодро клевали подношение и быстро глотали, сопровождая все это веселым курлыканьем.

— Голод не тетка. Если припечет, не будешь харчами перебирать.

Данила не слышал, как кто-то подходил к нему, но, стоило повернуть голову, как он заметил помятого мужичка в застиранном костюме и с лихо надвинутой на глаз клетчатой кепкой.

— День добрый, давно не виделись.

— Ну, как давно? Я-то тебя, считай, каждый день вижу. Девку вот завел себе, молодец! Хороша же! И другие не хуже.

— Поверю на слово. И к чему этот визит? Город снова хочет мне что-то сказать?

Мужичок пожал плечами, потом вытащил из-за пазухи пригоршню зерен и рассыпал их по земле. Несколько голубей сразу же перелетели поближе и начали их жадно клевать.

— Догадался все-таки. Не зря в библиотеке столько проторчал!

— Чем дальше я работаю в конторе, тем меньше люблю, когда рядом происходит нечто необъяснимое. Собственно, поэтому после той нашей встречи я много времени провел в библиотеке, читал там разные труды о ноосфере, всепланетной и локальной. А также о том, как можно «закрыть» целый город, чтобы из него нельзя было выехать.

— Способов-то много. Да и город выбрали не случайно. Солеж — особенный. Как и ты сам. Потому я к тебе и пришел. Видишь ли, Данила Сергеевич, какое дело приключилось: со вчерашнего дня поселилось в нашем городе нечто, чему здесь не место.

— Тот самый волк, который связан с Уводящим? И чем я могу помочь, если его вся

контора ищет? Помог бы тогда кому-нибудь из них. Больше толку бы вышло.

— Вопрос не в том, кто ищет, вопрос в том, что он сделает, когда найдет. Сдается мне, ты — единственный, кто сможет сделать правильный выбор.

Не успел Данила возразить или задать другой вопрос, как его сознание поплыло, расплываясь все шире и шире. За долю мгновения он увидел мир глазами карапузов, их мамочек, голубей и одинокой вороны, заглянул в спокойный сон младенца, нечеткий, но преисполненный радости и покоя. После к этому прибавилось то, что видят жильцы близлежащего дома и случайные прохожие, люди, ждущие на остановке свои автобусы. Он увидел город с высоты птичьего полета и сырые подвалы глазами крыс. Тысячи самых разных картинок заполнили его голову, перемешались и сложились в нечто новое: Данила видел город глазами всех его жителей, но воспринимал как единое целое. Он и сам стал целым городом, почти живым, думающим и чувствующим. Он растерялся, но затем вспомнил о своей цели и попытался откатиться по времени назад, во вчерашний день. Если уж ему предоставили такой шанс, то грех им не воспользоваться.

Потемнело. Перед глазами стоял теперь уже совершенно другой конец города, незнакомый Даниле. Он почувствовал страх, ненависть и брезгливость людей, видевших, как волк спрыгнул с мотоцикла. Угробил дорогую машину — явно пьяный или под наркотой. Весь в крови. Кое-кто даже позвонил в полицию.

Но все они подсознательно старались держаться от беглеца подальше. Теперь Данила видел, как за фигурой волка длинным шлейфом тянулась антрацитовая тень, больше подошедшая бы исполинской птице, чем человеку. Теперь понятно, почему город хотел избавиться от этой заразы: кому хочется занять в соседки саму Смерть?

Но куда-то же этот волк делся? Пока что он, пошатываясь, дошел до скамейки и тяжело плюхнулся на нее. Данила поймал себя на некой злой радости, что и Кисе, как его называла Ольга, досталось. Буквально через пару минут на обочине затормозила «шестерка», искореженная и проржавевшая настолько, что по сравнению с ней Ольгина «ягодка» казалась дорогим роллс-ройсом. Из машины выскочил старый знакомый Данилы: Петр Петрович, рассказавший ему про темную сторону работы конторы. На этом видение оборвалось.

Данила почувствовал резкое головокружение и снова подкатившую к горлу тошноту. Привычный мир вращался и никак не хотел обретать реалистичность. Звуки казались ужасно громкими, воздух спертым и влажным, забивающим легкие, как вата. Данила закрыл глаза и уши и наклонился вперед. Через минуту все его чувства вернулись в норму, даже тошнота ушла. Но рядом никого не было. Только одна из мамочек тревожно поглядывала в его сторону, решая про себя: позвонить ли в скорую, или подхватить карапуза и убираться куда подальше от перебравшего неадекватата. Данила слегка улыбнулся ей, встал со скамьи и направился в сторону кабака — одна зацепка у него есть, а значит, все не так уж и плохо.

«Последний пиратский приют» в обеденное время выглядел довольно мило и уютно. Хотя, скорее такое впечатление создавали аппетитные запахи, доносящиеся из кабака. Насколько помнил Данила, днем здесь всюю продавали бизнес-ланчи.

В зале было достаточно оживленно: почти все столики были заняты. Веселые девушки в красных банданах сновали между столиками. Сам хозяин отсалютовал Даниле крюком и указал на один из пустующих столиков. Что ж, в принципе, ему было все равно где ждать Диего. Насколько Данила знал, сам Роджер старался не лезть в дела стаи.

Буквально через несколько минут к Даниле подошла Эсмеральда и сразу же поставила

перед ним тарелку супа, все еще исходившую ароматным паром. Словно бы прочитала мысли порядком оголодавшего Данилы. Он поздоровался, хотел было начать разговор, но волчица покачала головой и удалилась. Стоило надеяться, что за каким-нибудь еще блюдом. И действительно, вернулась она с двумя чашками чая и большой тарелкой пирожков. Теперь настало время для разговора.

— Ай, дорогой, знаю, по какому делу ты пришел!

— Эсмеральда, хватит, я знаю, что вы с Диего не имеете никакого отношения к цыганам. Кстати, где твой братец?

— Ушел, — девушка пожалала плечами, отчего один край ворота ее блузы сполз вниз, оголяя плечо. Нашла время красоваться! Или думает, что его так просто отвлечь от вопросов?

— Да и не помощник тебе братец. Ничего про твою пропажу не знает, — она протянула руку и положила ее поверх руки Данилы. Он улыбнулся, но не пошевелился: этим волкам только покажи слабину или смущение — съедят.

— А ты знаешь?

— Знаю, позолотишь ручку — все тебе расскажу.

Данила отстранился, вытащил из кошелька крупную купюру и протянул Эсмеральде. Она подхватила ее кончиками пальцев и отправила в декольте. Пожалуй, она слишком срослась со своей ролью.

— Это и за обед тоже, — уточнил Данила.

Девушка осуждающе поцокала языком и нахмурилась, но вытащила колоду карт, перетасовала и протянула Даниле. Он покачал головой.

— Ты еще на кофейной гуще погадай. Нашла кому голову дурить, Сила не зависит от атрибутов.

— Как знать, как знать. В картах своя магия. Ты еще даже порог не переступил, а они уже все о твоих печалях поведали. А еще о том, что не начальник ты больше, прикрыть нас в будущем не сможешь, какой резон тебе помогать?

Данила отхлебнул чай, наслаждаясь тем, как горьковатый ароматный напиток согревает тело и прогоняет остатки дурмана, кружащего голову после его недавнего видения. Быстро же новости распространяются. Надо думать, у волков есть и другие связи в конторе. Интересно, кто с ними делится информацией?

— Во-первых, меня временно отстранили от работы, а других желающих заниматься «Дружиной добровольной помощи Надзору» в конторе нет. И если ваша стая сейчас откажется сотрудничать, то какой мне смысл вас прикрывать в будущем? Единственного своего покровителя лишиться можете. Во-вторых, слухи о некросах в городе должны были и до вас дойти. А мертвяки страшнее конторщиков, должны же вы понимать, что если они захватят город, то не будут делить жителей на волков, овчарок и овец...

— Ай-ай, — отмахнулась Эсмеральда, — какой же ты серьезный! Нет бы попросить ласково о помощи, позолотить еще ручку.

— Сама же знаешь — я теперь безработный и в средствах ограничен. Придется тебе одним слоем позолоты обойтись. Давай уже к делу.

— Я видела кое-что из будущего. Предстоит тебе новая встреча с пиковым королем. А дальше — дорога. Только не видно, для кого. И еще — ждет тебя страшная потеря и большие перемены.

— Спасибо, все конкретно и по делу. Вы с Ольгой очень дружны, да? Ни капли лишней

информации!

— Ай, ну всем-то ты недоволен! Как вижу, так и рассказываю.

— Лучше бы ты увидела, где мне найти этого пикового короля.

— Чтобы кого-то найти, или в будущее посмотреть, мне нужна личная вещь человека.

Эсмеральда прищурила глаза, кокетливо улыбнулась и вытасила из декольте платок. Темно-синий в мелкий белый горошек. Данила пару месяцев назад потерял точно такой же. Чертовка! Стащила платок, чтобы привязку иметь. Волчица тут же спрятала платок обратно, лишив Данилу возможности его забрать.

— Договорились, будет тебе личная вещь.

— А еще я видела тебя в моей постели.

Девушка провела пальцами по его руке и игриво облизала губы.

— Если будешь регулярно практиковаться, научишься лучше управлять своей Силой и больше не спутаешь фантазии с видениями будущего.

Данила подмигнул и даже несколько смутился от своей грубости: от его слов Эсмеральда сразу погрузилась и отстранилась. Впрочем, поделом ей, не со всякими вещами стоит шутить.

* * *

Ставр всегда учил: «Коллеги — это твоя опора и поддержка, но помни, что до конца ты не можешь доверять никому. Даже самому себе». Илья, когда услышал эту фразу в первый раз, только хмыкнул. Тогда он был моложе, наивнее, верил, что Надзор — это сплоченное братство борцов со злом. А после выяснилось, что в их с Данилой самой первой, московской бригаде есть предатели, продающие овец упырям. Чуть позднее, в самом руководстве Надзора нашлись те, кто сотрудничал с ведьмами, покрывая дела их Ковена. Что уж тут говорить, сам Илья тоже невольно послужил шпионом для профессора Николаева.

Поэтому, сразу после возвращения в контору, Илья написал докладную записку особистам, с перечислением всех своих мыслей по поводу такого внезапного исчезновения подозреваемого. А также отправил запрос на все ближайшие Заставы: путешествовал ли кто-то из его подчиненных на Рубеж в последнее время. Если среди них был некто, связанный с некросами, то для строительства нового храма ему в любом случае пришлось бы связываться с другими мертвяками.

А еще нужно было разобраться с приятелями Марины. Илья ненадолго зашел к дознавателям. Забрал протоколы допроса девушки, договорился с бригадой волкодавов о помощи с поимкой всех подозреваемых. Если верить Марине, то вместе с ней к этому тренеру ходили еще порядка десяти человек. Точнее — десять потенциальных некросов свободно бродили по городу в данный момент.

Или обычных людей? Что у них есть на этих ребят? Домыслы Елисея и невнятный рассказ Марины? А что, если все это — просто череда нелепостей? Коктейль — всего лишь витаминный напиток, тренер уехал куда-то по делам, а информацию о Елисее попросил добыть старший Волконский, решивший раздобыть побольше информации о жизни сына? Лучше себя чувствовать Марина и приятели стали благодаря регулярным занятиям, к тому же силу внушения еще никто не отменял. Сколько было случаев продажи пустышек под видом чудодейственных препаратов?

К тому же, откуда они знают о надвигающемся нашествии некросов и о том, что не всех мертвяков уничтожили? Из рассказов Марка? А вдруг он просто псих? Как во всем этом можно разобраться?!

Илья внезапно осознал, что уже второй раз им приходится ловить врага, которого невозможно вычислить.

* * *

Столько нервов и времени Петр потратил на обдумывание сложившейся ситуации, просчет действий, мысленные прикидки для разговора с Виктором, и все оказалось зря. Следующий день не принес ему никаких сюрпризов, словно бы все решили разом взять день передышки после вчерашних событий. Виктор исчез куда-то еще ранним утром, притом он так торопился, что забыл даже оставить поручения для своего помощника. Не считать же за поручение наказ следить за Величеством? Который, кстати говоря, вел себя очень тихо и незаметно, совсем не так, как предрекал профессор. Вначале он долго спал; на кровати Петра, кстати говоря, а ему самому пришлось идти ночевать к Леле. Леля была не против, Петр тоже с радостью провел ночь под ее теплым боком, но сам факт! Развалился без разрешения на чужой кровати и продрых всю ночь, как будто так и надо. После чего, ближе к обеду, Величество соизволил сходить в столовую, где тоже вел себя как примерный скромник. Сам Петр с трепетом наблюдал, как этот пижон ест сосиску с помощью ножа и вилки. Не, сам-то он тоже не дурак и кое-что знал об этикете, но зачем так во время обеда заморачиваться? Еще бы салфетку за воротник заткнул! Остальные члены ячейки временами косились в сторону их «гостя», но заговорить с ним или с Петром не пытались. Ну и отлично! Меньше вопросов — меньше поводов для недовольства.

Единственная, кто подсел к ним за столик — Верка. Точнее, она просто шла мимо, потом как-то неловко дернулась и чуть было не полетела на пол вместе со своей тарелкой и чашкой. Но Величество вовремя поддержал ее и даже сказал что-то ободряющее, но смысла Петр не уловил. Верка вообще ничего не поняла, но глупо улыбнулась и покраснела. Еще бы, Анрир даже в своем слегка побитом и донельзя болезном виде выглядел в разы лучше Виктора. Будь Петр бабой, он бы тоже заулыбался, тем более, Верка — та еще страхолудина, к тому же крепко нелюбимая остальными членами ячейки за связь с лидером и свое привилегированное положение. Некоторые понимали, что досталось оно Верке не только за ее сомнительные постельные подвиги, но и за редкую разновидность Силы — все же других паранормов, способных влиять на вероятности событий, Петр не знал. Как бы то ни было, популярностью Верка не пользовалась.

В повседневной жизни подружка Виктора являла собой ходячее стихийное бедствие: ни одного дня, да что там — часа — не проходило без того, чтобы с ней не приключилась какая-нибудь неприятность. Втайне Петр считал — все Веркины беды происходили из-за ее способности менять будущее, они уравнивали ее Силу или же были своеобразным откатом от нее. У Верки были постоянно разодраны руки, примерно раз в два-три месяца она ломала какую-нибудь кость или по другой причине попадала в больницу. Петр уже не мог упомянуть всех болячек, которые она успела нахватать, кажется, в третьей городской больнице медперсонал уже знал ее в лицо и сочувственно улыбался при очередной госпитализации.

Зато Верка могла призвать свою Силу и выгадать выигрышный лотерейный билет, сделать так, что кто-то нужный случайно попадется им на пути, почти всегда, если она наблюдала за схваткой — выигрыш был на стороне членов ячейки. В тот единственный раз, когда они потерпели поражение от конторщиков, Верка была далеко, и не факт, что она смогла бы что-то противопоставить Кровавой Смерти.

Что из всего этого смог просчитать или почувствовать Величество — осталось для Петра загадкой, но его «подопечный» до конца обеда проболтал с Веркой на всякие отвлеченные темы, без всякого стеснения используя Петра как переводчика.

Само собой, что, закончив с едой, Верка не пошла в свою комнату, а направилась вслед за Величеством, чуть ли не повиснув у того на руке. Они даже ухитрились как-то общаться без помощи Петра. Ну и славно: пока эти двое воркуют, он вполне успеет навестить Лелю, у той как раз выходной. Когда еще представится возможность провести время с этой очаровашкой? В конце концов, никуда их «гость» из здания не денется, профессор только вчера об этом говорил.

У Лели Петр мог гостить бесконечно. Кто еще так поймет одного носителя Хаоса, как ни другой? У девушки был только один недостаток: время от времени ее посещали странные мысли, насчет тих возможного брака с Петром. А он сам пока что даже и не помышлял ни о чем подобном. Есть отношения, которые устраивают их обоих, так зачем все это рушить? К счастью, в этот раз у Лели нашлись какие-то срочные дела и очередной важный разговор о их совместном будущем не состоялся.

Но и понежится на мягкой Лелиной постели, приятно пахнувшей ее духами и немного — стиральным порошком, у Петра не вышло: один из бойцов заглянул в комнату и передал распоряжение Виктора явиться в его кабинет.

Так уж вышло, что на незапланированный совет Петр явился последним: Генка снова жевал очередное печенье — где только берет их, не выходит же в город? — Верка нервно кусала ногти, сидя на одной из стоящих вдоль стен парт, сам Виктор снова сидел за своим столом, с сосредоточенным видом перебирая четки. Религиозным человеком он никогда не был, но, по-видимому, считал, что этот аксессуар придает ему солидности. Или попросту волновался и так пытался успокоиться. Интересно, с чего бы? На памяти Петра такого еще ни разу не было. Лидер, он на то и лидер — всегда все знает и ни о чем не беспокоится.

— Вендетта подсказал мне, как избавиться от нашей проблемы и вдобавок заработать на этом. Но для начала нужно обезвредить нашего гостя, — Виктор казался спокойным, но Петр видел, как мелко подрагивают руки лидера. Волнуется. Конечно, после вчерашней демонстрации силы задумка Виктора «обезвредить гостя» не кажется такой простой. А ведь Величество за эти сутки отдохнул, подлечился...

— Хм... А наш великий и ужасный всезнающий шаман, которого никто не видел, не желает лично поучаствовать в этом мероприятии? — Профессор, наконец, доел свою заначку и теперь пилил взглядом Виктора. Или не только взглядом, кто мог знать, какой сейчас диалог идет в их мыслях? Одно ясно — свои мысли он озвучил исключительно для Петра и Верки.

— Ты и сам знаешь: Вендетта никогда напрямую не вмешивается в дела ячейки.

— Зря. Здесь бы многие с удовольствием посмотрели на твоего серого кардинала.

Правильно сказал Генка — многие. Даже Петр, считавшийся правой рукой Виктора, так ни разу и не видел загадочного Вендетту.

— И как Вендетта, — почему-то Профессор выделил имя их шамана, — планирует

обезвредить того, кто смог сбежать от прим-лордов?

— Все Геночка на тебе, все на тебе! — Виктор растянул губы в улыбке, но вид у него при этом стал донельзя зловещим. — А госпожа Удача, в лице нашей Веры тебе поможет.

* * *

Петр чувствовал себя так, словно он с детским совочком для песка решил выйти в рукопашную, по меньшей мере, против Чужого. Или нет — Годзиллы. Весь их расчет держался только на том, что Профессор сможет влезть в мозг Величества. В Верку Петр сейчас не верил. Эта дура грызла ногти и рассеянно поглядывала по сторонам, похоже, все-таки успела попасть под обаяние Анрира. Да чего уж там, Петру и самому не очень-то хотелось нападать на этого парня. Лучше бы попытались договориться. Или просто отпустить Величество: что-то было в нем такое, что заставляло проникаться симпатией. Тоже какая-то разновидность Силы?

Впрочем, и без мифической харизмы, Величество обладал вполне себе реальной Силой. И еще нехилой способностью все просчитывать наперед. Иначе, как он смог бы сбежать от примов? Петр с сомнением посмотрел на окружавших его бойцов: все они сжимали в руках старый добрый огнестрел, но и шума производили столько, что только полный идиот не догадался бы об их приближении. Волкодавы из Березовой рощи были вооружены не хуже, и чего уж греха таить — подготовлены в разы лучше. А Величество от них сбежал.

Он махнул одному из бойцов и тот открыл дверь, остальные сразу же взяли комнату на прицел. Но все напрасно — в комнате никого не было. Петр сжал челюсти и махнул рукой — надо обшарить здание, наружу выбраться их «гость» не мог. Но куда он спрятался? Зачем ему прятаться, если...

— В комнату Виктора, живо!

Петр прокричал и первый, протолкавшись через бойцов, побежал по коридору. А через пару метров резко затормозил. Ну не придурок ли? С ним рядом идет специалист по мозгокопанию, а он даже не догадался его использовать.

— Генка, где этот хмырь?

— Здесь, недалеко, — Профессор покрутился вокруг себя, как будто пытался сквозь стены увидеть местоположение Анрира. — Не могу его захватить, сознание слишком раздроблено, это как пытаться из сухого песка построить замок.

— На хрена нам твоя философия? Скажу лучше, ты вообще его сможешь обезвредить или нет?

Профессор пожал плечами и повернулся на сто восемьдесят градусов. Обнадеживающий ответ. Генка медленно поднял руку вверх и указал примерное направление: назад по коридору, в сторону столовой. Похоже, в одной из комнат засел. Один из бойцов положил руку на плечо Петру и шепотом спросил:

— Живым брать?

Черт! Почему он у Виктора про это не спросил? И тот почему никаких распоряжений не выдал? Петр сжал челюсти: ясно почему — не хотел марать свои руки. Выбор-то у бойцов не простой: либо пытаться схватить хмыря живым и попасть под его тяжелую когтистую руку, либо бить на поражение, рискуя с концами упокоить их «гостя» и навлечь на себя гнев лидера. И решить судьбу ребят должен Петр. И чтобы он не выбрал, все равно окажется в

дерьме. Часть бойцов ячейки поляжет, Анрира они могут упустить или убить. Нет из этой ситуации достойного выхода.

Петр рыкнул и вышел в первый ряд, теряя по пути человеческий облик. К чертям одежду и другие заморочки, сейчас важен только результат. С каждым шагом он становился выше, а звук шагов громче: костяные наросты гулко бухали по полу. Руки опустились почти до колен, обзаведясь длинными когтями. Теперь можно и побороться. Где же затаился этот хмырь и чего он ждет?

— Подходящий момент, — отозвался Генка.

Лучше б уж молчал, как будто теперь все ясно. Подходящий момент для чего? Петр обернулся назад и глухо зарычал, выражая свое недовольство, и краем глаза заметил, как распахнулась дверь, и его с силой толкнула размытая тень. Петр повалился на бойцов, придавив одного или двоих, одновременно раздались крики и выстрелы.

— Верка, шалава, пусть этот урод об стену убьется, — кричал он уже на бегу.

Куда Величество так стремится? Ему же не выйти из здания! Единственный шанс — взять кого-то в заложники. Петр затормозил, руки его распались на множество щупалец, за тем, чтобы выдернуть из толпы Верку и забросить ее в одну из пустующих аудиторий.

Но Величество не рванул за Веркой — он побежал куда-то по коридору. Куда именно, Петр понять не мог: попробуй уследи за тенью. Он зарычал и повернулся к Генке:

— Где?

— Остался всего один заложник.

Петр сплюнул на пол и развернулся в обратную сторону. Профессор прав, в здании остался всего один человек, ради жизни которого бойцы согласятся вывести Величество из здания. Но как? Как Величество собрался захватить саму Бездну?

Нужно спешить.

Знак бойцам и Генке и новый забег по коридору.

Все равно опоздали.

Петр выломал дверь, и снова плюнул на землю: Хмырь лениво сидел на кровати, придерживая одной рукой полубессознательного Виктора. А второй — меч, — или саблю? никогда Петр не разбирался в холодном оружии, — возле горла их лидера. Странно, но гипса у хмыря уже не было. Успел так быстро срастить кости?

— Говорить по делу. Вы атаковать — он умирает. Затем — вы.

Петр похолодел: предсказание Генки сбылось, не прошло и двух дней, как Величество уже говорил по-русски. И надо думать, его слова не были пустой угрозой. Как бы сейчас пригодилась Верка. А где она? Наверняка, лежит сейчас посреди аудитории с парочкой переломов. Вот же ублюдок: все просчитал. Пока Петр «спасал» Верку, через другой этаж обошел их группу и захватил себе единственно ценного заложника. Что уж лукавить: ради интересов ячейки Виктор пожертвовал бы и своей любовницей, и Генкой, и Петром. Только не собой. Себя их лидер берег.

— Тяни время, я попробую его затащить в Сбывшуюся мечту, — Петр мысленно послал профессора на хрен, но разговор все же начал:

— Хорошо, твои требования.

— Ты выводить нас отсюда и провожать меня к границе мира. Потом я отдавать ваш главарь.

— А не боишься? Нас много.

Величество ухмыльнулся и немного сместил меч так, что по шее Виктора потекла

струйка крови. Лидер замычал, попытался вырваться, но не смог.

— Не тяни время. Скажи своей войне пусть отходят подальше.

Петр подал знак и недовольно матерящиеся бойцы стали медленно отходить от двери. Величество встал и, также придерживая Виктора, направился на выход. Опасную игру они затеяли. Неправильное движение или сдавшие нервы кого-то из бойцов, могут стоить жизни не только Виктору, но еще и чертовой туче народа. Петр не питал особых иллюзий на счет силы его отряда: Анрир сбежал от прим-лордов и подготовленных волкодавов Берзовой роши. Надо думать, что и дома он не розы нюхал. Опасный противник. Пожалуй, у одного Профессора есть шанс. Его иллюзии еще никогда не подводили.

Не дойдя до порога считанные сантиметры, Величество замер и повалился на пол. Следом повалился и Виктор. Петр метнул вперед щупальца, убирая меч от шеи лидера. Но оружие испарилось ровно в тот момент, когда выпало из руки владельца.

Они справились.

Виктору было плохо, У Генки из носа ручьем текла кровь, неизвестно, что с Веркой. Но они справились. Кто бы знал, какое это облегчение, когда смерть проходит рядом.

Глава 10. Найти потерянное

Как ни странно, но предложенные подчиненными способы борьбы со стрессом действительно работали. Сегодня все казалось далеко не таким мрачным и беспросветным, как в момент, когда Данилу сняли с должности начальника бригады. Данила потянулся, перевернулся на бок и решил не вставать с кровати еще как минимум полчаса. Как всегда опаздывающая на работу Оля даже швырнула в него подушкой. Она злилась, что сейчас выйдет на улицу, под холодный дождь, потом целый день промается на службе, а Данила будет и дальше нежиться в постели.

А чем ему еще заниматься? Если уж представился такой шанс отдохнуть, то грех им не воспользоваться. Раньше он всегда вставал очень рано, уходил на пробежку, а Оля сладко посапывала аж до семи утра. Потом резко вскакивала и бежала собираться на работу. Но к этому времени Данила уже был в конторе, не мог себе позволить приходить строго в восемь ноль-ноль. Он все-таки начальник, пример для подчиненных. А сегодня решил специально поваляться подольше. И только после того, как похожая на торнадо Оля выбежала за порог, Данила вылез из кровати, принял душ, сварил себе кофе и с комфортом устроился в гостиной под телевизором. Чего он прежде никогда себе не позволял. Но раз уж отдыхать, так отдыхать по полной.

Идиллию разрушил телефонный звонок. Особисты из Березовой рощи срочно вызывали Данилу для разговора. Быстро же они провели свое расследование. Или он преждевременно паникует, и речь пойдет совсем не об его отставке? Данила хмыкнул. Надеяться можно на что угодно, но надо понимать: начальству нужны виноватые.

Что ж, истинному воину подобает стойко переносить удары судьбы. Тем более у него был и свой интерес в посещении Рощи.

* * *

Разговор с особистами длился уже третий час. Данилу расспросили о его предыдущем месте службы, о семье, личных отношениях с Хейфец, о Волковой, о его покупках в последнее время. О Хейфец спрашивали особенно долго, даже несколько раз пытались пристыдить неуставными отношениями и их мифическим влиянием на работу бригады. Данила с этим был категорически не согласен и в течение получаса методично перечислял все случаи, когда Оля выполняла свои прямые обязанности, а не отсиживалась в конторе. И особенно подчеркнул, что на несостоявшийся штурм убежища некросов он взял именно свою любовницу, а не кого-то еще.

После особист стал допытываться, не пытался ли волк подкупить Данилу или кого-то из его бригады. Данила на полном серьезе спросил, куда сей преступный элемент мог спрятать деньги или другие материальные блага, если из одежды на нем был только разодранный хирургический костюм. Упоминание одежды смутило особиста, и тот поспешил свернуть разговор. Напоследок он сообщил, что Данила по-прежнему отстранен от службы, и в самом лучшем случае вернется на нее в должности старшего сотрудника.

Данила только хмыкнул: начальству нужен был козел отпущения, и они его нашли. Впрочем, этого и следовало ожидать.

Выйдя из кабинета, Данила прошел несколько метров, потом обессиленно прислонился к стене, спрятав лицо в ладонях. Мимо прошли несколько волкодавов, один даже сочувственно похлопал его по плечу. Данила кивнул и криво улыбнулся. Когда они скрылись за поворотом, он сполз по стене, опустившись на корточки, и закрыл голову руками. Пусть все видят, как ему плохо.

Но сюда он пришел вовсе не страдать. Надо же, сняли с должности. Пускай теперь ищут идиота, который захочет управляться с бригадой.

Пора взяться за дело. Данила давно разучивал этот фокус, но получалось далеко не каждый раз. Щупальца энергии пробились через стену и теперь обшаривали помещение за спиной Данилы. Склад улик. Если Эсмеральде нужна личная вещь, чтобы найти человека, то придется эту вещь добыть.

Данила представил, как на нескольких щупальцах появляются глаза, и посмотрел через них. Картинка получилась мутноватой и черно-белой, но большего ему и не требовалось. Только найти запаянный пластиковый пакет с номером «ДН-103». Данила осматривал стеллажи, пока не нашел нужный. Улик по делу профессора Николаева обнаружилось не так уж много: он всегда казался призраком, так же и ушел, растворившись в неизвестности. Когда искомый пакет был обнаружен, щупальца бережно вскрыли его, вытащили небольшой клочок одежды и потащили улику к двери.

Осталось только ненадолго застопорить камеры, пока он откроет дверь и вытащит этот клочок. Редко кто задумывается, что психокинетики — прирожденные взломщики. Щупальца, состоящие из одной лишь энергии легко могут вскрыть любой замок за считанные секунды. Данила открыл дверь, поймал летящий ему прямо в руки клочок ткани, закрыл замок и спрятал свою добычу в карман. После чего разблокировал камеры и медленно побрел по коридору, по-прежнему делая скорбное лицо. Пусть все думают, что отстранение от работы сломало бывшего начальника бригады.

Уже перед выходом он встретил Йети и Рысь. Волкодавы тащили за собой темноволосого парня. Волк упирался, пытался вырваться и ныл о том, что не сделал ничего плохого.

После короткого приветствия, Данила поинтересовался:

— За что его?

— А, — отмахнулся Йети, — глупая история. Этот дрыщ — паркурщик. Не знаю, откуда у него взялась Сила, но он, собака, очень быстрый, быстрее наших гончих. Знаешь, сколько мы за ним пробегали?

— А почему тогда он не в конторе?

— Парочка дебилов на девчонку напала, хотели изнасиловать, а этот вступился. И главное, те спермотоксикозники даже не пострадали сильно, но сам понимаешь: нападение на овец, с использованием Силы...

«Этот» чуть не рыдал, наверное, ему уже успели рассказать обо всех прелестях жизни на Рубеже.

— Знаешь, Лис, иногда я ненавижу нашу контору.

Йети сплюнул на пол, подхватил волка под руки и потащил в сторону изолятора. Данила только кивнул ему вслед. Иногда он тоже не понимал методов работы Надзора. Окажись этот парень простым человеком, то, скорее всего, отделался бы штрафом, на худой конец — получил бы небольшой срок. А раз он — Волк, то получит наказание по полной: года два-три на Рубеже. С риском не дожить до конца своей службы. А если и выживет и не

покалечится — ему придется еще два года проработать в Надзоре.

Здесь поневоле начнешь понимать банду Петра Петровича: их контора давно нуждается в реформах.

Данила дождался Йети и вместе с ним доехал до города на служебной машине. Возвращаться на пригородном автобусе, так же как добирался сюда, ему не хотелось. К тому же, совместная поездка — неплохой шанс поболтать с волкодавом и узнать, что сейчас происходит в конторе. Оказывается, Илья официально объявил, что в бригаде есть предатель.

Данила только покачал головой. Предателя надо ловить скрытно, а не кричать о его наличии на каждом углу. Похоже, их дружбе пришел конец: раньше рыжий пришел бы к Даниле за советом и поддержкой. Столько всего пережили вместе, а переезд в Солеж сломал их. Или это началось еще раньше, в Москве?

Данила надеялся, что у них еще будет время поговорить и во всем разобраться. Сейчас нужно действовать. Он вышел из машины, попрощался с Йети и направился к Эсмеральде. Волчица поможет найти Петра Петровича.

Не дойдя до кабака нескольких метров, Данила остановился в том самом дворе, где вчера встретился с загадочным мужчиной в помятой кепке. Мужчиной ли? Этот субъект был кем угодно, только не человеком. Персонализированной сущностью города, аватаром какого-то духа, плодом больного воображения Данилы. А что? Вполне вероятно. Не так уж и сложно догадаться, кто в Солеже мог спрятать беглого волка так, что самые лучшие из ищек его не чувят.

Стая голубей взметнулась вверх, испуганная пробежавшим мальчишкой, и на долю мгновения Даниле показалось: прямо напротив него на скамейке сидит тот самый мужичок и приветливо машет рукой. Но, когда птицы улетели, скамейка оказалась пуста. Данила слегка поклонился, выражая свое уважение. Работа приучила его верить в самые невероятные вещи и существ. И ссориться с ними не стоит. Да и Киса, которого он сейчас разыскивает, тоже не относится к простым смертным.

* * *

Виктор так и не оклемался. Он очнулся, но ходил и говорил с трудом, не говоря уже о потерянной Силе. Правая рука и нога почти не слушались лидера, а уголок рта уполз вниз. Профессор говорил, что по симптомам это состояние напоминает инсульт, но поехать в больницу Виктор отказался категорически. Они здорово поссорились из-за этого с Генкой, но лидер стоял на своем. Они схватили Величество, но тот дорого продал свою свободу. Наверное, для всех было бы лучше, если бы их пленник сбежал.

Впрочем, Виктор не собирался сдаваться. По его распоряжению Петр встретил в городе еще одного непонятого хмыря и привез в убежище. Чисто внешне новый гость Виктора выглядел обычно, но Петр чувствовал какой-то подвох. Слишком четкие движения, слишком мало эмоций, слишком уверен в себе, хотя знает, куда едет и с кем там может встретиться. Паранорм? В чем тогда его способности?

Хмырь уверенно дошел до комнаты Виктора и так же равнодушно вошел внутрь. Лидер же, несмотря на полное отсутствие Силы и неспособность нормально двигаться, приказал Петру уходить.

Странно. И подозрительно. Петр послушно вышел, кивнул парочке бойцов, оставшихся у двери, и направился дальше по коридору. Со скучающим видом зашел в библиотеку, после чего рванул к окну, вылез через него и по внешней стороне здания пополз к окну комнаты Виктора. Старые кирпичи крошились под его весом, но пластичное тело легко меняло форму, подстраиваясь под рельеф фасада. Щупальца, когти и присоски сменяли друг друга. За пару десятков секунд Петр добрался до своей цели. Окно было закрыто, но звук хорошо доносился через одинарные стекла и щели в раме.

-... не сможете использовать его возможности. Наше предложение: достаточная денежная сумма в валюте и ваше полное излечение, — судя по интонациям — говорил гость.

- Мы дадим его вам на два дня, — Виктор с трудом выговаривал слова, и разобрать его речь было непросто.

- Не в вашем положении ставить условия. Помните — мы всегда можем сдать местоположение ячейки. И забрать носителя Уводящего, если мы не захотим его отдавать — не выйдет. У вас элементарно не хватит сил его отбить.

- Некросы сдадут анархистов? Не смешите. Вы такие же враги Надзора и примов, как и мы. А этого психа не нужно отбивать... Профессор прекратит свое воздействие, вот и все.

- Еще немного — и врагов у нас не останется. Примы, наши старшие братья, здорово поспособствовали строительству храмов, когда притащили сюда аватар Уводящего. Нам он нужен, и мы его заберем. И единственный выбор для вас: отдать аватара ЦИФ добровольно — или погибнуть во время нашей атаки.

- Хех... Уводящий сметет вас и не заметит. Ведь это его главная задача: сторожить ворота в мир мертвых. И сейчас мы контролируем этого стража.

- Его нельзя контролировать. Вы не знаете, что это за существо, и на что оно способно. Подумайте над моим предложением до завтрашнего дня.

Петр чертыхнулся и полез обратно. Несложно догадаться, кому Виктор поручит отвезти их гостя в город. Хотя сейчас Петру хотелось поговорить с лидером наедине: одно дело бороться с системой, и совсем другое — помогать некросам.

* * *

За непродолжительное время работы в Надзоре Марк привык к плохому отношению со стороны сотрудников. Плевать, главное — он получил возможность бороться с проклятыми мертвяками. Все его друзья остались в родном мире и, скорее всего, уже давно пополнили ряды некросов. И меньше всего он желал такой же судьбы для жителей этого города. Как и смерти в огне, метку которой он по-прежнему видел на всех встреченных людях.

Но сегодня коллеги вели себя чересчур подозрительно: шептались, отводили глаза и не оставляли его ни на минуту в одиночестве. Марк не выдержал и направился к Илье. Откровенно говоря, рыжий носитель Плазмы ему нравился больше Горецкого. Бывший начальник был суров, скрытен и открыто показывал, что не доверяет Марку. Илья, несмотря на свой взрывной характер, быстро сходился со всеми и никогда не отказывался поболтать с другими сотрудниками.

Марк не дошел до кабинета пару метров: прямо в коридоре на него набросились двое волкодавов и повалили на пол. Наверное, он мог справиться с ними, но зачем? Скорее всего, подозрительные конторщики снова планируют какую-нибудь операцию против мертвяков и

так перестраховываются. Внутри все кипело от злости, но нужно терпеть, если он и дальше хочет оставаться в Надзоре.

— Что происходит? — выдавил он.

Волкодавы молча подняли его на ноги и сковали руки за спиной. Из кабинета вышел хмурый Илья, но приказа отпустить Марка так и не последовало, рыжий подошел и встал напротив.

— Как временно исполняющий обязанности начальника пятой бригады, хочу сообщить, что с этой минуты вы более не являетесь служащим Надзора. В самое ближайшее время вы будете доставлены в изолятор Березовой рощи, где вами займутся сотрудники шестой бригады.

— На каком основании?

— Только что нам пришло официальное подтверждение с Заставы города Солеж, что вы, воспользовавшись полученными в Надзоре документами, регулярно совершали переходы на Рубеж. Также есть записи, что из некоторых таких прогулок вы привозили с собой людей.

Илья буквально дымился от гнева, глаз не было видно из-за полыхавшего в них пламени. Несколько секунд он просто молчал, потом добавил совсем другим, ни капли не официальным, тоном:

— Скотина ты, Марк. Мы тебе верили. Передавай привет своему Верховному.

У всего есть предел. В том числе и у терпения. Он спокойно сносил подозрительность конторщиков, беспочвенные обвинения, их пренебрежительность и брезгливость. Но это уже перебор! Никогда и ни за что он не стал бы помогать этимдохлым уродам!

Марк толкнул плечом держащего его волкодава, одновременно с этим его лучезапястные суставы несколько раз хрустнули, меняя положение костей, и наручники шмякнулись на пол. Марк толкнул второго волкодава на Илью и побежал по коридору. Пол под его ногами вспыхнул, путь перегородила огненная стена, но Марк даже не затормозил. Он просто закрыл руками лицо и побежал к выходу. Но через пару метров на Марка навалилась невероятная тяжесть. Не получалось двигаться, казалось, даже сердце стучит через силу, а легкие не могут втолкнуть в себя воздух. Марк медленно опустился на пол, почти распластавшись на нем.

— Далеко собрался, мертвяк? — Илья присел на корточки рядом с головой Марка, как всегда непрошибаемый Вадим стоял чуть в стороне.

— Я. Не. Мертвяк. Не надо равнять меня с этими тварями.

— И кто же ты? Просвети нас, — Илья кивнул Вадиму, и давление на Марка немного уменьшилось.

— Человек. Им родился, им и сдохну.

— Какого ж хрена ты, человек, помогаешь строить в городе мертвяцкий Храм?

— Я не помогал! Все мои друзья и родные погибли или превратились в бездушные марионетки из-за некросов. Если я и мечтаю о чем-то, то это окончательно упокоить как можно больше этой гнуси перед собственной смертью!

— Какого ж ты тогда хотел сбежать, наш народный мститель?

— Вы мне все равно не верите! С самого первого дня не верили, я не полный придурок, чтобы ждать доверия сейчас. На свободе у меня был бы шанс доказать свою непричастность.

Марк заметил тень сомнения, промелькнувшую на лице Ильи, поэтому продолжил гнуть свое:

— В конторе есть паранормы, способные залезть в голову и прочитать мысли? Я

согласен пройти такую процедуру, раз по-другому никак.

— Профессор Николаев был единственным достаточно сильным менталистом. Но где он сейчас? Хитришь, Марк.

— Не единственным, — Вадим подошел и помог Марку подняться на ноги. Волкодавы встали по обе стороны коридора, перекрывая возможные пути отхода. Но Марк не собирался бежать, особенно сейчас, когда появился реальный шанс доказать свою невиновность.

— Саша? — Илья почесал затылок.

— Саша, — кивнул Вадим. — Лучшая ученица профессора. Осталось только отпросить ее на пару часов с Рубежа.

— Дожились. Используем волчицу против некросов.

— Душу дьяволу продают по кускам, — прошептал Марк.

— С нашей работой продавать уже нечего, она вся у рогатого.

Вадим ненавязчиво взял Марка под руку и повел в сторону изолятора.

Интересно, а сколько частичек души осталось у него самого? И как ими правильно распорядиться? Марк неожиданно осознал, что если дьявол сейчас предложит ему вечное рабство в обмен на уничтожение мертвяков, он не будет думать ни секунды.

* * *

Петр всю дорогу дергался и не мог сосредоточиться на вождении. Не каждый день он возит некросов в своей машине. Впрочем, даже если мертвяк замечал его волнение, то никак не обозначил это. Пассажир спокойно вышел, попрощался и отправился по своим делам. Петр передернул плечами: интересно, как бы отреагировали прохожие, если бы узнали, кто идет сейчас по улице?

А как бы они отреагировали на него самого? Возможно, Надзор не такая уж бесполезная организация, по крайней мере, она даёт людям хотя бы иллюзию спокойствия. Не каждый хочет столкнуться с реальностью. Она бывает слишком жестока.

Петр развернул машину и припарковался возле супермаркета. Пора бы вспомнить о данном обещании и заpastись едой. Леля тоже будет рада небольшому презенту.

На покупки ушло неожиданно много времени: посетителей много, касса работала только одна, и в той закончилась лента. Пока со всеми проблемами разобрались, Петр уже пожалел о своем решении закупить продуктов.

На парковке его ждал новый сюрприз: возле машины стоял Горецкий собственной персоной. Как только нашел?

— Данила Сергеевич, какая приятная встреча! Слышал, вас отстранили от работы. Неужто решились, наконец, принять наше предложение? Только, боюсь, теперь оно уже не будет таким выгодным: безработный боец, даже такой незаурядный, интересуется нас гораздо меньше, чем начальник пятой бригады.

— Официальная работа — всего лишь шелуха. Есть долг и обязательства, и им нужно следовать.

Гребанный самурай! Чего он приперся? Петр всегда был против того, чтобы Горецкий вошел в их ячейку, за это ратовал только Виктор. Зачем им нужен этот упертый псих со своими средневековыми представлениями о жизни? От такого одни проблемы и никакой пользы.

— В таком случае, чем обязан? Не случайно же вы здесь оказались?

— Не случайно. Я искал именно вас.

Горецкий сделал шаг вперед, сократив расстояние между ними. Глупый поступок: Петр — боец ближней дистанции, Даниле против него не выстоять. Хотя кто знает, какие секреты хранит этот человек.

— А точнее, — серые глаза Горецкого лихорадочно поблескивали под стеклами очков, и Петру стало не по себе, — я ищу одного волка — того самого, что два дня назад сбежал из Березовой рощи.

— Почему вы думаете, что я знаю о его местоположении?

— Помнишь наш последний разговор? Когда ты мне рассказывал о сложностях нашего мира?

Петр кивнул. Вот уж действительно: не стоит злить интеллигента, в гневе они непредсказуемы.

— Так вот, вы можете считать себя кем угодно, но всего вам знать не дано. Считай это моим маленьким секретом. А теперь к делу. Мне нужна вся информация, которая у тебя есть: кто этот волк, на что он способен, как связан с некротами, где он сейчас и как его отсюда вытащить?

Петр хмыкнул. Конечно, так он все и расскажет!

— Боюсь, ничем не могу помочь.

— Тогда мы прямо сейчас направимся в Надзор, где я передам тебя на руки дознавателям. Могу поспорить, через пару дней ты уже примеришь форму рубежного солдата.

— А ты меня вначале поймай!

Петр сжал кулак прямо перед лицом Горецкого. Из костяшек выросли длинные лезвия. Петру всегда нравился этот киношный трюк, а теперь предоставлялся случай испробовать его в жизни. Но затем когти вдруг размягчились и потекли на кожу горячими каплями крови. Стало трудно дышать, руки и ноги потяжелели, Петру захотелось лечь на землю и больше не шевелиться. Самое страшное — он больше не чувствовал Хаос. Тело стало неподатливым и чужим, оно не желало трансформироваться, повинуюсь приказам мозга.

— Не надо считать окружающих глупее себя.

— Привыкли думать, что вы — короли мира?

Носитель Стазиса сплюнул на землю, затем встал рядом с Данилой. Тот самый паранорм, что смог поймать профессора Николаева.

Петр тряхнул головой и поднялся. Хотелось бы порадоваться, но он не понимал, как это произошло. Что-то глубоко внутри вскипело и вырвалось наружу, разлившись по каждой клетке его организма. Оно придавало силу и уверенность. Оно само было силой. Хаос. Абсолютный и ничем не сдерживаемый. Но Стихия не рвалась на свободу, она стремилась к чему-то иному. Петр заговорил, но слова диктовал кто-то иной:

— Этот шкет и сам ни хрена не знает. Но я удовлетворю твоё любопытство.

— Кто ты? — Горецкий побледнел, но не отошел от Петра. Носитель Стазиса попятился назад, прижимая руки к затылку.

— Рыжий бабник любит поговорку про Плазму — царицу Стихий. Хорошо, что не полей. Так что обойдемся без пафоса, зови меня Петром, как этого мальчика. В конце концов, на одну восьмую он — это я. И не стесняйся, как ты верно заметил, никому не дано знать о мире все. Ну, кроме меня. И еще троих. Но те — скучные ребята.

Горецкий выглядел ошарашенным, но, к его чести, быстро взял себя в руки и продолжил разговор:

— Теперь я знаю, почему Ольга такая.

— Моя любимица. Нельзя же не любить себя? Ольга уникальна в своем роде, о ней можно говорить вечно. Но у тебя нет столько времени, так что давай к делу.

— Кто такой этот волк?

Краем глаза Петр заметил, что прохожие совершенно игнорируют их странную компанию, как будто не видят. Хотя, возможно, и не видят.

— Это долгая история, и началась она давно. Люди — не первые из наших подопечных. Первыми создали примов — ваш прообраз. Они были совершенством: сильные, умные, живущие очень долго. Но не вечно. Это одно из немногих ограничений, которые на них наложили. И поставили нескольких Высших, вы бы назвали их богами, следить, чтобы никто из примов не перешел пределы дозволенного. Время шло, примов становилось все больше, их дети теряли способности и долгую жизнь, постепенно становясь альтерами — вторыми, такими, как вы.

В один момент некоторым примам захотелось большего — власти над смертью. Тебе незачем знать, что и как они сделали, важен лишь результат: они смогли заключить силу одного из богов в кристалл. Уводящий Во Тьму перестал существовать. Но и примам не повезло: они обрели бессмертие, но утратили жизнь.

— Некросы.

— Да, ты прав, они превратились в некротов — заразу, расплзающуюся по всем мирам. Другие примы пытались остановить их, и тогда некроты решились на отчаянный шаг: они раскололи артефакт, хранящий божественную силу, на две части. Одна отвечала за то, чтобы в мир приходили новые души, и ее мертвяки успели вынести в другой мир. И именно эта часть до сих пор служит на благо Храмов, пополняя ряды их адептов.

Вторая — чистое разрушение, воплощенная смерть. Прикрывая свое отступление, некроты активировали этот артефакт. В результате чего погибла Колыбель — прародина примов. Смертоносную силу смогли остановить, но цена оказалась слишком высока: весь цвет нации примов был уничтожен.

Но сам артефакт остался. Его хранили пять тысяч лет, а теперь сила Уводящего перекочевала в тело этого, как вы их называете, волка.

— Хренасе легенда! — носитель Стазиса изумленно потер затылок. — Этот Киса, что, типа ходячей атомной бомбы?

— Скорее — «Звезда смерти», среди существующего оружия нет аналогов его способностям. — Хаос уютно чувствовал себя в теле Петра, самому же ему было не по себе ото всей этой информации. — Но мы с братьями любим равновесие, поэтому он своей силой не управляет. Киса ее носитель, не более.

— И что нам теперь делать? — Горецкий потер очки, после вернул их на место и сложил руки на груди.

— Откуда мне знать? Я никогда не даю людям прямых указаний, не хочу влиять на свободу выбора. Вы иногда такое творите, что даже я удивляюсь. Все в твоих, Данила, руках. Что бы ни свершилось, оно свершится во славу Хаоса!

После сознание помутилось, очнулся он, лежа на земле в луже воды. Судя по бутылке в руках Горецкого, таким странным способом Петра оказывали первую помощь. Специалисты, чтоб их.

— Я в норме, — Петр поднялся и отряхнул одежду.

— Ты минут десять без сознания был, — известил Горецкий.

— И плющило тебя нехило, — добавил второй, кажется, Вадим, — по ходу, ты решил нам презентацию монстров устроить. Пришлось придавить тебя немного.

Вот почему так погано! Снова Стазис, вражеская Стихия. Жаль, что этот носитель сильнее его.

— Все, спасибо за помощь, информацию вы получили, предлагаю разойтись по хорошему.

— Ды щас, — Вадим снова потер затылок, и воздух вокруг словно бы загустел, как протестующе заныли мышцы, заемр мир вокруг. — Мы не договорили.

— Спасибо твоей Стихии, теперь мы знаем гораздо больше. Но, как ты понимаешь, у нас будет новая просьба, — Горецкий сделал глоток воды и теперь неспешно закручивал пробку на бутылке.

— Думаете, я принесу вам этого хмыря на блюдечке?

— Да, — ответил он слишком уверенно, словно точно знал, что сможет повлиять на Петра. С чего бы?

— Куда ты денешься?

А действительно — куда? Сдаться конторщикам? И что его ждет? С таким списком прегрешений — лет тридцать службы на Рубеже. И риск сдохнуть раньше срока, но так и не исполнить свою мечту: не покончить с Надзором. И, познакомившись поближе с Величеством, Петр не разделял уверенности Виктора, что этот парень станет помогать ячейке, даже под воздействием Профессора.

— Ты сам слышал, на что способен этот человек. Представляешь, что может случиться, если он попадет в руки некросам?

— А конторщикам? Чем ваша собачья стая лучше мертвяков? Сам подумай, получив на руки такую силу, они запросто могут наладить производство своих бессмертных солдат. Или просто превратят его в оружие массового поражения.

— Не превратят. Я знаю, как исправить эту ситуацию. Этот Киса ведь не из нашего мира, так?

— Да. Но не из соседних миров, откуда-то издалека. Но его не убить и не запереть, на родине не смогли с ним ничего сделать, поэтому продали сюда.

— Вот мы и восстановим справедливость.

— Хм... коты всегда возвращаются домой, — Вадим ухмыльнулся и забрал обратно расплескавшийся Стазис.

Петр застыл на месте. Эти двое ненормальные. Взять и просто так отказаться от такой чудовищной силы? Но, с другой стороны, наверное, это был единственно правильный выход. Да, они не победят примов с помощью магии Величества, но ведь раньше они о ней вообще не знали и все равно на что-то рассчитывали.

Не хотелось себе в этом признаваться, но Петр был даже рад такому исходу: где-то в глубине души он успел проникнуться обаянием Величества и желал тому доли лучшей, чем бессознательная кукла, живущая в плену иллюзий.

— Хорошо, убедили. Только вытащить его будет непросто. Единственный наш шанс — помощь Профессора.

— Так и знал, что этот утырок жив и здоров! — Вадим с досадой хлопнул по капоту машины.

— Не совсем здоров, если тебя это утешит, — буркнул Петр, — я свяжусь с вами, когда узнаю что-нибудь по делу.

— Мы не будем долго ждать.

* * *

Данила сидел на лавочке и нервно перебирал четки. Он даже не знал, обманет его Петр или нет. Никаких гарантий, что этот волк станет им помогать. Вдруг он уже сейчас пишет анонимную жалобу особистам или собирает боевой отряд, чтобы уничтожить Данилу и Вадима? В прошлый раз им это почти удалось. Если бы не желание заполучить в сообщники начальника пятой бригады и вмешательство Ольги, то он бы умер еще полгода назад.

— Соскучились?

Помяни черта... Ольга, собственной персоной, шлепнулась рядом, меланхолично пощипывая огромный шар сахарной ваты. Она выглядела совсем иначе, чем при их последней встрече: похудела, перекрасила и подстригла волосы, только глаза остались прежними.

— Соскучился. Ты как?

— Хреново. Надо бы еще недельку отлежаться в тишине. Но не могу же я сидеть спокойно, когда вы снова ищите неприятностей себе на жеппь?

— Как же ты бросишь своего любимого преемника без попечительства?

Ольга пожалала плечами и протянула Даниле вату. Как вообще можно есть эту сладкую и липкую гадость?

— Сейчас сложилась такая ситуация, когда к вам в руки может попасть штука страшнее Кольца Всевластия, так что здесь еще вопрос, кого я оберегаю: вас или всех окружающих?

— Я не собираюсь ничего делать с этим Кисой. Почему-то мне кажется, что ты и сама это прекрасно знаешь.

— И это плохо. Не о том думаете, Данила Сергеевич. Представьте, у вас появится реальная возможность изменить мир. Сдвинуть его с нынешней точки равновесия...

— Прямоком в Хаос?

— Это будет только от вас зависеть.

— Ольга, ты должна понимать, что ни я, ни кто-либо еще не сможет контролировать эту силу.

— Кое-кто сможет. Недаром я оставила его в живых.

— Профессор Николаев? И ты предлагаешь мне ради собственных целей лишить человека разума и возможности на нормальную жизнь? Запереть его в лабиринте собственных фантазий и страхов? — Данила не заметил, как встал со своего места и теперь нависал над Ольгой. Но ей, похоже, было все равно. Даже вату не бросила.

— Он не человек. Знали бы вы, сколько мерзостей Киса натворил, то не жалели бы его. Но это сейчас не важно. Важно лишь то, что в его теле заключена сила, равной которой нет нигде. Ни один из игроков на этом поле не должен получить такой козырь.

— Вот! Теперь ты понимаешь! Ни один, Ольга, ни один! И мы в том числе! Как-то же этот Киса прожил до этого дня: не захватил мир, не разрушил его, не продался некротам, так пусть и дальше справляется со своей Силой в своем мире. Всем от этого будет только лучше.

— Во вселенной вообще не должно быть такой Силы, как у него. Ее нечем уравновесить. Мы просто не имеем права оставить этого котика и дальше бродить самого по себе.

— А такая, как у тебя, должна быть? Чем она уравнивается? Кто может уничтожить Кровавую смерть? Почему ты бродишь сама по себе, а ему отказываешь в таком праве? Никого из нас вообще не должно существовать рядом с людьми.

Ольга замолчала на пару минут. То ли обдумывала слова Данилы, то ли просто доедала вату, по ее непроницаемому лицу ничего нельзя было понять. Наконец, она выбросила палочку в урну, облизала губы, отряхнула руки, встала с лавочки и обняла Данилу:

— Мой малыш стал совсем взрослым! Мне нечем тебя больше учить. Идем на Роковую гору, друг мой, там мы раздобудем Кольцо Всевластия!

— Там его выковали и уничтожили, не добыли, — гнев все еще бурлил внутри Данилы, и к нему стало примешиваться нехорошее чувство, что его снова использовали в своих целях.

— Ну не подобрала достойной аналогии, что сразу нападать? — Ольга театрально развела руками. — Спасем принцессу из башни, освободим Вилли, так лучше?

Данила улыбнулся: все же на Волкову не получалось долго злиться.

* * *

Идиотская ситуация: сейчас Петр должен помочь конторщикам и пойти против своих же. Нет, не так. Он помогает ячейке, используя для этого конторщиков. Пусть уж лучше они самостоятельно разбираются с этой божественной мутотенью, не стоит пытаться откусить кусок, который не сможешь проглотить.

А еще он адски вымотался и сейчас мечтал просто поспать в своей кровати. Можно и без Лели, хотя с ней было бы просто идеально. Прижать бы ее упругое тело к стене и взять ее прямо так, без всяких ласк и разговоров. Леля и сама была не прочь неожиданностей, потому что заниматься сексом как все — это скучно и недостойно истинного носителя Хаоса. В ее объятьях можно позволить своему телу плыть и изменяться, подстраиваясь под самые затаенные фантазии. Чувствовать, как плывет и меняется чужое тело, как оно отзывается на твои движения, как подрагивает от удовольствия... И закончить все быстро, сжимая в руках совершенно невообразимого монстра, и самому быть таким же монстром. Позволить Стихии вырваться на свободу во всей своей дикости и безудержности. А после этого, не тратя время на всякие глупости, бережно поцеловать, приласкать, успокоить разбушевавшееся чудовище, пришедшее на место его подруги. Дождаться, пока она снова вернет себе человеческий облик, и заняться сексом снова. На этот раз — медленно и вдумчиво, прислушиваясь к тому, что нашептывает интуиция, с единственной целью — заставить подругу мучиться от блаженства и просить закончить все это побыстрее. Но сдаваться раньше времени — себе дороже: как только она получит то, о чем просит, начнет мстить, и от предвкушения этой мести еще волнительнее, еще слаще, еще...

Черт! Снова он ни ко времени размечтался. В данный момент никакой Лели, только мать его, Величество, гребанный аватар бога смерти. И Генка. А эта парочка ни у кого бы не пробудила романтических чувств.

Петр поставил машину на стоянку возле шестой городской больницы, выгреб пакеты и направился в сторону леса. Сложно сказать, в чью светлую голову пришла идея расположить

больницу за городом, да еще и в отдалении от транспортных путей, но этот человек здорово испортил жизнь многим тысячам медработников и пациентов: добраться до лечебницы иначе как на машине было почти нереально. Конечно, задумывалось все неплохо: лес, свежий воздух, тишина, что еще нужно для выздоровления пациентов? А на деле же получились одни проблемы.

Пожалуй, только члены их ячейки выиграли от этого: после постройки больницы у входа в их убежище появилось отличное прикрытие и бесплатная парковка для машин. Каждый день сюда приезжали сотни, если не тысячи человек, и отследить каждого было нереально. В такой толпе даже самая натасканная ищейка сбилась бы со следа.

Так что можно идти и ни о чем не волноваться. Проблемой будет только вынести Величество из убежища. О чем он думает? Да вся эта затея — одна сплошная проблема для Петра. В ячейке сейчас около тридцати бойцов, и каждый из них, не задумываясь, нападет на него, если поступит такой приказ от их главаря. А Виктор точно не захочет добровольно отдавать свалившуюся ему в руки козырную карту. Остается надеяться на помощь Генки. Или не стоит? Один черт знает, что творится в голове у Профессора. Можно попробовать использовать Верку, чтобы она со своей Силой воздействовала на Генку, но, если Виктор узнает об этом, девушке будет худо.

Подумать только, он жалеет Верку! Самую тупую из знакомых девок, ходячее несчастье, заморыша с крысиным хвостиком блеклых волос. Но от мысли, что Виктор назидательно «срезает» ей Бездной палец, становилось не по себе. Ей и так по жизни достается, незачем еще и в эти разборки втягивать. Временами Петру казалось, что Верка за их главаря держится только потому, что больше не за кого, а одна она пропадет. Черт! Сколько лет живут бок о бок, а он ни разу не поинтересовался, что привело ее в ячейку.

Идиотский настрой, идиотский план, весь построенный на предполагаемой помощи Профессора. Идиотские сумки. Зачем было закупать столько продуктов? Петр перехватил ручки поудобнее и потащил мимо проходной, затем — мимо основного корпуса, мимо инфекционного отделения, пока не забрел в лес.

Дальше начиналось самое интересное: ровно семь шагов по дорожке, три шага вправо, развернуться лицом к больнице, дойти до березы с раздвоенными стволами, обогнуть ее три раза, после чего хитрым способом обойти кустарники и снова вернуться на дорожку. Теперь можно было спокойно идти вперед — все равно попадешь напрямиком к убежищу.

Возле самого входа Петр столкнулся с несколькими бойцами, тащившими носилки. Сзади шел побледневший Генка, зажимавший в руках капельницу:

— Мать вашу, не болтайте его лишней раз! И быстрее ногами шевелите, курицы кривоногие. Если не успеем дойти до больницы за пятнадцать минут, на ближайшую неделю вы превратитесь в натуральных кобелей. И я вам гарантирую, гоняться за кошками и нюхать друг другу задницы вы будете точно как собаки. А кто еще раз дернет носилки, станет течной сучкой!

На носилках лежал Виктор.

— Что случилось? — Петр бросил пакеты на крыльцо и схватил Профессора за грудки.

— Отпусти! — Генка стряхнул его руки и снова подогнал бойцов. — Я говорил нашему команданте, что нужно лечь в больницу: с инсультом не шутят! Но он же у нас умнее всех. Можешь полюбоваться — повторный инсульт. В этот раз все еще хуже.

Генка махнул свободной рукой и пошел вперед, Петр продолжал идти за ним. С одной стороны он никак не мог бросить Виктора, но с другой — второго такого удобного случая

вытащить Величество из Убежища может и не представиться.

— Генка, мне что, вас и на полчаса оставить нельзя? Все же нормально было! И Виктор на поправку шел!

— А тебе, наверное, сам многоликий Хаос о поправке нашептал? — Профессор развернулся к нему и посмотрел прямо в глаза: — Идиот! Такой шанс профукать хочешь. Иди и вытащи оттуда нашего гостя!

— У меня и свои глаза есть! А он не очнется без тебя?

— Не должен, на несколько часов воздействия хватит, а потом пусть с ним конторщики разбираются. Поверь, он умнее всех нас и не станет нападать на тех, кто помогает ему вернуться домой.

— Лучше иди и присмотри своими глазами за убежищем, а с команданте я сам разберусь. Надеюсь, помнишь, что я — врач? — Генка отвернулся и поспешил вперед, уже отдуваясь от непривычной для его жирной туши активности.

— Если что-нибудь с Виктором случится, я тебя на части разорву!

— Не переигрывай! Встань в очередь! Здесь многие хотят моего комиссарского тела!

Петр фыркнул, снова сгреб уже ненавистные пакеты и зашел внутрь. Затем ненадолго завернул в комнату к Леле, просто она ближе, чем его собственная и оставил там свои покупки. Не нести же их в столовую, съедят ведь все и ему ничего не оставят! И только после этого направился в бывший медпункт, исполняющий у них роль лазарета.

Величество лежал на той же самой кровати, что и пару дней назад, только в данный момент его сознание витало где-то очень далеко. Даже любопытно, каков он, идеальный мир этого человека?

Наверное, там что-то эпическое. Черт, надо будет у Генки спросить. У того всегда было не слишком трепетное отношение к понятию «врачебная тайна».

Рядом с Величеством сидела Верка. Как всегда растрепанная и в синяках. Зачем только сюда приперлась? Или ей стало так скучно, что решила поболтать с коматозником?

Она подняла взгляд на Петра и растерянно улыбнулась:

— Профессор приказал присматривать, а зачем? Наверное, ему и там хорошо. Уже вернулся домой, к семье. Иногда мне тоже хочется бросить этот мир и жить в иллюзии. Здесь-то точно никогда не будет все благополучно, так почему бы не пожить там, где исполняются мечты? Разве ты не думал об этом?

— Нет, не думал. Мне и здесь неплохо.

Вот курица! Если она свою судьбу не может устроить, это не значит, что и все вокруг такие же лохи! Петр не собирался менять свою жизнь на тупую фантазию. «Добрый» доктор тогда вполне по-настоящему отрезал ему руку, так же по-настоящему хотелось бы отомстить людям и нелюдям, разрешившим такое.

— И вот этот хмырь вряд ли по доброй воле согласился бы выпасть из реальности. Он не такая размазня, как ты.

- Да, наверное, ты прав. Есть сильные люди, способные менять мир под себя, а есть такие, как я, совершенно ни к чему не годные, которые только и могут, что страдать и хотеть полностью раствориться в собственных фантазиях, потому что только там они счастливы.

Девушка попыталась тайком вытереть слезы, но Петр все прекрасно видел. Чертова баба! Что ей в комнате не сиделось?

— Хорош ныть! Сходи лучше, передохни пару часиков.

Верка обиженно отвернулась и, кажется, разревелась еще сильнее. Нашла время.

— Верка, брысь отсюда!

Да сколько уже можно с ней сюсюкаться? Взрослая баба, а разрыдалась из-за какой-то ерунды. Она всхлипнула еще раз, потом вытерла слезы и резко встала со стула:

— Я тебе помогу.

— В чем?

— Вынести Анрира отсюда. Это правильное решение, нам не дадут распоряжаться его Силой.

— Как ты...

— Догадалась? Очень просто. Ты, Петя, слишком предсказуемый, поэтому Виктор тебя и недолюбливает.

- Виктор тебя прибьет, если узнает.

— Не прибьет, скорее что-нибудь отрежет. Но я не боюсь, у меня еще девятнадцать пальцев осталось.

Девятнадцать? Но как, на руках же все на месте. Верка стащила с правой ноги балетку и продемонстрировала четыре оставшихся пальца и уродливый рубец на месте мизинца.

— Так что забирай его, иди. В коридоре тебе никто не встретится, как и на выходе. Удача с тобой на ближайшие полчаса.

* * *

Наверное, первый раз в жизни Елисей так сильно волновался. И вовсе не потому, что сейчас находился на Заставе. Следящие за ним солдаты, оружие, возможное нападение со стороны некросов, птеродактилей, и так далее по списку — все это сущая ерунда. Через несколько минут он встретится с Сашей. Система пискнула, моргнула несколькими графиками и усилила выброс каких-то гормонов, одновременно снизив выработку других. Елисею было все равно, от волнения это в любом случае не спасет.

Интересно, как Саша его встретит? Захочет ли разговаривать, или нет? Конечно, деваться ей некуда: на руках у Елисея прошения от исполняющего обязанности главы Надзора к генералу Волкову, о временной выдаче рядового Самойловой. Поэтому, хочет она или нет, но проигнорировать приказы начальства не получится. Тем более, что на бумагах уже стояли личная печать и подпись генерала. Но важно ли это? Важно только то, захочет ли она разговаривать с Елисеем?

Осталось совсем немного, и он сам об этом узнает: всего пара минут на то, чтобы дойти до казармы, подняться по лестнице и зайти в комнату. Волков сказал, что у Сашиного отделения сейчас время отдыха, они вчера выходили из расположения Заставы для важного задания, поэтому, скорее всего, еще отсыплются в своих комнатах.

Несколько шагов до той самой двери. Так мало, но как же тяжело их сделать. И невыносимо страшно, и оттягивать этот момент больше нет возможности. Хочется сбежать, вернуться домой и отложить эту встречу на неопределенное время. Но Саша там, за этой дверью. Его Саша. Маленькая волчица, которая неожиданно оказалась сильнее и храбрее многих знакомых ему конторщиков. И его самого. Наверное, именно поэтому так страшно сделать эти несчастные два шага. Поднять руку и постучаться. Может, передать системе управление над телом?

Нет, нужно все сделать самому. Мужчина он или нет? Сражаться с волками или

некросами ему не страшно, а встретиться с девушкой — так паника накрыла?

Елисей не успел поднять руку, как дверь распахнулась. На пороге стояла рыжеволосая девушка с двумя смешными хвостиками, одета она была в коротенькую майку и шорты. Незнакомка широко улыбнулась и картинно изогнулась:

— И кто у нас сегодня счастливица?

— Хвост, уймись, точно не ты! — ее высокая, плотная соседка оттащила рыжую от двери, занимая ее место: — Вы, наверное, комнатой ошиблись, у нас здесь все одинокие.

— Глыба, ты — зануда! Ну и что, что ошибся? У нас здесь такие красотки! — Хвост пихнула подругу бедром, возвращаясь на прежнюю позицию.

— Это ко мне.

Голос был заспанный и немного хриплый, но Елисей даже без подсказок системы точно знал, кому он принадлежит. Кажется, сердце замерло и пропустило пару ударов.

— Точно твой? Такой тихоня. Я бы его научила плохому!

— Пошли проведем Зену, — Глыба ухватила рыжую за локоть и потащила из комнаты, — а вы проходите.

Она недобро посмотрела на Елисея, как будто намекая, что если он не зайдет, то можно и подтолкнуть слегка.

— Зачем нам проводить Зену? Она десять минут назад ушла, — Хвост повисла на своей подруге, заметно было, что гость соседки по комнате интересуется ее гораздо больше, чем столовая.

— Надо.

Глыба больше не оборачивалась назад, только упрямо тащила любопытную подружку к лестнице. Елисей вздохнул и зашел в комнату.

Надо же, как Саша изменилась за эти месяцы: отрастила волосы до плеч и покрасила их в черный цвет. Набрала пять килограмм и шестьсот грамм, как услужливо сообщила система, только вот не жира, а мышечной массы. Елисей слышал, что солдат на Рубеже специально подкармливают облегченными модификатами, чтобы те не загнулись раньше времени от непосильных нагрузок.

Взгляд у девушки, и тот, стал другим: уверенным, пронзительным, несколько тяжелым. Такой долго не выдержишь.

— Привет, — одно слово, но как же тяжело было его сказать. Тяжелее только согнать себя с порога, закрыть дверь и сделать пару шагов по комнате.

— Привет, — Саша тепло улыбнулась, ненадолго став прежней, — ты по делу?

Сразу захотелось выбросить все бумаги, подойти к девушке, обнять ее и попросить прощения за свою глупость. Но долг есть долг, и... ну почему она не прочитает его мысли? Ведь в них все то, что невозможно выразить словами, что просто не вмещается в них.

— Да, конторе нужна твоя помощь, начальство обещало сократить срок твоей службы за содействие.

— Любопытно. Знаешь, а здесь оказалось не так ужасно, как я боялась. Думаю, после окончания срока все равно останусь на Рубеже. Наш майор пообещал устроить меня на вечернее отделение в местный университет, чтобы потом я могла получить офицерскую должность.

Саша встала с кровати, забрала у Елисея бумаги и начала их пролистывать. Неужели она действительно хочет здесь остаться? А сам-то он как представляет свою жизнь «на гражданке»? Никак. Он — овчарка. И будет служить в конторе столько, сколько сможет,

потому как в обычном мире ему места больше нет.

— Саш, прости меня.

Три слова. Простых и сложных. И самых правильных в этот момент.

Саша посмотрела на Елисея, в глазах ее дрожали мелкие слезинки:

— Знал бы ты, сколько раз в первые пару месяцев я пожалела, что не сбежала тогда с тобой. Сейчас — не жалею, а тогда...

— Ты — молодец. Ты сильнее меня. Я вначале злился, но теперь... тоже злюсь. Потому что скучаю.

Да сколько можно! Стоит как первоклассник перед прививочным кабинетом. Елисей подошел и крепко обнял Сашу, прижимая ее к себе. Она расплакалась. Гадина-система сразу же нарисовала несколько графиков с описанием психо-эмоционального состояния Саши, но Елисей в них не вглядывался. Что эти железки могут понимать в людях, если сами люди в себе ничего не понимают? Он наклонился и поцеловал Сашу, крепко и по-настоящему.

Глава 11. Новые дороги

Марка уже который час держали в камере предварительного заключения. Да сколько можно ходить за этой девчонкой? Двадцать минут до Заставы в этом мире, еще столько же — подписать все бумаги, после просто взять ее и привести обратно. Но нет, кажется, конторщики специально оттягивали время. Для них это просто служебные моменты, а он должен страдать от неизвестности.

Нет, Марк точно был уверен, что непричастен ко всему происходящему, наверняка конторщики снова что-то напутали и пошли по пути наименьшего сопротивления: если есть подозрительный тип, замеченный в связях с некросами, то легко можно свалить всю вину на него.

Наконец, дверь открылась, и в нее зашла совсем молоденькая девчушка:

— Добрый день, я — Саша.

Она робко улыбнулась и села на нары напротив Марка. Надо же, не побоялась зайти, а с виду хлипкая такая. Хотя кто их, волков, разберет, может быть, она в рукопашной не слабее Марка.

— Марк, — он поерзал на месте, — мне нужно как-то по-другому сесть? Или встать? Как вам удобнее?

— Да мне, в принципе, все равно. Это только в фильмах телепатам для чтения мыслей нужно человеку руки на виски положить, в жизни все не так. Я вас еще из коридора просматривать начала.

Как такое может быть? Марк думал, что, когда тебе залезают в голову — это больно, неприятно, а на деле он не смог этого даже почувствовать.

— И? — да что же она тянет?

— И теперь готова подтвердить, что лично вы не имеете никакого отношения к некросам.

Отлично! А конторщики ему не верили!

— Только в вашем теле живет сразу две личности. И вторая — тот самый Первый жрец. Перед глазами все поплыло, и Марка накрыли воспоминания.

...Он убивает нескольких бомжей и притаскивает на заброшенный склад. Помещение уже подготовлено к переносу в мертвые тела новых личностей: стены покрыты специальными узорами, в углу стоит подобие хирургического стола, рядом с которым примостились фляги со смесью. Марк переносит туда один из трупов, вскрывает ему череп и подсаживает в мозг зачатки церебеллума. Несколько минут — и новый некрос начинает свою неправильную жизнь. «Прислужник», примитивное бездушное существо, имеющее только зачатки разума — но на данном этапе такие очень нужны, если Первый жрец хочет наладить выращивание имитаторов и производство смеси в больших объемах. После этого можно будет приступить к созданию полноценных членов сообщества бессмертных.

... Разговор с человеком длился уже второй час. Он никак не желал поверить, что регулярный прием зеленоватой жидкости способен подарить бессмертие. И даже демонстрация возможностей Первого его не убедила. А человек был нужен: именно на его предприятии планировалось развернуть строительство храма. Конечно, потом в тело союзника поселят правильную личность или пустят на смесь, но это произойдет еще нескоро. Пока что нужно добровольное сотрудничество. Всего пара недель приема смеси, и

человек не сможет противиться приказам жреца.

...Наконец-то они запустили в работу первые из залов Храма, и ряды бессмертных теперь пополнялись с удесятеренной скоростью. Все, что нужно — несколько дней для подготовки тела и несложный ритуал, выдергивающий из Мира-за-гранью подходящую душу. Местные альтеры наивно разделяют магию и науку, никак не желая принять глубинной связи этих вещей. Наверное, поэтому им так сложно бороться с некросами. Ведь большая часть могущества бессмертных лежит в области, недоступной для их понимания.

...Храм разрушен, но Первый жрец ликует: он почувствовал силу Уводящего, ту самую, что сейчас напитывает их новые храмы, дает силу другим жрецам. Великое равновесие в действии: там, где появляется Уводящий, растут возможности Приводящего. Две стороны одной сущности, разделенной множеством веков назад. И кто знает, возможно, сейчас удастся соединить их заново? И тогда бессмертные смогут более не прятаться от вездесущих примов, и в скором времени вся обитаемая вселенная перейдет на новый уровень существования...

Марк тряхнул головой: воспоминания были не его, они принадлежали кому-то другому. Что, если девчонка просто взяла и внушила их? Кто разберет этих волков.

— Сожалею, но это твои воспоминания, точнее — твоей второй половины. Я старалась выбирать не самые отвратительные.

Она наклонилась вперед, упершись руками в колени:

— И это не все. Ты даже не Марк. Глубоко в недрах твоей личности есть воспоминание о смерти этого человека. Ты — новая личность, которую подселили в это тело.

— Я не некрос! Я их ненавижу!

Марк вскочил и набросился на волчицу. Но та ненадолго исчезла из виду, затем появилась чуть в стороне, все такая же невозмутимая. И понятно почему: сейчас вокруг них была не камера, а густой лес, тот самый, где жил Марк. В этом мире не было таких деревьев, такого нежно-бирюзового неба, такого чистого воздуха.

— Как давно я живу в этой иллюзии?

— Несколько минут. Начиная с того момента, как я зашла в твою камеру. Не хотелось бы, чтобы кто-то еще из конторщиков слышал наш разговор, поэтому, уж извини, пришлось пойти на эту уловку. Я верю только троим из этой организации, но никого из них сейчас поблизости нет.

Девчонка преобразилась, теперь она не казалась маленькой и растрепанной, как в реальном мире. Наоборот, она стала выше и серьезнее, настоящая хозяйка лабиринтов разума.

— Мне неприятно, что приходится это говорить, — продолжила она, — но вся твоя личность — не более чем обманка, мастерски состряпанная из воспоминаний настоящего Марка и установок Верховного жреца. Им нужен был именно такой лазутчик, чтобы пробиться в этот мир.

Все — ложь... Он так долго мечтал отомстить мертвякам, и теперь такой шанс представился: можно убить самого себя, и на одну тварь станет меньше. Но этого мало, как же мало! Мертвяки должны ответить за все сполна.

— А ты сможешь заблокировать эту личность, но дать мне доступ к ее воспоминаниям?

Бессмертные ждут своего Первого жреца и, видят все боги разом, он идет к своей пастве.

Данила и Вадим устроили Кису на кровати в спальне и вернулись на кухню — выпить чаю и заодно немного передохнуть. Довезти бессознательного парня до Ольгиной дачи оказалось не то чтобы сложно, скорее — нервно. В конце концов, не каждый день Данила оказывается рядом с аватаром иномирного бога, чертовски сильным аватаром, надо признать. И Данила сильно сомневался, что, если Киса решит напасть, то они с Вадимом смогут отбиться. Но пока что можно было не волноваться: Петр Петрович обещал, что воздействие Профессора продержится еще несколько часов. А к тому времени можно что-нибудь придумать.

Пару месяцев назад они всей бригадой, вместе с Арсеном, уже гостили у Ольги. Надо сказать, дача у нее была расположена в отличном месте: домик на отшибе, чуть в стороне от деревни, так что газ и электричество здесь были, а вот внимательные соседи уже не заглядывали. Рядом с небольшим, всего-то три комнаты, домиком был лес и быстрая речка. Вода в ней даже в самую жару оставалась ледяной из-за бьющий родников. «Черновушка» — так называли ее местные. В ней часто ловили рыбу, но никто не купался — боялись омутов, водоворотов и придонных коряг.

Но разве такие мелочи могут остановить бравых сотрудников конторы? Тогда они славно повеселились, даже данила пару раз прыгнул с тарзанки.

Вадим пока хозяйничал на кухне: поставил чайник и теперь сооружал бутерброды из колбасы, сыра и толстых кусков батона: почему-то Скворцов решительно не признавал тонкой нарезки хлеба. Данила по-хозяйски порылся в кладовке и вытащил оттуда банку абрикосового варенья. Ольга, при всех сложностях своего характера, не была жадной и совершенно спокойно относилась к такому самоуправству. Поэтому можно было немного попользоваться ее добротой. Тем более такого ароматного, вкусного, прозрачно-янтарного варенья, как готовила Ольга, Данила больше нигде не пробовал.

Он открыл крышку у банки, вылил примерно половину варенья в пиалу и не смог удержаться от того, чтобы не съесть ложечку. Вадим хмыкнул и сжевал кусок колбасы. Чайник весело засвистел, и Данила налил горячей воды в заварочный чайник. Теперь нужно подождать пару минут, пока чай заварится, и можно будет слегка подкрепиться.

Необъяснимое беспокойство кольнуло Данилу, и он решил сходить проведать Кису. И не зря: комната пустовала. Их «гость» даже складочки на покрывале поправил, словно здесь никого и не было. А в следующую секунду Данила потерял сознание.

Очнулся он, лежа на кухне рядом с Вадимом. Киса оказался настолько великодушен, что разложил для них диван и отодвинул стол. Но связывать своих пленников не стал. Это было ни к чему: Данила и так не мог пошевелиться, кроме как отрыть и закрыть глаза, и слегка повернуть голову. А еще он не чувствовал свою Силу. Голова гудела и раскалывалась на части от боли, но сколько Данила ни пытался, сдвинуть даже крошечный предмет не мог. Ужас потихоньку пробирался в его сознание, нашептывая всякие неприятные вещи.

Что Данила лежит сейчас совершенно беспомощный и, случись что, он даже обороняться не сможет.

Что рядом с ними бродит человек, о котором они ничего не знают и, возможно, жить Даниле осталось всего пару минут.

Что Сила, вероятно, покинула его навсегда, и, при самом благоприятном исходе, ему

придется полностью перекраивать свою жизнь.

Что никто не знает, куда они с Вадимом уехали и не будет искать.

Что...

Этих «что» было еще великое множество, но Данила знал: поддаваться страху — все равно что хоронить себя заживо. Пока он жив и относительно здоров, остается еще шанс на благополучное завершение всего этого. В конце концов, Ольга должна догадаться, куда они уехали, а Кровавая Смерть — не пушистый зайчик, она сможет потягаться с Кисой, пускай и не на равных, но разделаться с ней будет не так просто, как с обычными конторщиками.

Где-то на заднем плане шумела вода, и Данила мог поклясться, что слышит тихое насвистывание незатейливой мелодии. И это не лезло ни в какие рамки! Чем больше он узнает паранормов с высоким УДЕ, тем сильнее разрушаются иллюзии, с ними связанные. Раньше он представлял их такими сверхлюдьми, рыцарями без страха и упрека, а на деле... Одна печет пирожки, второй насвистывает в душе; бывший начальник, Ставр, обожает рыбалку. Кажется, будь его воля, бросил бы Надзор и поселился на берегу озера. Однако они могут себе позволить и не такие чудачества. Даже насвистывать, моясь ледяной водой из ковшика, потому как водопровода на Ольгиной даче не было.

Затем насвистывание переместилось куда-то в район спальни, оттуда же донесся скрип дверей шкафа. Да сколько можно прихорашиваться! Он там что, на свидание собирается? У Данилы уже руки затекли, и от Вадима ничего не слышно, как он там?

— В порядке, — Киса неспешно зашел на кухню. Одет он был в джинсы, майку и шерстяную кофту, кажется, вещи Лучика. Влажные волосы рассыпались по плечам. — Теперь можем поговорить.

В мыслях у Данилы промелькнуло сразу множество вопросов, от «Что будет со мной и Вадимом?» и «Как можно разговаривать, если и пошевелиться не можешь» до «Насколько двинутым метросексуалом надо быть, чтобы мыть волосы в ледяной воде?».

Киса склонил голову набок, словно к чему-то прислушиваясь, затем улыбнулся одной стороной рта и проговорил:

— Не люблю ходить грязным, это отвратительно. Особенно — волосы.

Акцента у него почти не было, только что-то едва уловимое и совершенно нераспознаваемое, неужели они ошиблись и он — никакой не пришелец из другого мира, а обычный волк?

— Нет, я издалека. Все правда. Я весьма способный к языкам, поэтому учусь так быстро. Почему вы здесь лежите? Хм... Скажем так, у меня нет причин доверять вам.

Как будто у них есть!

— Я же вас не убил. Это — причина. А вот вы наверняка хотите меня для чего-то использовать. Вопрос — для чего? И как вы собирались меня заставить?

Данила попытался мысленно выстроить несколько связных предложений, в которых подробно описывал их планы, но вместо этого вышел какой-то поток гнева, обиды и недовольства. Киса снова склонил голову набок и даже прикрыл глаза, словно смакуя эмоции Данилы, затем подошел к дивану и наклонился:

— Переговоры? Я уважаю переговоры. Но их можно вести всего с двух позиций: силы и взаимной выгоды. Мне нечего предложить вам. Поэтому, очень надеюсь, вы с товарищем усвоили, на чьей стороне сила. В другой раз я не оставлю вас в живых.

В другой раз они тоже не будут настолько наивны и зафиксируют одного особенно умного волка всеми доступными средствами, и плевать, чей он там аватар. Киса хмыкнул,

после чего легко перевернул Данилу на живот и надавил на несколько точек на спине. Сердце сразу же застучало сильнее, разнося кровь по застоявшимся мышцам, в голове зашумело, и перед глазами поплыли разноцветные мушки. Но Данила все равно был счастлив: он снова чувствовал свою Силу. Можно попытаться...

— Я бы не советовал. Учти, попытка переговоров у нас только одна. Но, возможно, в благодарность за помощь тогда, во время облавы, я вас не убью, а просто покалечу.

Данила сжал кулаки и медленно встал. Злость кипела внутри, но сейчас действительно не самое лучшее время для выяснения отношений. Рядом безостановочно матерился Вадим, желая Кисе разнообразных приключений сексуального характера. Тот же снова задумчиво склонил голову набок и мечтательно улыбнулся.

— Какой у вас язык — песня. Столько разных определений для одного и того же. Надо будет запомнить и рассказать Кейташи, за эти годы он здорово исчерпал запас слов для выражения своих чувств ко мне.

Интересно, насколько он вообще нормальный? Возможно, они серьезно поторопились, когда решили, что с Кисой можно будет договориться. Но ведь Ольга одобрила такой вариант. А где тогда она сама?

— Исчадие? Она не придет, Хаос меня не любит, — ответил Киса на мысли Данилы.

— Я себя полным дебилом чувствую, — Вадим подошел к столу и сделал большой глоток воды, — вы бы говорили вслух.

— Твой господин.... Нет, неверное слово... гм...

— Начальник, — подсказал Скворцов. После чего заново включил чайник. Похоже, без сознания они провалились достаточно долго.

— Твой начальник серьезно усомнился в моей гм... способности мыслить из-за неправильной реакции на ругательства. А еще он нервничает, что здесь нет вашей девушки, той, что продалась Хаосу. Хочет свалить на нее все проблемы. Точнее — меня. Но не очень верное решение, я — хороший человек.

Данила зашел в кладовку, чтобы никто не заметил его пылающие щеки. Ничего он не хотел спихивать на Ольгу, с проблемами должен разбираться тот, у кого это выходит.

— Не надо стесняться своих недостатков, признание их — ключ к успеху.

Тысяча демонов! Он знает этого человека меньше часа, а уже мечтает прибить. Откуда только берутся все эти менталисты на его голову? Данила, не глядя, схватил одну из банок варенья и вернулся на кухню.

— Вы с Ольгой поладите! — Вадим похлопал Кису по плечу и разлил чай по чашкам.

— С исчадием? Скорее — не станем нападать друг на друга. И, думаю, самое время начать переговоры. Что вы хотели мне предложить?

Он пару секунд разглядывал Данилу, после чего и взял со стола одну из чашек. И снова это дурацкое чувство, словно находишься на приеме у английской королевы, даже сесть за стол стыдно. Но Данила взял себя в руки, подтащил табуретку и все же занял место рядом с Вадимом. Удивительно, но на Скворцова давящая аура Кисы как будто совсем не действовала.

— У нас есть план как переправить..., - Данила замялся на секунду, подбирая обращение. «Вы» — слишком официально, «ты» — слишком панибратски.

— Можно без церемоний, они меня на работе утомляют, — Киса хитро улыбнулся и пододвинул к себе пиалу с вареньем. Еще и сладости любит! Да есть в этом человеке хоть что-то героическое? Нет, все же восхищаться врагами и кумирами нужно исключительно

издали.

— А можно не читать постоянно мысли? — Данила набрался смелости и вернул варенье на свое законное место.

Киса пожал плечами:

— Я это не контролирую. Думай не так громко, и никто ничего не узнает.

— Так вот, — продолжил Данила, — мы переправим тебя через Рубеж, но дальше Заставы пройти не сможем.

— Это другой мир?

— Другой, скорее всего, он так или иначе соприкасается с твоим. Но точно мы не знаем.

— Мы вообще ни хрена не знаем про твой мир, чего уж тут выделываться, — добавил Вадим.

— Не проблема, мне нужно выбраться отсюда, из-под контроля примов. Дальше уже разберусь.

— Кто такие примы?

— Забыл, что вы о них не слышали. Как объяснить... первые из людей. Совершенство, как они считают.

— Типа тебя, — Скворцов хмыкнул и налил себе вторую кружку чая.

— Нет, некоторые хуже. Самодовольные и зацикленные на своем величии. Таких, как я, создавали по образу примов, только слегка улучшили и сделали послушными.

— Вас таких много?

Данила не выдержал и согнул в руках ложку. Они всей конторой ловили одного такого волка, а их оказывается, множество. И еще, дери их демоны, примы. Вот так и разбиваются иллюзии о собственном величии.

— Точно таких не много. Не могу сказать цифру, но гораздо меньше, чем жителей в этом городе. У нас строго контролируют рождаемость. Но есть и другие имусы, послабее, или просто созданные для других целей. Не понимаете? — Киса говорил не спеша, словно бы подбирая слова и постоянно следил за реакцией Данилы и Вадима. — Вы — альтеры, потомки примов. Но вы очень слабые, у нас альтеры намного сильнее и живут дольше. Вы совершенно не умеете пользоваться внутренней энергией. А имусы появились в лабораториях примов, когда у первых появилась нужда в слугах и солдатах. Имусов не уважают, у них нет таких прав, как у примов или альтеров. Мне дико, что у вас урожденные альтеры пьют гм... не знаю слова, становясь имусами.

— У нас нет никаких примов, — покачал головой Данила, — есть очень сильные паранормы.

— Пфф...наивный какой.

Если бы Киса сейчас начал возражать, переубеждать Данилу, рассказывать о теории всемирного правительства, веры ему бы не было. А после такой реакции почему-то появилось стойкое ощущение, что все сказанное этим странным парнем — чистейшая правда. Да и зачем ему выдумывать? Обмануть Данилу и Вадима? Он знает их всего ничего и, если все сложится удачно, скоро они расстанутся навсегда.

С другой стороны, при таком раскладе все выглядит весьма и весьма логичным: есть кто-то выше Надзора, придумывающий все эти зверские правила и законы, придумавший отбор, в конце концов.

— Значит, — Данила, наконец, смог правильно сформулировать свою мысль, — эти

твои примы, чисто в теории, могут сами защитить наш мир или искусственно создать толпу таких же, как ты и сделать из них свою армию?

Киса на минуту замолчал, выстраивая свою речь, затем все же ответил:

— В одиночку защитить не смогут, их мало, гм..., - он с минуту подбирал слова, задумчиво глядя на свои руки, словно решая сложную арифметическую задачу. Затем показал Даниле пять пальцев, — Вот столько. Одного я убил во время побега. Поэтому им нужна армия. Имусы сильнее и послушнее альтеров, но наводнить весь мир такими — потерять престиж среди других примов. На моей родине много имусов, очень много, но ее не уважает никто, у нас нет своих примов.

— И вы без этого так страдаете? — Вадим так и излучал скепсис.

— Когда нет своих примов, всегда могут прийти чужие и нагадить по своему усмотрению. Нас бережет только то, что на Атроксе ценностей мало, зато живности — много. И еще у нас... тоже не знаю слова... не работает техника.

— Чем больше узнаю о мире, тем сильнее хочется вернуться в то время, когда я не знал ничего.

Вадим обхватил голову руками, посидел так с минуту, затем подошел к одному из кухонных шкафчиков и вытащил оттуда бутылку водки. Данила хотел было отругать Скворцова, но потом поймал себя на мысли, что тоже не прочь выпить пятьдесят грамм. Но только в этот раз и никогда более. Нужно завязывать с релаксацией по методу пятой бригады.

Киса по-звериному втянул носом воздух, после чего встал, подошел к Вадиму и выудил из того же шкафа бутылку «Ирландских сливок». Определенно, они со Скворцовым решили испытать Ольгину щедрость, хотя, насколько успел заметить Данила, к выпивке Волкова была равнодушна и держала запас только для гостей.

Их «гость» несколько секунд присматривался и принимался к бутылке, затем открутил пробку, налил пару глотков в одну из кружек, выпил, поморщился, налил снова и добавил до верха водкой.

— Все равно девчачий ликер, — Вадим тем временем наполнил две рюмки, одну из которых протянул Даниле.

Киса снова задумался, склонив голову набок, затем пожал плечами и сделал несколько аристократичных глотков своего коктейля.

— Не чувствую, чтобы грудь начала расти.

— Тебя чем-нибудь прошибить можно?

— Если вы с начальником поцелуетесь, я очень удивлюсь. Возможно.

Скворцов закашлялся от возмущения, Данила же только усмехнулся: как-то не верилось, что этого парня вообще можно смутить. Хотел бы он сам уметь так же отвечать на все подковырки.

— Кстати, у нас, перед тем как выпить, обычно чокаются и произносят тост, — все же выдавил Вадим. Киса несколько раз пошевелил губами, словно пробуя незнакомое слово на вкус, затем ответил:

— Чтобы побеждать, нужно быть хитрее врага, мудрее женщины и сильнее самого себя, так давайте поднимем наши... чашки за стремление к победе!

— Сильно! — Вадим чокнулся с ним и одним махом выпил свою порцию, Киса же продолжил неспешно смаковать напиток, отрешенно разглядывая что-то на стене.

Данила же только сейчас заметил, что так и продолжает сжимать в руках наполненную

чашку. Странно, но пить перехотелось совершенно.

— Какой у вас план? — Киса заново соорудил свой коктейль и притянул к себе один из бутербродов.

— Идиотский.

— План довольно-таки рискованный, но другого у нас нет, — пессимизм Скворцова Данила не разделял, но и особенной уверенности в успехе у него тоже не было. — На завтра назначена переправка одного из волков на Рубеж.

— Хотите поменять нас местами? Есть его изображение?

Положа руку на сердце, сейчас эта идея казалась Даниле донельзя глупой и наивной, хотя вначале его переполняла гордость за такой план. С одной стороны, малолетний волк, который чисто по глупости попал под каток надзорского правосудия, с другой — аватар бога смерти, соблазняющий слишком многих воспользоваться его силой. Отпустить одного, чтобы выпроводить из мира другого — чем не отличная идея? Однако имелся в этом всем один серьезный изъян: оба волка имели весьма и весьма отдаленное сходство, разве что цвет волос и черты лица...

О чем он только думал? Их обоих Данила видел только мельком, да и то не в лучшем виде, плюс зрение у него далеко не идеальное. Но... тысяча демонов! Не смогут они выдать Кису за того юного паркурщика, ну никак.

Данила вытащил из кармана фотографию волка и протянул Кисе, тот пару минут внимательно ее рассматривал, затем перевернул вверх ногами и положил на стол.

— Хм... не самый идиотский план, я опасался худшего. В принципе, мы похожи, должно сработать.

— С этим задохликом? — Вадим по-прежнему воплощал собой скепсис, но сейчас он озвучил и Данилины опасения тоже.

— Изображение плохое, с ним можно многих соотнести, черты же в общем схожи. Охрана всегда невнимательна к документам, а я хороший актер. Опасно, когда вокруг приборы, людей всегда можно обмануть.

— Просто скромник года.

— Скромник? Это тот, кто стыдится, если в чем-то хорош? Нет, точно не про меня.

Вадим расхохотался, после чего легко толкнул Данилу в плечо:

- Данила Сергеевич, вы бы поучились у товарища Кисы.

— Да, вот именно такого начальника и не хватает пятой бригаде. Он бы вас научил нормально относиться к работе.

— Мы к ней хорошо относимся, — Вадим насупился.

— Бригада — это когда мало людей, да?

— Шестеро, — уточнил Данила.

Так вот озвучишь цифру и сразу чувствуешь себя полнейшим и беспросветным неудачником. Всего шестеро подчиненных, а он не может нормально ими управлять. Хотя, к чему сейчас это самокопание? Его отстранили, и теперь пусть Илья сам разбирается с этими раздолбаями. И Волковой. Волкова одна стоит целой бригады.

— Не понимаю цифр, — пожал плечами Киса.

А Данила всю жизнь стеснялся того, что носит очки! Киса словно бы ходячее несовершенство, но ведет себя, как наследный аристократ в любой ситуации. Укуси его лисица, но Данила и вправду хотел бы хоть немного походить на этого человека

— А на поверку ты не такой уж и крутой перец, — заметил Вадим. Наверное, стоит

отобрать у него бутылку, а то что-то осмелел младший сотрудник, как будто и не пытался остановить Кису пару дней назад.

— И это один из самых безобидных слухов обо мне, — хмыкнул их гость. — Из лучшего: трус, убийца, псих, насильник, импотент, совратитель девственниц, гей, педофил, идиот, переодетая женщина и искусственно созданная игрушка примов. Последнее появилось не так давно, но быстро завоевывает позиции, скоро гея обойдет.

Данила с сомнением посмотрел на Кису: довольно резкие черты лица, широкие плечи, мышцы на которых бугрились даже под одеждой, и руки с массивными костяшками. Чтобы принять его за женщину, нужно обладать богатой фантазией.

Тысяча демонов, да он сам бы и половины слухов не пережил! Кажется, честному воину при первом же подобном заявлении стоит либо вызвать клеветника на дуэль, либо пустить себе пулю в лоб.

— И как ты с этим справляешься?

— Слушаю, коллекционирую, запоминаю, пересказываю Кейташи. Но только до тех пор, пока шепчутся за спиной. В лицо мне редко осмеливаются такое говорить.

— Ха! Я же сказал!

Данила все же не выдержал и отобрал бутылку у Скворцова. Тот и так слишком много болтает.

— Поверь, если бы это было всерьез, ты бы уже об этом пожалел, — Киса улыбнулся, притянул к себе бутылку «Сливов» и проолжил пить прямо из горлышка. — Как-то мои подчиненные решили, что я слишком засиделся на своем месте, и вообще, они такие крутые мужики, а я как девица, и принялись распускать слухи. Ну вот кто в этом случае больше на женщин похож? Пока они между собой болтали, мне было все равно, но как-то раз во время совещания один из этих идиотов встает и говорит, что не собирается слушать приказы гея. Остальные тоже сложили руки и уставились на меня.

Данила внутренне содрогнулся от такого рассказа. Сам он ни разу не сталкивался с таким вопиющим неповиновением, но чувства Кисы представлял очень хорошо. В пятой бригаде тоже всякое бывало, но там подчиненные хотя бы знали меру.

— Я тогда тоже встал, похлопал его по плечу, затем выкрутил руку и потащил на выход. Пообещал вернуть его через два часа в относительной целостности. И добавил, что раз уж они теперь все обо мне знают, то больше можно не скрываться и предаться пороку с каждым, кто эту мысль озвучит. А по нашим законам я, как бы сказать, имею на это право. Вы бы слышали, как он извинялся, ммм... песня. И остальные тоже. В общем, отличный выдался день.

— Да ты псих! — Вадим произнес это настолько восхищенно, что Данила даже растерялся, — а если бы они поняли, что ты не всерьез это делаешь?

— Почему не всерьез? Никогда нельзя угрожать тем, что не выполнишь. Но, скажем так, я надеялся, что до этого не дойдет.

— А если бы дошло? — Данила сам не понял, как у него вырвался этот вопрос. Неудобно вышло, но теперь уже ничего не поделаешь. И к чему лукавить: ответ его весьма и весьма интересовал.

Киса же флегматично сделал еще несколько глотков, затем поставил бутылку на стол, и все с тем же непрошибаемым выражением лица, словно бы они говорили о погоде, ответил:

— Это был бы не самый неприятный момент в моей жизни. Правда, потом секретарь мне сказал, что два часа это достаточно долго, поэтому все так переполошились. Я-то во

времени почти не ориентируюсь. Зато как на меня все смотрели... ммм... Ужас, пренебрежение, восхищение, зависть. В этот день родилось еще несколько страшных историй о моей гм...

— Низменной, падшей, греховной, — подсказал Данила.

— Да, именно такой натуре.

— А ты точно не гей?

Данила не выдержал и пнул Скворцова под столом. Что с ним такое? Вроде раньше был нормальным человеком. Киса же только хмыкнул:

— Добровольно — нет, мне женщин хватает. И будь уверен, если я решу метнуться в противоположный лагерь, твоя задница заинтересует меня в последнюю очередь.

Вадим с минуту таращился на него, затем заново разлил водку по кружкам, чокнулся с Кисой и озвучил тост:

— За нас, мужиков!

Тот коротко кивнул и выпил все залпом, а после — снова взялся за ликер.

— Вкусный напиток. Приеду домой, заставлю своих бездельников делать такой же. И, кстати, меня веселит данное вами прозвище «Киса», но собственное имя люблю больше, поэтому зовите меня Анрир. Ваши имена я и так знаю, можете не трудиться.

Данила уныло поболтал водку в чашке, затем поставил ее на стол. Кажется, в этом царстве безумия хоть кто-то должен оставаться трезвым. И готовиться к завтрашнему дню. А до этого у них оставалось еще одно незавершенное дело.

— Анрир, насчет нашего плана, — тот слегка повернул голову, обозначая свое внимание. Заметно было, что Киса редко смотрел собеседнику в глаза, и Данила был ему за это весьма и весьма признателен: от такого взгляда хотелось бежать, прятаться, позвериному упасть на землю и оголить брюхо, лишь бы тебя не растерзал этот хищник. — Самое слабое место в этой затее — твоя внешность. В общем, мы с Вадимом подумали и решили тебя побрить. Налысо.

— Все призывники на одно лицо, — кивнул Вадим.

— Отвратительная идея. Я не стригу волосы короче определенной длины, к тому же, они ужасно медленно растут.

— Что, боишься, как Самсон, силу потерять? Патлы, как способ связи с космосом и все такое.

Анрир задумчиво посмотрел на Вадима, отчего тот смутился, поежился и пошел к холодильнику за новыми бутербродами. Да и сам Данила с удовольствием бы сейчас куда-нибудь вышел. Он ожидал разных неприятностей: споров, недоверия, драки с Кисой, но никак не того, что они споткнутся на вопросе о волосах. Сам Данила уже много лет ходил с вполне классической короткой стрижкой и ни разу не думал сменить ее.

— Патлы — как способ прикрыть уши.

Он криво улыбнулся, запустил пальцы в волосы и поднял несколько прядей справа.

Да он просто над ними издевается! Обычные уши, возможно, немного оттопырены и слегка великоваты, особенно — верхняя часть, но разводить из-за этого такую трагедию...

— Нет никакой трагедии, просто это неприятно. У вас есть какая-нибудь шапка?

Вадим кивнул и пошел в спальню — порыться в вещах Лучика, затем вернулся с тонкой черной шапкой — «чулком» и машинкой для стрижки волос.

— Ну что, пока в крови еще держится градус смелости, сбреем нахрен эту гриву?

Анрир еще раз провел пальцами по волосам, затем хмуро кивнул и вытащил свой стул

Елисей нервно нарезал круги рядом с дверью камеры Марка. Саша там уже больше часа торчит. Что можно делать столько времени?

Больная фантазия сразу же нарисовала варианты на тему «что» и «как», пришлось даже призвать на помощь систему и слегка просканировать помещение. Ничего такого там не обнаружилось: только два человека, сидящие на разных нарах. Они даже не разговаривали.

Раньше он и не знал, насколько ослепляющей и неприятной может быть ревность. Или злость на обстоятельства: ведь Сашу отпустили всего на несколько часов, и на это время у него были совсем иные планы.

— Думаю, они там предаются разврату в особо изощренной форме.

Волкову он почувствовал еще за несколько десятков метров, но до последнего надеялся, что она пройдет мимо. Не было никакого желания с ней разговаривать. Особенно — на такие темы.

— У тебя все мысли об одном. Найди себе мужика и отвянь от остальных.

— Не все так просто! — Ольга горестно вздохнула, вытащила сигарету из пачки, полюбовалась на нее с минуту, затем — запихнула обратно. — У меня тут юбилей наклеивается: пятисотый мужчина. Сам понимаешь, кого попало не возьмешь на эту должность.

Елисей закатил глаза и скептически покачал головой: у Ольги все шутки странные. Пятьсот мужчин, кому она рассказывает...

Хотя сам-то еще несколько месяцев назад только об этом и думал, и еще до ее «преображения» — все же есть в этой женщине что-то магнетическое.

— Брось клич в соцсетях: «Объявляется кастинг на почетное, пятисотое место в постели потрясающей Ольги В.! Требования к кандидатам: рост не менее метра восьмидесяти, развитая мускулатура, черные волосы и смазливая внешность». Кстати! Если наши все-таки отыщут того волка, то, в принципе, он подходит по многим параметрам. Согласись, редкий гад и...

— Зачем же нам ждать? Возможно, ты сам хочешь на это место?

Ольга сделала пару шагов и погладила Елисея по волосам. Простой жест, а у него сердце застучало в два раза быстрее и дыхание сперло. С такой притягательностью ей никакая другая Сила не нужна, можно и так вить веревки из всех встречных мужчин.

Только не из него, у Елисея есть Саша. Тоже та еще ведьма. Настоящая Моргана.

— Да брось, пока она трахает мозг Марку, мы можем заняться тем же самым, только в более классической форме.

— Ольга, не смешно! — Елисей через силу отпихнул ее и отошел на пару шагов в сторону.

— Ладно, Ромео, карауль свою Джульетту, а у меня важные дела. Неделя без секса, а достойных кандидатов на юбилейного партнера все нет.

Елисей театрально сделал «фейспалм» и покачал головой, Волкова же впихнула ему в руки связку ключей.

— Это от моей квартиры на Рубеже. Надо брать от жизни все, пока есть возможность.

— И зачем они мне?

— Окна с Сашей помоете, если на большее фантазии не хватает. И можешь считать, что на завтра у тебя выходной в конторе.

Затем она послала воздушный поцелуй и ушла. Елисей же задумчиво подкинул связку ключей. Что за необъяснимая забота об их с Сашей отношениях?

Или дело в чем-то другом?

* * *

Девчонка-менталист проторчала в его камере очень долго. Марк не мог сказать точное время, большая часть их разговора прошла в его подсознании, чтобы избежать лишней огласки. Бесстыжие камеры беспрестанно писали свой отчет для дознавателей и бульдогов.

Первый жрец не хотел делиться своими воспоминаниями, их приходилось выдирать по одному, тщательно очищать от личностных переживаний этой твари и переносить в сознание Марка. Хрупкая Саша в его воображении превратилась в чудовищную смесь девушки и паука, которая из тонких прядей сознания двух личностей ткала нечто новое, не задуманное природой.

Новые знания текли в голову Марка, буквально разрывая ее на части. Хотя, имеет ли он право носить это имя? Так звали давно погибшего мужчину из захваченного некросами мира. Его душа уже много лет как соединилась с вселенским разумом и готовилась к новому перерождению.

Но и другого имени у него не было. У него вообще ничего своего не было. Глупая поделка некросов, которую готовили только для одной цели: усыпить бдительность конторщиков, подсунуть им под нос непримиримого борца с мертвяками, в то время как другая сторона его личности будет строить храмы.

Он видел не свое прошлое и старался запомнить все, что мог. Это пригодится. Пусть только дадут возможность выбраться отсюда.

Храмов было три, точнее — уже два, один конторщики все же смогли разрушить. Невероятно много, но он чувствовал ликование Верховного, созревшего в третьем, самом большом из прибежищ. Потусторонняя сила, когда-то давшая ложную жизнь некросам сейчас была рядом, она буквально пропитывала все, помогала быстрее готовить смесь, ускоряла созревание жрецов и помогала держать открытыми Ворота.

Марк был поверхностно знаком с основами местной религии и научными достижениями, а также с тем, что в этом мире не принято было их смешивать. Но некросы и были тем самым смешением религии и науки.

Физика, биология и химия помогали им подготовить тела, идеальные ячейки для нового члена идеального общества неживых. Наука делала это тело сильным и практически бессмертным. Религия же, точнее, оставшийся где-то осколок древнего артефакта, к которому взывали жрецы, давал этой болванке жизнь. Он выхватывал из хранилища подходящую душу, более прочих пригодную к служению Тринадцати Первых и подсеял ее в тело, уже имеющее запас необходимых воспоминаний, навыков, и личностных установок.

Недаром мертвяки считают себя идеалом: человеческому ребенку нужны долгие годы, чтобы созреть, приспособиться к жизни в обществе и сформировать характер, только после этого он начинает приносить пользу обществу. Некрос же с момента рождения готов к

исполнению своей миссии в этом мире. Он не стареет, не болеет, почти не устает, не испытывает глупых привязанностей и физического влечения. Питается только смесью и ничем более. У мертвяков лишь один недостаток — они нуждаются в чужих телах для воспроизводства.

В более развитых мирах научились выращивать готовые бездушные болванки, но подготовка мозга к выращиванию в нем церебеллума отнимала слишком много ресурсов, поэтому, для большей части неживых тела по старинке выращивали на фермах.

Марк не выдержал и сплюнул на пол: видят все высшие силы, но он приложит все силы к уничтожению этих тварей.

— Это все, — Саша приняла свой привычный облик и уселась на нары напротив. Только плакат с девушкой на стене напоминал, что они по-прежнему находятся внутри иллюзии.

— Мне хватило. Твари, ненавижу их! — Марк с силой саданул кулаком по стене. И надо сказать, боль его была вполне настоящей.

— Я не смогу скрыть твое участие во всем этом от конторщиков. Уж прости.

— Я на это и не рассчитывал, — Марк посмотрел на разбитые костяшки. — Спасибо за воспоминания, дальше постараюсь сам со всем разобраться. Оставь меня в этом месте на какое-то время.

— Только недолго. Не больше пятнадцати минут твоего личного времени. Запомни, пока на стене висит плакат, ты в иллюзии.

Он кивнул, Саша же встала и вышла из камеры.

Марк еще раз задумчиво посмотрел на кровоточащие костяшки. Затем встал и, сдирая остатки кожи, нарисовал на полу птицу с расправленными крыльями. Получилась убого. Но это и не важно, важно лишь то, сработает она или нет.

После чего встал рядом с рисунком и заговорил:

— Не знаю, как положено тебе молиться. Даже имени твоего точного не знаю. Но если ты, Уводящий, слышишь меня, то отзовись. Делай что угодно, но дай мне возможность уложить перед смертью нескольких мертвяков. Это же и твой косяк, что они появились на свет.

Уводящий так и не откликнулся. Ни через минуту, ни через десять. А после со стены исчез плакат, как и рисунок с пола. Марк выругался сквозь зубы и лег на нары.

А чего он ожидал? Что древнее божество победит к нему с могущественным артефактом в руках? Глупо. С проблемами нужно справляться самому. Только самому.

* * *

Все же иногда в голову приходят весьма глупые затеи. В этом Данила убедился еще пять минут назад, ровно в тот момент, когда Анрир лениво, почти не напрягаясь, отправил его в долгий и красочный полет через половину Ольгиного двора. Приземлился Данила удачно: на сплетенную из ментальных щупалец подушку. Но вот его собственной заслуги в этом почти не было. Думается, Анрир специально все так рассчитал, чтобы ненароком не покалечить своего противника.

Что его вообще подтолкнуло вызвать Анрира на спарринг? Раненое самолюбие? Неудовлетворенное тщеславие? Все же выпитые пятьдесят грамм водки? Хотелось бы думать, что — тяга к совершенству и поиск путей для саморазвития, но это было бы полным

самообманом. Когда внутри клокочет обида и злость, не стоит искать для них красивые маски.

Надо было бы сдаться, уйти, признать свое поражение, но почему-то Данила не мог. Он раз за разом пытался напасть, нащупать-таки уязвимое место у этой машины смерти. Ничего не выходило. Только Даниле начинало казаться, что вот оно, получается, еще немного, и победа, как Анрир полностью менял свою технику и отправлял соперника в полет. Легко, играючи, словно бы огромный хищник неразумного котенка.

— Не надоело? — он ехидно улыбнулся, сделал несколько шагов в сторону, поднял с земли яблоко, вымыл его в стоящем на крыльце ведре с водой, после чего вытер и с удовольствием вгрызся.

За это время Данила попытался атаковать Анрира четыре раза! Четыре! А этот нелюдь не то чтобы не напрягся, даже не отвлекся от яблока. Он с одинаковой легкостью отбивал и обычные атаки и попытки захватить его в ментальные щупальца. В последний раз волк поймал эти сгустки энергии и снова запустил Данилу в полет.

Как? Как можно такое делать? Да ни один из известных паранормов, включая Ольгу, не может повторить такой фокус. Данила отряхнулся и сел на одно из разбросанных по двору бревен, чтобы перевести дыхания, а заодно и подумать над дальнейшей стратегией. Должно же быть и у Анрира уязвимое место, какая-то брешь в обороне, малейший изъян, за который можно зацепиться и победить.

— Лучше бы ты не швырял Данилу Сергеевича, а помог нам с некросами!

Сидящий на крыльце Вадим сделал большой глоток чая и довольно зажмурился. После чего медленно пододвинул к себе тарелку с бутербродами и взял один из них в руку. Изящный такой, с тонкими ломтиками хлеба, прозрачной колбасой и веточкой петрушки. Кажется, присутствие Анрира заставляло не только Данилу тянуться к самосовершенствованию.

Киса же пожал плечами и прислонился плечом к одному из столбов, что поддерживали крышу над крыльцом, после чего продолжил есть свое яблоко.

— Я уже говорил этим умникам, примам, повторю еще раз: некросы не та проблема, с которой вы не сможете справиться сами. Нужно просто попытаться. И сделать это всем вместе, а не искать помощи у сил, с которыми не знаете, как правильно обращаться.

— Ты ведь понимаешь, что станется с городом, если его захватят некросы? — Данила все же встал и подошел поближе к Анриру, неудобно разговаривать через половину двора. — Нет, мы не отказываемся от своих обещаний, но если в твоих силах помочь нам, хоть чем-нибудь, сделай это.

— Я могу убить некросов... не знаю... больше чем людей в твоей бригаде. Но это мелочь, по сравнению с их общим числом. Нужен другой подход. Подумайте, и решение придет. А у меня есть и свои дела, и для меня они важнее ваших.

— Ну ты же, епть, Бог смерти! Яви нам чудо! — Вадим отставил еду и сложил руки на груди.

Анрир молча доел яблоко, затем неспешно отнес огрызок в дом, наверняка, чтобы выкинуть в мусорное ведро, вернулся на улицу, прошелся по двору, взял в руки стоявший возле двери топор, повертел его и протянул Вадиму:

— Держи благословенное самим Уводящим Во Тьму оружие. Истинно верующий сможет косить им некросов, словно бы прошлогоднюю траву.

— Ты издеваешься?

Скворцов недоверчиво покрутил в руках топор. Старый, сохранившийся не иначе как со времен СССР, с потемневшим засаленным топоричем и следами ржавчины на лезвии. Добротный, проверенный годами инструмент, переколовший немало дров на своем веку. Только как он может помочь против некросов?

— Чудес не бывает. Все, что происходит в мире, есть результат чьих-то усилий. Вы просили помощи? Я пошел навстречу и дал вам оружие, как распорядиться им — уже ваши проблемы.

— Это обычный топор, — Данила отобрал у Скворцова «благословенное оружие» и поправил очки, чтобы получше все рассмотреть. — И хочу заметить, драться им неудобно. Гораздо лучше — меч или копье.

— Голова! И готовность делать что-то самому, а не ждать божественной милости, вот, что лучше!

Данила, как и Вадим, замерл на месте, не в силах ответить или прост отвести взгляд от Анрира. Речь того вливалась прямо в мозг, намертво отпечатываясь там и побуждая склониться, сжаться, уползти подальше от говорившего. Что угодно, только бы снова не прогневить господина. Данила понял, что стоит только Анриру приказать, и они сделают все, что тот захочет.

Но приказов не было. Киса забрал у них топор и без замаха всадил в один из столбов. Лезвие утонуло в нем полностью, даже не расколов, а словно бы расплавив древесину. Пару мгновений ничего не происходило, затем же из безжизненной части давно погибшей сосны полезли ветки и корни, дерево по-хозяйски ломало крыльцо и крышу, освобождаясь от их гнета, набирало высоту и толщину ствола.

— Убедились? Я не давал вам пустышку, но, чтобы им воспользоваться, нужно верить. По-настоящему. Или же пойти другим путем, научиться владеть своим телом и разумом, думать шире, чем привык, учитывая все варианты развития событий. Тогда ты сможешь сотворить чудо сам.

Анрир замолчал, после чего подпрыгнул, вытащил из дерева топор и небрежно отбросил его в сторону. Данила же потряс головой, прогоняя оцепенение.

— Ни хрена себе! Мы ж в жизни не починим это до приезда Ольги! — Вадим потер затылок и отошел на пару метров, чтобы получше рассмотреть разрушения. — Все ж говорили, что ты своей силой не можешь пользоваться.

— Я и не могу. Считай это подарком от Уводящего. Он иногда хочет собрать себе новую паству, а то за прошедшее время многие забыли о своем боге.

Киса блеснул глазами, и на краткий миг его место заняла закутанная в черное фигура с крыльями. Полетевшие доски вернулись на свое место, приросли к сосне, став ее новыми ветками. Крыльцо починилось само, только вид теперь имело весьма своеобразный. Впрочем, Данила не сомневался, что Ольге это понравится.

Вадим же перекрестился и зашептал слова какой-то молитвы.

— Похоже, чудеса все-таки случаются.

Данила подошел к дереву и потрогал шершавую, чуть смолянистую кору. До последнего момента его не отпускало ощущение, что все это не более чем галлюцинация, проделки одного из сбежавших учеников профессора Николаева или какого-то злобного духа. А может быть — шуточки давно отпущенной на свободу Лисицы? Но нет, все было взаправду: и дерево, и новое крыльцо, сплетенное из веток и корней и даже круг пожелтевшей травы под ногами у улыбающегося Анира.

— Послушай, если каждый раз, когда тебе нужно починить крыльцо, ты будешь ждать явления древнего бога смерти из другого мира, то никогда ничего не добьешься в этой жизни. Делай все своими руками, не бойся просить о помощи и тогда сам станешь легендой.

Данила постарался придать лицу достаточно почтительное выражение, но как же его задолбали эти откровения в духе статусов из соцсетей! Ольга, и та адекватнее. Легко всех поучать, когда ты — аватар того самого бога, да еще и сидящий в теле генномодифицированного бойца.

— Да брось! Я в детстве ужасным хиляком был. Намного слабее тебя. Все, что есть сейчас, — Анрир похлопал Данилу по плечу, — результат долгих тренировок. Уводящий мне помогает только тогда, когда пресекаются наши интересы. А это бывает редко. Ну ладно, расскажу одну историю. После очередной безуспешной попытки меня убить, Совет Семнадцати решил построить особую темницу, такую, из которой нельзя сбежать. Они несколько лет рыли ее в твердой скальной породе, покрывали изнутри особо прочными материалами, тренировали охранников, и так далее. Затем, все же поймали меня и запихнули туда. Ровно на один день. Собственно, после этого они и решили в следующий раз меня продать.

— И как же ты сбежал? — поинтересовался Вадим.

— О, это было элементарно. Такую масштабную стройку не так просто утаить. А местные люди живут очень бедно. Дальнейшее додумай сам.

— ..., и что, они не догадались, как ты сбежал?

— Догадались. Только вот признаться в этом публично у них не хватило духу. Проще было списать все на очередные проделки моей божественной половины.

— Ладно, не кисни, — после минутного молчания Анрир поманил Данилу на середину двора. — Я дам тебе пару уроков, из легкого, такому у нас детишек учат, пока еще есть время до моего ухода.

Глава 12. Несчастливый конец

Запыхавшаяся Саша шутливо отпихнула Елисея и укуталась в одеяло:

— Маньяк!

— Неправда, всего лишь злонамеренный киборг! — он хрипло рассмеялся и попробовал снова поцеловать Сашу, но та только отодвинулась подальше, насколько позволяло пространство разложенного дивана, и демонстративно отвернулась к стене.

— Маньяк с металлической начинкой — что может быть хуже? Спи уже. И дай мне хотя бы полчаса подремать.

— И это называется свирепая рубежная воительница? Гроза иномирных интервентов и лучшая ученица профессора Николаева? Не продержалась и нескольких часов!

— Ха-ха! Очень тонкая провокация. Рубежной воительнице завтра снова на службу и хотелось бы туда пойти, а не доползти. А вот лучшая ученица профессора может внушить тебе такой космический секс, что на нее реальную ты уже не помотришь!

— Посмотрю, я и сейчас смотрю, и всегда хочу смотреть.

Елисей обнял Сашу поверх одеяла и притянул к себе. Так приятно держать ее в руках, чувствовать ее запах, тепло тела. Пусть спит, если так хочет, он ее все равно из объятий не выпустит. Слишком долго ждал этого момента. И слишком быстро он закончится.

Саша поворочалась немного, устраиваясь поудобнее, после чего обмякла и заснула. Елисей же не хотел тратить время на отдых, благо система позволяла не спать несколько суток. Тем более какая-то мысль тревожной тенью мельтешила на краю сознания, не давала полностью расслабиться.

Почему Ольга дала ему ключи? Конечно, Волкова не такая злая и жадная, как может показаться на первый взгляд, но она никогда ничего не делает просто так. Никогда. Тогда — почему? Какой у нее интерес?

Наладить их отношения с Сашей? Это, конечно, очень мило, но далеко от действительности. Тем более, скоро их свидание закончится, и каждый вернется к своим делам.

Оставался всего один вариант: для чего-то Ольге нужно было спровадить Елисея из конторы, а то и из всего Солежа. «И где мне еще быть, если ты просил приглядывать за своим непутевым племянником?» — давняя фраза Волковой сама собой всплыла в памяти. А что если она до сих пор «приглядывает» за ним?

— Саша! Саша, проснись, пожалуйста, — Елисей тихонько потормошил свернувшуюся у него она руках девушку.

— Я еще и заснуть не успела. Что случилось?

— Ты можешь читать мысли Ольги? Зачем она нас сюда отправила?

— Нет, не могу, — Саша широко зевнула, затем села так, чтобы видеть глаза Елисея. — Я стараюсь вообще не лезть людям в голову, кроме как на службе, а Ольга даже и не человек. Поверь, в ее голове я бы не хотела оказаться.

Елисей кивнул, затем в последний раз поцеловал Сашу и начал одеваться.

— Ты куда? — сейчас девушка выглядела встревоженной и потерянной, и как никогда походила на маленькую испуганную волчицу, которую он однажды притащил к себе домой.

— В контору. Кажется, там намечается грандиозная заварушка.

— Уверен? — ее голос звучал ровно, но система снабдила Елисея поясняющими

табличками: «высокий уровень тревоги», «колебания мозговых импульсов». Неужели Саша попытается воздействовать на него своей Силой? — А что если Ольга хочет уберечь тебя от неприятностей?

— Саша, не надо, — Елисей покачал головой, девушка закусил губу и с мольбой посмотрела на него. — Ты же знаешь: я не самый беспомощный человек в конторе. Отпусти меня, прошу. Я не могу сидеть здесь, пока кто-то из моих друзей в опасности.

Злая ирония судьбы: полгода назад Елисей точно так же хотел удержать Сашу и не пустить на Рубеж. Теперь же она может завлечь его разум в паутину своих чар и против воли оставить здесь, в безопасности. Лишить свободы из самых лучших побуждений. Надо же, он только сейчас до конца понял весь смысл тогдашних Ольгиных слов: «Нужно уважать выбор человека, если он тебе дорог».

— Иди. И возвращайся. Я буду ждать.

* * *

К Вратам Елисей практически бежал. Но по пути его выловил кто-то из офицерского состава и попросил помочь с переносом груза: двое рядовых, пыхтя от усердия, тащили здоровущий металлический ящик. Система высветила вес — семьдесят шесть килограмм, тяжело, но не критично. Елисей подхватил их ношу и взвалил на плечо, после чего легко понес к Вратам. Рядовые присвистнули и пошли рядом, поудобнее перехватив оружие.

— Что там такое? — спросил Елисей после того, как они вышли в междумирье.

— Не поверишь: плазмомет! — один из его провожатых торжествующе ухмыльнулся, второй же нахмурился, явно желая сказать: «Какая разница, что внутри ящика, если его так тяжело тащить?».

— И вы его так просто несете? Без охраны?

— Мы и есть его охрана, — продолжил разговорчивый. — Тем более эта хрень сломана, но даже исправной можно пользоваться только со специальной поддерживающей установкой в комплекте. На землю не поставишь, с рук тоже не выстрелишь: отдача снесет, да и корпус очень сильно разогревается. Так что тащим эту бандуру к подберезовикам, пусть сами разбираются.

* * *

День не задался с самого утра. Илья подумал, что если прямо сейчас к нему в руки попадет еще одна бумага, которую нужно было заполнить пятнадцать минут назад, то он просто спалит ее вместе с конторой. Как только Данила со всем этим справлялся? И ведь никогда же не бегал, не суетился, чинно расхаживал по конторе, пил свой чай, и все всегда у него было заполнено и передано в другие кабинеты ровно к назначенному сроку.

Определенно, умение справляться с бумажной работой — тоже Сила. Но ничего, еще несколько дней — и Даньку вернут на прежнее место, а Илья будет по-прежнему на подхвате.

Тут еще возня с этим волчонком. Мелкий, зашуганный, бывший паркурщик, которого за простую драку отправляют на Рубеж. Только сопровождающего для него пока не получается

найти. После задержания Марка контора погрузилась в такой хаос, какого Илья еще не видел. Все бегали, суетились, проверяли оружие, за малым завещания не писали. Впрочем, не удивительно: если в городе осталось еще два Храма некросов, то времени для отдыха нет и не предвидится.

Тем более предыдущий глава Надзора погиб, а нового никак не могли назначить. Арсен же, мягко говоря, не справлялся с возложенной на него задачей. У Ильи мелькала мысль, что, поставь на место Гризли Данилу, толку было бы больше. Дружище хоть и не любил командовать, но получалось у него весьма и весьма неплохо.

Во время очередного забега по конторе Илье на глаза попался откровенно скучающий Вадим. Скворцов меланхолично мешал ложечкой кофе и разглядывал схему эвакуации при пожаре.

Ха! Вот и нашелся конвоир для волчонка.

Как ни странно, но Вадим даже не стал перечить: просто забрал все бумаги, волчонка и пошел на выход. Илья же решил все-таки позволить себе небольшой перекур и подошел к одному из окон, выходящих во двор. Так что направляющегося к машине Вадима он видел очень хорошо. Как и ждущего его Данилу. Илье показалось, что в затемненном салоне авто есть еще кто-то.

Данька задумал что-то? Вопрос — что? И кто еще может быть с ним? И почему Вадим согласился выполнить не свою работу? Илья зашвырнул окурок и поспешил вернуться в комнату отдыха.

Своей машины у него не было. Ольги или Елисея, которые периодически подвозили их с Данилой, тоже не наблюдалось. Осталась только Хейфец. Илья нервно ткнул в кнопку вызова, но Олин телефон, отозвался откуда-то из шкафа. Пришлось изрядно помотаться по конторе, пока Илья нашел Хейфец в бухгалтерии — она там пила чай и беззаботно листала каталог косметики. Женщина, что с нее взять. Илья тоже не претендовал на звание «Овчарка года», но хотя бы телефон носил с собой постоянно!

Хейфец нехотя согласилась подвезти его до Заставы, но на все вопросы о Даниле отвечала неохотно, с какой-то долей обиды. Оказывается, последний раз они с Горецким виделись вчерашним утром, и с тех пор от него ни одного звонка. И Хейфец совсем не понравилось то, что ее любимый котик бродит где-то сам по себе. Илья показалось, что она ревнует. Надо же, а ведь он всегда был уверен, что в этой паре именно Оля подставляет щеку для поцелуев. Оказывается, все не так просто. И ведь не расспросишь же! Они с Данькой до сих пор так и не помирились...

К воротам Заставы они успели первыми. Что неудивительно: Хейфец гнала так, словно бы ее преследовали все Солежские волки разом. Илья сразу же отправил Ольгу обратно в контору: не хватало еще, чтобы она светила тут своим внедорожником.

Вадим и Данила подъехали на место минут через десять. Интересно, что могло их так сильно задержать в пути? Впрочем, ответ не пришлось долго ждать: волк с ними был не тот.

Безусловно похожий, но не тот. Не зашуганный малец, трясущийся от каждого шороха, а матерый такой волчара. Знакомый волчара, вспомнить бы, где Илья его видел.

Заодно и понять, нахрена Даниле менять одного волка на другого? Ведь на Рубеж же его ведет, а не в международный аэропорт.

Илья поспешил к ним, изо всех сил сдерживая рвущийся наружу огонь. Еще не время, так нельзя, сейчас Данька все объяснит. Наверняка у друга есть причина так поступать. Очень веская..., причина обманывать контору.

— Данька, стой!

Вся эта дружная компашка остановилась и уставилась на Илью. Кажется, не будь под боком охраняемой Заставы, они бы побежали от него.

— Ты что делаешь? — стоило только подойти поближе, как Илья узнал волка. Конечно, чистый и в шапке он смотрелся немного иначе, но только у одного из встреченных им ранее людей был такой надменный взгляд.

— Илья сейчас нет времени ничего объяснять, просто поверь: это единственно правильное решение, — Данила поправил очки и встал напротив.

— В чем правильное, а, Данька? Этого перца вся контора ловила, он прикончил Упыря и чертову тучу волкодавов, ранил Йети, а ты его хочешь отправить на Рубеж вместо другого волка? Зачем? Тебе не кажется, что у нас есть руководство для принятия таких решений?

Пламя полыхало внутри и рвалось наружу, казалось, еще минута — и оно затопит все вокруг. Каждый, кто променял частичку души на Стихию, должен однажды вернуть долг. Но время Ильи еще не пришло.

— Потому что ему не место в нашем мире. Потому что нашему руководству, настоящему руководству, тому, о котором мы ничего не знаем, глубоко плевать и на город, и на все остальное...

— Ей, Умник, — Илья повернулся в сторону волка и потерял сознание.

* * *

Анрир подхватил обмякшего Илью под мышки и легко дотащил до ближайшей скамейки, после чего уложил на бок, как будто тот перебрал алкоголя и заснул.

Данила не успел вовремя его остановить: слишком быстро все произошло, зато сейчас было время все высказать:

— Ты с ума сошел? Это мой друг!

— Тогда почему он тебе не поверил? Не знаю, насколько вы дружны, но продавшийся Плазме собирался поднять тревогу и напасть на нас.

— Илья бы не стал такое делать.

— Ты плохо знаешь людей. Ради своей правды они уничтожат любого, даже самого близкого. Идем, у нас мало времени.

— Угу, — поддакнул Вадим, — и не надо забывать, что нас могут раскусить, и тогда придется пробиваться с боем. А после — осваиваться в новом прекрасном мире. Знать бы еще — в каком.

— Нас не раскусят, я хороший актер, — отмахнулся Анрир.

Вадим закатил глаза, Данила же потер переносицу, поправил очки и решительно направился вперед, ведя перед собой закованного в наручники Кису. Дальше тянуть время было опасно — если встретят еще одного человека, знающего настоящего волчонка в лицо, уже никакой актерский талант их не спасет.

Перед самыми воротами, еще до того, как их заметил стоящий на дежурстве солдат, Анрир уперся ногами, ссутулился и ухватил Данилу за руки:

— Товарищ начальник, не водите меня туда, прошу вас.

— Спятил, волчонок? Тебе, паразиту, уже приговор вынесли!

Вадим сориентировался намного быстрее: бесцеремонно отвесил Анриру подзатыльник

и толкнул его вперед. Тот обиженно захныкал и чуть ли не упал на землю.

Актер, настоящий актер! Данила до этого и не предполагал, насколько сильно может измениться человек за счет одной мимики, осанки, интонаций голоса. Сейчас Киса совсем не походил на себя обычного, скорее уж — на того самого волка, которого они и должны были доставить на рубеж. Талант, что тут скажешь.

Солдат, наблюдавший за ними из караулки, ехидно ухмыльнулся. И Данила понял, что этот вояка уже сформировал в своей голове представления о конвоируемом волке. Настроился на определенный лад. Что теперь он не станет тщательно проверять бумаги и сверять фотографию с лицом Кисы. Что пропустит их за ворота без лишних проволочек. Что весь их безумный план действительно имеет шанс осуществиться.

Вадим ухватил Кису за шиворот и потащил вперед. Как Данила и предполагал, солдат пропустил их, лишь мельком проглядев документы.

Серьезно их досматривали только за воротами, хотя и здешние солдаты не могли удержаться от шуток и подначек в адрес «волчонка»: настолько жалким и нелепым тот выглядел. Даниле даже стало не по себе, вдруг Анрир не вытерпит и набросится на кого-нибудь?

— А че это он у вас в шапке? Голова мерзнет? Эй, волчара, сними, опознанию мешает!

Анрир затравленно посмотрел на озвучившего мысль солдата и нехотя стащил шапку, покраснев от смущения. Уши сразу же потешно оттопырились в стороны, сделав облик Кисы еще боле безобидным и глупым. Служащие на Заставе бойцы расхохотались. Даже Данила не смог удержаться от улыбки, хотя и видел раньше подстриженного Анрира, но тогда он выглядел совсем иначе, и больше походил на зверя, чем на Чебурашку.

Солдат вернул Даниле документы и кивнул двоим подчиненным, чтобы те проводили конторщиков до Врат. Осталось не так много: провести Кису в другой мир, а дальше пусть сам разбирается.

Когда они переступили черту, Данила сам не заметил, как облегченно выдохнул.

— Да ты реально хороший актер! — Вадим похлопал Анрира по плечу. — Думал, не сдержишься, двинешь там кого-нибудь.

— Я не идиот: знаю, когда можно махать кулаками, а когда лучше помолчать. Тем более, это был определенно не самый неприятный момент в моей жизни.

— А этому тебе, Вадим, надо поучиться у товарища Кисы, — вернул Данила давешнюю подколку.

— У товарища Кисы вообще не грех поучиться.

Анрир кивнул, после чего надел шапку и поспешил вперед. Данила и Вадим тоже ускорили шаг. Закончить бы побыстрее с этим делом и вернуться в контору. Сегодня с самого утра Данилу терзали какие-то непонятные предчувствия. Словно бы призрачная крыса поселилась за грудиной и потихоньку грызла внутренности своими несуществующими зубами.

Да что такого может случиться? Некросы все же решат атаковать город? Маловероятно.

— Анрир, а почему примы не уничтожат некротов?

— Они пытались, тогда, когда притащили меня в город и призвали Уводящего. Только такой силой нельзя пользоваться просто так: они уничтожили один Храм и дали возможность выстроить два других. Закон равновесия в действии: если где-то что-то прибывает, то в другом месте появляется то, что это уравновесит.

— А в твоём мире тогда как?

— Уводящий был там всегда, с самого появления Атрокса. И, как ты, наверное, помнишь, я не пользуюсь его силой.

Киса нахмурился и замер перед выходом из междумирья:

— Не рассчитывайте на примов, они слабее, чем кажутся. И уж точно не захотят лезть в дела людей. Знаете, у нас принято желать что-то хорошее перед расставанием, так что желаю быть, как я. Не постоянно, конечно, только иногда, когда это бывает полезно.

— Спасибо, скромняга ты наш, — Вадим ухмыльнулся и протянул ему руку, — желаю тебе жену хорошую, умную, красивую и круглую сироту.

— И чтобы тоже считала себя самым совершенством, — поддакнул Данила. — Нет, лучше была им.

— Всегда только о такой и мечтал. Совершенному мужчине — совершенная женщина, — Киса пожал руку Вадиму, затем Даниле и повернулся к здешним воротам.

Вадим хмыкнул, взял его под локоть и потащил из междумирья. Анрир же снова преобразился в зашуганного волчонка, безвольно плетущегося рядом.

Интересно, как он собрался сбегать с Заставы? Киса весь вчерашний вечер и большую часть сегодняшнего утра изучал различные видео по паркуру. Данилу даже стало немного раздражать его постоянное: «Включи другой ролик». Ну не может человек быть настолько хитрым, расчетливым и умным в одном — и полнейшим имбецилом — в другом. Хотя, если вспомнить, как Анрир считал на пальцах...

Они мирно побрели по территории Заставы, поджидая кого-нибудь из здешнего руководства. Идти самим в штаб не хотелось: слишком много мороки с бумагами и досмотрами, а здесь все равно кто-нибудь да перехватит конторщиков с новым «мясом».

Так и случилось: буквально через пару минут их остановил рубежный офицер в чине капитана. Он проверил документы, подтолкнул Кису к двоим болтавшимся неподалеку рядовым и углубился в изучение бумаг.

Данила не понял, когда все началось. Просто в один момент оба рядовых оказались на земле, капитан упал на Вадима, а Киса с невероятной скоростью понесся к стене. Кто-то закричал, раздались выстрелы, но раньше, чем кто-то успел нормально прицелиться, Анрир уже бодро прыгал по сторожевой вышке, и наручники ему не больно-то и мешали. И надо же: ни разу не отступил от виденных им ранее движений из паркура.

Загрохотал пулемет. Но стрелки побоялись ранить своих же сослуживцев, да и угол для стрельбы был неудачным, так что все пули прошли мимо. Мгновение — и Киса скрылся за стеной. Выстрелы участились, но уже через минуту все смолкло. Сбежал — или добили?

Откуда-то со стороны штаба прибежал генерал Волков собственной персоной. Запыхавшийся капитан, успевший за это время заглянуть за ворота, поспешил к нему с отчетом:

— Разрешите доложить?

— Докладывай, — напряженный Волков поправил немного съехавшую фуражку.

— Вверенный мне новобранец сбежал в сторону неподконтрольной территории.

— Как так: сбежал? А вы для чего здесь? По пять нарядов всем!

— Быстрый очень, товарищ генерал. И живучий, гад: наши раза три в него попали, а он дальше побежал. Там под стеной все кровью залито.

— Собери отряд на поиски, а вы, — он кивнул на Данилу и Вадима, — за мной, расскажите, что там у вас за реактивные волки завелись. Первый побег на моей Заставе.

У Волкова они проторчали около часа. Как Данила и думал, поиски Кисы ничего не

дали. Он ушел, и хотелось надеяться, все же добрался до портала в свой родной мир. Вырваться из цепких лап генерал-майора получилось только благодаря упоминанию Ольги. Что бы там ни говорил Волков, но бывшую жену он уважал. И доверял ей, как никому другому.

Только оказавшись на дороге между мирами, Данила смог вздохнуть спокойно.

— Сбежал все-таки! — Вадим вытер вспотевшее лицо, кажется, он тоже перенервничал.

— Несмотря на три пули. Думаю, сейчас он бы отмахнулся и сказал: «подумаешь, несколько дырок, это был не самый неприятный момент в моей жизни!».

— А то! И знаете, Данила Сергеевич, я бы ни хрена не хотел знать, что там у него был за самый неприятный момент в жизни.

Данила кивнул, и дальше они пошли в тишине. Сейчас ему снова совершенно постыдным образом хотелось немного выпить. Затем закусить и затащить Олю в кровать. Кажется, он уже подсел на методы релаксации от пятой бригады. С этим нужно что-то делать. Впрочем, жизнь и так не давала Даниле скучать — стоило снова оказаться в родном мире, как их перехватил взмыленный солдат:

— Вы чего там так долго? У нас такое творится: контору взорвали вместе с оккупировавшими ее мертвяками, здание мэрии кто-то жажнул Б-реактором, всех наших поставили под ружье.

— Вот же...! — выругался Вадим, и Данила был с ним полностью согласен.

* * *

Двое незнакомых конторщиков и Йети зашли в камеру Марка. Волкодав дружески похлопал его по плечу, а один из незнакомых приказал собираться.

— Что случилось? — Марк не двинулся с места, все это выглядело слишком подозрительным.

— Тебя переводят на новое место.

— По чьему приказу?

Незнакомцы замаялись, Йети же продолжал нелепо улыбаться. Подозрительные ребята. И не заходят дальше порога, словно бы их сдерживает какая-то невидимая черта.

Кривоватая птица, начерченная в иллюзорной реальности.

— Вас же Верховный прислал?

— Догадался, Первый. Идем, Храмы нуждаются в твоей службе.

Один из мертвяков сделал шаг вперед и протянул Марку руку. Но и сейчас он не мог ступить на изображение птицы.

— Ненавижу всех вас! Ублюдочные мертвяки!

— Верховный предупреждал, что с тобой могут быть проблемы. Учти, либо ты идешь с нами, либо — на встречу с Уводящим. Никто не позволит оставаться среди людей тому, кто владеет таким количеством информации.

Ни одна из личностей, составлявших сознание Марка, не могла похвастаться навыками ведения боя. Лесоруб, шпион-диверсант и идейный борец с мертвяками, прошедший небольшую подготовку на Рубеже. Да, он мог потягаться с кем-нибудь из паранормов, но только за счет своей невероятной физической силы и скорости реакции.

Стоявшие перед ним мертвяки были ничуть не слабее. Шансов нет. Ни единого.

— Пусть Уводящий заберет вас туда, откуда вам не следовало возвращаться!

— Уводящему до нас не добраться.

Мертвяки молниеносно переместились по комнате, пройдя вдоль стен: двое схватили Марка за руки, третий дернул шею.

Ускользящее сознание успело зацепиться за образ летящей к нему черной птицы.

* * *

Елисей подвез солдат с «плазмометом» до конторы. Оттуда их должны были доставить до Березовой рощи. Правда, в салон металлический ящик не влез, пришлось прикручивать его сверху к багажнику, а перед этим заматывать покрывалом, чтобы скрыть все маркировки и инвентарные номера.

Возле родной конторы всю процедуру повторили заново, а так как Елисей был единственным, кто мог сравнительно легко поднимать ящик с плазмометом, все это проделал он один.

И еще система отчего-то сбоила: она периодически обводила здание красным и объявляла его объектом повышенной опасности. И тревожно подсвечивала старый приказ некроса «найти Уводящего», после под ним появилась приписка: «Не может быть исполнено». Ну не может, и не может, не велика проблема, но почему это оповещение никак не желает исчезать с внутреннего дисплея? Эх, ему бы хакера, который разбирается в этой технологии, но таких не было. По крайней мере, в этом мире. А в другой Елисей идти не решится.

Система в очередной раз загнула и оповестила, что в здании конторы находятся двадцать четыре боевых особи некросов. Двадцать четыре! Как такое возможно?! Елисей отошел от машины, сел на лавочку и запустил принудительную перезагрузку системы. Процедура не слишком приятная: на несколько минут он терял контроль над всеми имплантатами и превращался в еле двигающегося инвалида.

Солдаты кое-как дотащили брошенный возле машины плазмомет до лавочки, прислонили ящик к ней, после чего один из них пошел внутрь. Из приоткрытой двери раздались испуганные крики и приглушенные звуки ударов, словно бы кто-то бросил человека на стену.

Елисей сполз со скамейки и спрятался за ящик. Второй солдат вскинул автомат и бросился в здание.

Чертова система никак не желала грузиться, выводя из себя медленно ползущей полоской. И если ее последние данные о количестве некросов в здании верны, то все очень и очень плохо. А у него даже оружия с собой нет: пистолеты-пулеметы остались дома, в сейфе, на Рубеж-то их все равно было не пронести.

Но есть плазмомет.

Который неисправен.

Елисей повалил ящик и попытался ногой сбить замок. Естественно, ничего не вышло. Выстрелы и крики переместились куда-то вглубь здания. Можно попытаться дойти до машины и вытащить из багажника монтировку.

Несколько шагов до «Матиза», затем — обратно. И каждую секунду приходится вздрагивать от звуков: вдруг этот выстрел — «твой»? Без системы все было иначе. Хитрая

машина всегда заботилась о своем носителе, пускай и в своеобразной манере. И сейчас Елисею ее крайне не хватало.

Чертова полоска ползет слишком медленно, так мертвяки всю контору разнести успеют!

Он подцепил навесной замок монтировкой и с силой дернул. Сталь обиженно звякнула, и дужка выскочила из замка. Одновременно с этим откуда-то из окна вылетела пуля и попала в землю рядом с Елисеем. Он неуклюже упал, потом с трудом поднялся. Мышцы не слушались, без поддержки имплантов конечности казались неподъемными и одеревеневшими, а предательница-система все никак не хотела грузиться.

В ящике не было никакого оружия, только разрозненные запчасти и метры проволоки. И отдельно — небольшой ярко-желтый шар, замотанный в несколько слоев похожего на фольгу материалы.

Снова выстрелы и крики. И проклятый индикатор застыл на отметке «99 %», совершенно не желая двигаться вперед.

Легкий, едва уловимый щелчок, заставивший дернуться, как от удара током, и имплантаты пришли в работу, сразу же взяв на себя управление напичканными металлом конечностями.

Замелькали окна с задачами, система посетовала на все еще не дотягивающую до необходимого уровня физическую форму Елисея и то, что незнакомый Уводящий находится вне пределов досягаемости. Затем поочередно обвела зеленым все запчасти плазмомета. Обозначила его как «штурмовое ружье малой дальности PG-1050, снабженное плазменным зарядом». После секундных раздумий система добавила: «не предназначено для использования без экзоскелета или специальных опор, возможно причинение серьезного вреда здоровью. Необходимо использование специальных средств защиты для органов зрения».

— Спасибо за совет, очень своевременно, — хмыкнул Елисей и начал споро собирать плазмомет, руководствуясь подсказками системы.

В собранном виде держать эту бандуру было все равно неудобно, но тут уж что поделать: экзоскелет в комплект с ней не входил, как и специальные средства защиты. Придется обходиться подручными материалами.

Елисей вытащил из машины покрывало, закрывающее заднее сидение. Разноцветный кусок ткани достался ему вместе с «Матизом», и, надо сказать «спасибо» собственной лени, что за все это время руки так и не дошли отнести его на мусорку. Елисей разорвал покрывало на несколько частей и замотал корпус плазмомета, в тех местах, где детали механизма гипотетически будут соприкасаться с телом — какая-никакая, а теплоизоляция.

Затем взял оружие в руки и побежал в сторону конторы. Без железного ящика плазмомет весил немногим более пятидесяти килограмм, так что нести его было не слишком тяжело. Оставалось надеяться, что в бою от него будет польза не только как от полуцентнеровой металлической дубины.

Внутри здания было пусто. Похоже, пока он перезагружал систему и собирал плазмомет, все остальные либо попрятались, либо уже валяются где-то в виде остывающих трупов.

Что за идиот! Мог бы догадаться, что это не глюки системы, а реальная угроза! Но как можно было ожидать, что мертвяки нападут на контору? Такое даже в самом кошмарном сне не привидится!

Дорогу ему перегородил Йети. Живой и здоровый Йети. Тот самый Йети, которому четыре дня назад чокнутый волк распорол живот. Елисей незаметно переместил руки к небольшому углублению на корпусе плазмомета, предназначенному для одиночного выстрела. Был там еще режим самоуничтожения со взрывом, но эту функцию хотелось бы приберечь на самый крайний случай.

— Привет, Принц! Ты чего такой растрепанный?

Система обвела контур фигуры волкодава оранжевым цветом, затем высветила табличку «боевая особь некросов». Ожидаемо. Но как же неприятно...

От дула плазмомета медленно, почти сонно отделился ослепительно белый снаряд и устремился в сторону мертвяка, занявшего тело Йети. Руки дернуло неожиданно сильной отдачей. Подконтрольное системе восприятие снова шалило, словно бы замедлив время. Кажется, Йети успел заметить заряд плазмы, попытался увернуться, трансформируясь на ходу, но сгусток разогретого до невероятных температур вещества настиг его раньше. Тело мертвяка обуглилось и осыпалось на пол кучей пепла и небольшими обломками почерневших костей. На Елисея пахнуло жаром и гарью, ладони словно ошпарило кипятком, несмотря на закрывающее корпус плазмомета покрывало. Долго из этой штуки не постреляешь: система и так обиженно пищала, принудительно охлаждая кожу рук, чтобы уберечь ее от ожогов.

Впрочем, много стрелять ему и не нужно: хватит и двадцати трех раз.

Елисей уже бежал дальше, пытаясь избавиться от мелькавших перед глазами белых точек. Похожее случается, когда случайно посмотришь на сварочную дугу. Хотя, судя по пометкам системы, температура заряда плазмы была немногим меньше.

Его техногенная помощница продолжала сканировать здание, вычисляя местоположение мертвяков. Еще девятнадцать. Контора — не то место, где может безнаказанно гулять всякая нечисть. Однако же и сражаться с ними на равных мало у кого получится.

Елисей запустил повторное сканирование и побежал в сторону ближайшего к нему мертвяка. Как назло, пятеро из них столпились где-то в районе кабинета главы Надзора, а с такой силой не хочется встречаться в одиночестве. Даже если в твоих руках долбаный плазмомет, словно бы сошедший со страниц фантастического романа.

Мертвяк обнаружился в бухгалтерии, он раздевал одну из девочек, кажется, Киру. Впрочем, той уже давно было все равно. В комнате не было ни одного живого человека, только шесть бездыханных трупов, три из которых некрос уже успел раздеть, взвалить на столы и покрыть кожу порезами, складывающимися в замысловатый узор. Жутковатое зрелище. Тошнотворное, противоестественное. А после того, как к ним на пол свалился обгорелый труп некроса, бывший уютный уголок цифр и чаепития превратился в крохотный филиал ада.

Елисей выругался и бросил плазмомет на стол — проклятущее оружие в этот раз обожгло руки гораздо сильнее. Если так и дальше пойдет, то после следующего выстрела кожа на ладонях и пальцах пойдет волдырями. Особенно — на левой, придерживающей корпус.

Система обвела бездыханные тела оранжевым цветом и высветила предупреждение: «Необходимо уничтожить потенциальные вместилища боевых особей некросов».

Легко сказать — уничтожить. Чем? Снова стрелять? Хотелось бы немного побережь свое здоровье и заряд для по-настоящему опасных целей. Нет, нужно что-то другое...

Например — здоровенная металлическая напольная ваза. Непонятно кем и для чего принесенная, ведь подходящих для нее букетов в бухгалтерии не водилось никогда. Один удар такой, и головной мозг вместе с черепом превратится в месиво, в котором даже Верховный жрец не сможет вырастить церебеллум. Елисей поднял вазу с пола, замахнулся и... замер. Это же Кира, та самая, с которой он два дня назад ругался за поцарапанное крыло «Матиза», а еще на день раньше — за недополученную надбавку за ночное дежурство. И остальных он тоже очень хорошо знал. Ведь это обычные люди, женщины, каждую из которых ждут с работы родные.

Уже не дождутся.

И даже похоронить нормально не смогут — только в закрытых гробах.

Нужно успокоиться. Им уже все равно, зато восставшие некросы способны нанести немало вреда. В том числе — и семьям этих самых женщин.

Раздавшиеся в двадцати метрах выстрелы выдернули Елисея из ступора. Иногда, ради всего хорошего, приходится совершать весьма гадкие поступки.

Через тридцать четыре секунды Елисей бежал по коридору — он успел как раз в тот момент, когда двое мертвяков пытались прикончить Арсена. Два выстрела, и нестерпимая боль в ладонях. Система впрыснула в кровь обезболивающий состав и усилила регенерацию кожи, но Елисею все равно захотелось отбросить проклятуший плазмомет и подуть на обожженные ладони и пальцы, а еще лучше — запихнуть их под струю холодной воды. Только делать этого никак нельзя — система предупреждающе замигала, нарисовав на воображаемой карте сразу пятерку спешащих к нему мертвяков.

Чуть в стороне стонал Арсен, его, и так еле живого, еще и зацепило самым краем плазменного заряда. Стонет, это хорошо — значит, еще жив. Если загнется, нужно будет отвлечься и размозжить ему голову, не хочется иметь у себя под боком потенциального некроса.

Теперь сделать шаг к стене, так, чтобы оказаться к ней спиной и прицелить направо: именно с этой стороны быстрее всего приближались мертвяки.

Два выстрела, ударивших отдачей и низким, на грани слышимости, звуком. И болью. Система тревожно завопила и обвела область пальцев и ладоней красным цветом, требуя немедленно прекратить воздействие повреждающего фактора, иначе можно нанести непоправимый вред здоровью.

Весьма своевременный совет, особенно если учесть, что с другой стороны приближались трое некросов. А за ними — еще двое. Одного из которых система обозначила как жреца четвертой ступени. Сильнее этой твари — только верховный.

Пять выстрелов. Всего лишь пять, затем можно будет отбросить долбаный огнемет и дать рукам хоть немного восстановиться. Если к этому моменту от них останется что-то кроме покрытых металлом костей и золоченой проволоки, протянутой под кожей.

Система оповестила о приближении первого из мертвяков, и Елисей выстрелил в угол стены. Большую часть заряда приняла на себя кирпичная кладка, но и оставшегося хватило на то, чтобы серьезно обжечь противника. Отдача ощутимо ударила по плечу, левую руку хотелось отрезать, лишь бы не чувствовать боль. Несколько шагов вперед, ударить ногой по голове продолжавшего трепыхаться мертвяка, и выстрелить по второму подбежавшему. Затем — сразу по третьему.

Покрывало обуглилось, и его пришлось выбросить. Главное — не смотреть на руки, иначе от паники не сможешь больше стрелять. Не удержишь в руках проклятое оружие.

Корпус плазмомета раскалился настолько, что начал краснеть. Система верещала, как ненормальная, требуя отложить оружие. Как будто у Елисея есть выбор. Он уже пробовал один раз сражаться с боевой особью некросов, а взаимоуничтожиться хотелось бы с как можно большим числом противников.

Боль была адская, система пыталась ее глушить, но от этого у Елисея плыло сознание, и только усилиями иномирной техники он все еще оставался на ногах.

Оставшиеся два приближались нарочито медленно, словно бы хотели дать Елисею время подготовиться к этой встрече. Точнее — системе. Тупая железка мигнула зеленым, заставила его отбросить плазмомет и встать на колени.

Как? Он же не слышал код!

Жрец медленно показался из-за угла, ведя за руку подростка лет тринадцати. Точнее — даже не жрец, а жрица. Самое страшное — Елисей прекрасно знал их обоих — старые отцовские друзья, женщина руководила УНО, а подросток был ее сыном. Не слишком-то передалась им память носителей: жрица превратила ребенка своего носителя в боевую особь. Даже не рабочую, у тех хотя бы срок службы немного дольше.

— Здравствуй, имус. Кажется, мой брелок хорошо сработал, — мертвяк, — даже в мыслях у Елисея не получалось назвать его именем прежней хозяйки, — помахал перед его носом небольшой пластиковой штуковиной, больше похожей на пульт от автомобильной сигнализации.

— Приветствую временного хозяина.

— Верховный недоволен твоей службой. Где Уводящий?

— Данный объект находится вне зоны досягаемости.

— Мы опечалены твоими словами. Надо было стараться лучше. Подбери оружие.

Они показала пальцем на валявшийся на земле плазмомет, и «сынок» с готовностью подхватил его, несмотря на то, что раскрасневшийся корпус все еще мог обжечь до костей. Но мертвяку было плевать на боль. Или он тоже не мог послушаться команд от церебеллума? Как и Елисей — приказов системы.

Тупая механическая гадость! Из-за нее он, как полный идиот, стоит на коленях перед мертвяком и ждет его решения. Если уж подыхать, так хоть в бою, хоть попытаться защитить свою жизнь.

— Ты — бесполезный балласт, уничтожь управляющую систему. Если выживешь, возможно, сможешь занять место в нашем обществе, или станешь смесью. Пока что мы не можем рационально использовать твое тело.

Смысл ее слов не сразу дошел до Елисея: напичканный гормонами мозг не желал работать четко. Уничтожить? Как? Что?

Перед глазами побежали ползунки стираемых программ. Боль вернулась с утроенной силой, хотелось орать и биться об пол. Странно, но через секунду он смог повалиться на пол и даже закричать в спину медленно удаляющихся мертвяков. На большее его не хватило — без имплантатов и системы он был беспомощен.

* * *

Странное посмертие: ни беспощадного адского пекла, ни беспечной легкости рая — одна бесконечная дорога от дома настоящего Марка к городу. Ну и дьявол с ней. Что бы ни

ждало в конце, по этой дороге нужно пройти, лишь об одном он жалел: так и не смог забрать с собой никого из мертвяков. Проклятые твари, противоречащие всем законам природы!

— Полностью с тобой согласен, — рядом с Марком появилась темная, закутанная в плотный плащ фигура, похожая одновременно и на человека, и на огромную птицу со сложенными крыльями.

— Уводящий?

Его спутник едва различимо хмыкнул, подтверждая слова Марка.

— Так это из-за тебя они и появились на свет!

— Ошибаешься, некросов породили вы сами. Человеческая жадность и нежелание принимать малейшие ограничения. Но ничего не делается просто так, во всем должно быть равновесие.

— И что же уравнивает мертвяков? — Марк остановился и повернулся к Уводящему. Он не сойдет с дороги, пока не получит ответ на свой вопрос.

— Люди. Вас так же много, и в ваших силах справиться с этой заразой, пока число некросов не перешагнуло определенный предел.

— А если перешагнет, тогда что? Кто их остановит?

— Возможно — я, возможно — никто, и все человечество перейдет на другой уровень бытия. Будущее — слишком зыбкая субстанция, чтобы говорить о нем уверенно.

— А разве это не твоя забота — защищать людей?

Человек-птица замер и, склонив голову набок, посмотрел на Марка. Лица его не было видно, но взгляд прожигал, казалось, до самых потаенных участков души.

— Люди сами чуть не уничтожили меня. И продолжают медленно убивать, лишая последних жрецов и разрушая мои храмы. За пять тысяч лет все позабыли об Уводящем Во Тьму и Приводящем В Свет, отчего же я должен заботиться о них?

— Как будто ты пытался! — Марк, не помня себя от гнева, подбежал к Уводящему и схватил того за полы плаща. Руки обожгло могильным холодом, но Марк так и не разжал пальцы. — Мертвяки уничтожили мой мир, раскинули свои сети в этом, миллионы людей погибают от их рук, а ты ноешь, что тебя забыли? Много ли ты сделал, чтобы тебя помнили? Я ведь звал, начертил птицу...

— А сильна ли твоя вера, Марк? Готов ли ты пожертвовать своей душой ради возможности служить мне? — Уводящий был по-прежнему спокоен, даже не пошевелился, но пейзаж вокруг них изменился: Марк вдруг понял, что они стоят или, скорее, висят, посреди бескрайнего космоса, опираясь лишь на призрачную полупрозрачную тропку под их ногами.

— Не вера, так ярость моя сильна достаточно, чтобы продать душу любому, кто пообещает мне помочь разобраться с мертвяками!

— Я могу вернуть тебя в тот мир, но и живым ты не станешь. Есть законы, которые нельзя менять. И только на короткий срок.

— Согласен!

Марк сжал кулаки и сделал шаг вперед. Он и не рассчитывал жить вечно, а так появится шанс отомстить мертвякам.

— Я оставил там оружие. Найди его.

Уводящий ухватил Марка за горло, поднял над светящейся дорогой и резко отпустил вниз.

Скоротечное падение, чувство удара о землю, и охватившая все вокруг ярко-синяя

вспышка.

Марк лежал на полу, рядом пристроился один из мертвяков, сосредоточенно царапающий его тело острым ножом. Боли не было, да Марк уже и стал забывать, какого это — ее чувствовать. Тела некротов не способны к подобным ощущениям, только небольшой дискомфорт, намекающий, что пора прекратить некое травмирующее воздействие. Но вместе с болью ушла и радость от еды, выпивки, прикосновений к другому человеку. Невысокая цена для того, чьи мысли полностью контролирует Верховный, а единственное желание — служить делу не-живых.

Мир изменился. В нем больше не было привычных красок, одни лишь оттенки серого и энергетические линии, пронзающие все наподобие нервной или кровеносной системы. В теле мертвяка они брали свое начало от головного мозга и позвоночника. Как раз оттуда, откуда рос cerebellum. Еще Марк видел душу. Второе тело, тонкое и едва различимое, словно наслаивающееся на физическую оболочку. Но у мертвяка она выглядела чужеродной, искаленной, больной. Марку казалось, что он видит грубые массивные куски темной энергии, соединяющие душу и тело. Нужно разорвать их, вернуть обе части мертвяка к их естественному состоянию.

Один удар по солнечному сплетению некрота — и тот отлетел к стене медленно истлевающим куском плоти. Марк же почувствовал невероятную боль и онемение в правой руке. И внешне она тоже изменилась: кожа потемнела и начала гнить. Словно, открывая дверь в потусторонний мир, Марк и сам частично проваливался в него. Так вот почему Уводящий советовал пользоваться оружием. Знать бы, где найти это оружие и как оно выглядит.

Ненадолго, говоришь? Ну-ну. Неважно, сколько ты проживешь, важно, что успеешь сделать за это время. И унести с собой в загробный мир пару десятков мертвяков — не так уж мало для их же искусственной поделки.

Марк закрыл глаза и попытался сконцентрироваться на окружающем мире. Он чувствовал всех мертвяков в здании. Более того, их присутствие причиняло ему сравнимую с физической боль, подталкивало подняться с места, бежать, нападать, рвать на части и уничтожать, стереть все следы их существования в мире живых. Одиннадцать порождений запретной магии. Не так уж и много для одного борца с нежитью.

И всего двое живых людей на всю контору. Почему так мало? Марку хотелось верить, что остальные успели сбежать. Он так и не сблизился ни с кем из местных, но сейчас ему было не по себе. Марку показалось, что и мертвяки его почувствовали, иначе как можно объяснить, что они сорвались со своих мест и побежали в его сторону? Что ж, будет довольно символично дважды умереть на одном и том же месте.

Марк встал на пороге камеры и замер, прислушиваясь к своим ощущениям. Спешащие мертвяки неожиданно снизили темп и пропустили вперед своего предводителя. Жрец четвертой ступени. Впрочем, сейчас это говорило только об одном — уничтожить эту тварь будет сложнее, чем всех остальных, вместе взятых.

Не прошло и минуты, как из-за угла коридора вышла женщина в строгом деловом костюме, а следом за ней плелся мальчишка со странным оружием на плече.

— Здравствуй, Марк. Ты снова преподнес нам сюрприз. Признаться, ты — самое удивительное из наших творений.

— Я не ваше творение. Каждая душа свободна и вольна сама выбирать свой путь.

Дьявол его задери, какая пафосная вышла фразочка! Жрец тоже не оценил его

высказывания и издевательски рассмеялся. Со стороны это выглядело донельзя фальшиво и глупо, но проявление эмоций никогда не было сильной стороной мертвяков.

— Это была забавная шутка. В этом мире никто не свободен, все, что мы можем выбирать — хозяина, которому продадимся в рабство. А твой новый хозяин давно мертв.

— Не рано ли вы хороните того, кто сторожит границу загробного мира?

Мертвяки, как один, вытаращились на стоящее за спиной Марка божество, но даже не попытались ничего предпринять.

— Однажды равновесие восстановится. И я приложу к этому все силы.

Уводящий махнул рукой, и помещение заволок синий туман. Некросы падали на пол и бились, запутавшись в его щупальцах, как в паутине.

— Это был единственный раз, когда я смог тебе помочь, — человек-птица медленно обошел вокруг Марка и встал прямо напротив. — Дальше только сам. И помни: пути продержат мертвецов всего пару минут. Придумай, как обеспечить их встречу со мной.

После чего черный силуэт растворился в тумане, оставив Марка наедине с копошащимися мертвяками. Уничтожить? Интересно, как. Да еще и меньше, чем за две минуты. С помощью его вновь обретенной силы это так быстро не провернуть.

Марк подошел к мертвяку, занимавшему тело подростка и вырвал у того из рук оружие. Жаль, инструкции по правильному использованию к нему не прилагалось.

Да что там хитрого, сам разберется! Тем более, на корпусе всего две кнопки с непонятными символами. Память, доставшаяся ему от некрота, неожиданно проснулась и подсунула переводы надписей: «ОВ» и «РС». «Одиночный выстрел» и «Режим самоуничтожения». Помолвившись Уводящему, Марк нажал кнопку «РС», положил оружие на пол поближе к жрецу и побежал по коридору — ему еще нужно успеть вытащить отсюда двоих выживших, благо те находились недалеко друг от друга.

* * *

Илья не думал, что когда-нибудь увидит такой взрыв. Точнее — он предполагал устроить такое, однажды, в самую последнюю секунду своей жизни. Но, как оказалось, нашелся и другой умник, решивший призвать в мир воплощенную Плазму.

Жахнуло знатно. В стоящем рядом с конторой здании банка вылетели все стекла, а сигнализации припаркованных неподалеку машин теперь обиженно вопили на разные голоса. Оля и Алиса продолжали лежать на земле, ровно там, куда их повалил Илья, закрыв сверху своим телом. Но ругались девочки безбожно, и это хорошо, значит, с ними все в порядке. Знать бы еще, что случилось с остальными служащими конторы. Илья видел и других беглецов, но не так много. Люди до последнего отказывались верить, что в самом сердце Надзора могли проникнуть некроты. Он и сам не верил. Но это случилось, и когда перед ним встал выбор, положить ли остатки своей бригады в бесплотной борьбе или отступить, Илья предпочел второй вариант.

Не самый лучший поступок в его жизни, но хотелось думать — правильный. Они втроем все равно не смогли бы ничего сделать. Только героически погибнуть, подарив мертвякам три новых тела. А на свободе появлялся шанс дожидаться прихода помощи из Роши или из ближайшей Заставы. Но, к счастью, в конторе нашелся достаточно безумный носитель Плазмы, показавший мертвякам ту самую кузькину мать.

— Ничего себе, как рвануло, — Алиса почти кричала, невольно массируя уши.

— Да! — в тон ей ответил Илья.

— Таки я не помню там еще одного носителя, — Хейфец поднялась с земли и теперь пыталась оттереть от грязи белоснежный костюм.

— Это я сделал.

Илья выругался и с трудом удержал себя от того, чтобы не начать креститься. Рядом с ними стоял некто похожий на Марка, труп которого Илья мельком видел перед самым побегом из конторы.

Если рядом с вами воскресают умершие, это не повод бежать в церковь и молиться. Лучше всего в такой ситуации поможет хорошая порция очищающего пламени. На ладонях Ильи вспыхнули два огонька, но атаковать он не спешил: на плечах у Марка безвольно болтались два покрытых копотью тела.

— Звоните в скорую, иначе этим двоим точно конец. Жизнь в них еле теплится.

Произнеся это, бывший покойник свалил под ноги Илье Елисея и Арсена.

— Ох! — Алиса испуганно зажала рот руками, Хейфец же вытащила телефон и дрожащими пальцами провела по экрану.

Еще Илья понял, что так сильно смущало его во внешности Марка: у него появились волосы, длинные, ниже плеч и с неестественно синей прядью возле левого виска.

* * *

Вчера Петр бессовестно напился. Непростая задача для носителя Хаоса, но он старался. Поэтому все его планы на секс с Лелей или разговор с Веркой отложились на некоторое, скорее всего — послеобеденное время. Но хренов телефон не дал как следует выспаться. Пиликал и пиликал. Кому там неймется?

На экране высветилось: «Шеф». Что? Виктор? Что ему понадобилось в такую рань? А да, уже не рань, уже четверть двенадцатого. Славно он вчера отдохнул.

Да похрен. Петр сбросил вызов и завалился на кровать. Поговорит с лидером чуть позже. Тем более, в таком состоянии слушать никого не хотелось, хотелось ругаться. А лучше — подраться с кем-нибудь. Если сможет оторвать голову от подушки, конечно.

Через минуту на телефон пришла смс: «Приходи ко мне в кабинет, срочно». Следом еще одна: «ты..., еще спишь???».

Как его только из больницы выпустили? Могли бы и оставить на недельку. Но раз Виктор здесь, надо идти к нему. Петр сделал несколько жадных глотков из стоявшей возле кровати бутылки с пивом и поплелся в кабинет лидера. Даже умываться не стал — санузлы расположены в другой части здания, а сил на такой крюк у него не было. Придется высокому начальству как-то потерпеть его внешний вид. Но ничего, переживет.

В кабинете были только Верка с Генкой и неуклюже завалившийся в кресле Виктор. Петр поздоровался и по примеру Кисы нагло уселся на парту.

— Собрались, сволочи.

Вот тебе и «здравствуйте», Виктор сегодня мил. Даже трудности с произношением звуков играли на него: предавали голосу нечто зловещее, потустороннее.

Петр потряс головой и фыркнул: пить надо меньше. Ничего сверхъестественного в Викторе нет, обычный больной человек.

— Кто вам позволил отпускать этого ушлепка?

— С чего ты взял, что это мы? — Генка вытащил из кармана шоколадный батончик и жадно в него вгрызся.

— А кто еще? Надзор? Эти тупни не знают о нашем местонахождении.

— Угу, — Генка невозмутимо продолжал жевать, — я тоже так думал. Пока они меня не схватили.

— А ты, рыбка моя, что скажешь? — Виктор обратился к Верке.

Пару секунд она молчала и кусала губы, затем разрыдалась.

— Давай, признавайся, не заставляй меня спрашивать по-особенному.

Петр скривился. Все знали его особенные способы. Хренов садист. Бездна ему последние мозги разрушила, раз он начал пытаться своих ближайших сторонников.

— Ну? Подойди ко мне, рыбка.

Верка затряслась, но все же побрела к нему. Петра затошнило от выпивки, от этой ситуации, от дебильной реакции Верки на приказ. Виктор им сейчас ничего сделать не может, не действует Бездна на расстоянии, а девка покорно плетется к нему для порки. Овца, она овца и есть.

— Уйди, дура!

Петр пихнул Верку себе за спину и подошел к Виктору:

— Совсем уже охренел? Не отрывайся на блаженной девке! Хочешь знать, кто помог сбежать Анриру? Так слушай: это сделал я. Один. Потому что наши враги сидят в своих защищенных дворцах, а не ходят по улицам города. И я не настолько чокнулся, чтобы уничтожать всех жителей ради того, чтобы нагадить примам. Да они сбросят на Солеж бомбу и не почешутся. И с этим психом Анриром я тоже не хочу дел иметь. И знаешь, Витенька, если начнется битва с некросами, то я предпочту встать в один ряд с конторщиками, чем остаться в стороне или помогать мертвякам.

— Все сказал? — Виктор с трудом выпрямился и уставился на Петра.

— Нет, не все. Вздумаешь еще раз обидеть Верку, будешь иметь дело со мной. И пускай один из нас точно содохнет, но и второму достанется неслабо.

— Хорошо. Я запомню твои слова.

Виктор положил здоровую руку на стол, и дерево стало исчезать под действием его Силы, затем Бездна перекинулась на пол и поползла в их сторону. Петр зашвырнул Верку в коридор и отпрыгнул в сторону, но Стихия не его выбрала своей целью.

— Найди Вендетту. Очень интересный человек. И береги Верку.

Мысленное послание от Генки донеслось уже после того, как жадные языки не-бытия начали пожирать Профессора. Петр не выдержал и зажмурил глаза, настолько отвратительным выглядело зрелище исчезающего на глазах человека. Даже способности Ольги на фоне этого не выглядели так ужасно.

Через несколько десятков секунд на месте Генки осталась только дыра в полу, открывающая вид на первый этаж.

— Ну что, надеюсь, с диссидентским движением покончено, и мы можем снова работать спокойно. И не дергайтесь, власть в городе уже не в мертвячьих руках, нет смысла им помогать.

Несколько дней спустя...

— Апокалипсис отменяется? — Данила затащил в комнату коробку с вещами и поставил ее на один из столов.

Прежнее здание конторы выгорело дотла, и всех сотрудников переселили в другое, находящееся чуть ближе к центру города. Один из бывших ДК, так что комнаты здесь были странных форм и размеров, зато имелся огромный зал. Новому главе Надзора будет очень удобно проводить в нем всякие собрания и планерки. Знать бы, кого назначат на эту должность.

Чужое и неудобное место, с непривычной, давящей атмосферой. Но могут ли стены помешать воину исполнить свой долг? Нужно просто собраться и работать дальше, благо Данилу наконец восстановили на службе. Правда, в должности старшего сотрудника, Илью же официально назначили начальником пятой бригады. Друг бесился и нервничал, но отказаться от должности не мог.

Друг ли? После всех этих событий, скорее — просто коллега. Но Данила был ему благодарен за то, что не сдал начальству. Хотя первое время после побега Кисы он и сидел на чемоданах, ждал, что за ним придут и заберут на Рубеж.

— Скорее уж отложили, — Ольга шумно вздохнула и уселась в продавленное кресло возле окна. — Где-то в городе остался еще один Храм, и надо бы его поскорее найти.

— Взрыв в мэрии — твоих рук дело? — Данила сел напротив нее и сложил руки на груди.

— Ну как вам сказать..., - Ольга бесцеремонно вытащила сигареты и закурила, — по большей части — моих. Только не надо читать нотаций на тему гибели мирных граждан.

— Я и не собирался. Просто надеюсь, что жертвы того стоили.

Ольга поморщилась и отложила сигарету.

— Все, решила бросить курить. Надо хоть что-то делать правильно. На мне и так слишком много грехов.

— Брось, Елисей не из-за тебя пострадал.

— Нет. Но это был мой просчет, — Ольга дернула углом рта, и Даниле показалось, что она готова расплакаться. Впервые он видел Кровавую Смерть в таком состоянии. — Я обещала Савве за ним приглядывать и не смогла просчитать, что Принц бросит Сашу и примчится в контору.

— Елисей многих спас. И знаешь, нельзя все контролировать.

Даниле захотелось подойти и обнять Ольгу, но он опасался, что только сильнее расстроит ее.

— Всех спасти должен был Марк, долбаный мрачный жрец. Раз уж у него не хватило ума пойти с мертвяками и выведать все об их Храмах. Мы и на мэрию вышли только потому, что следили за ним. А он взял и трагически сдох. Придурок.

Ольгу буквально трясло, как от озноба. Данила отобрал у нее зажигалку, поджег сигарету и протянул обратно.

— В другой раз бросишь. И прекрати убиваться, Елисей еще жив, а капитал Волконских поможет ему выкарабкаться.

— Да ни х... он не поможет! Вы его видели? За пару часов из крутого паранорма

превратился в инвалида без обеих рук. Он такое не переживет, сломается, не тот склад характера.

— Модификаты, качественные протезы, штат психологов...

— Только не надо про психологов! Знаете, все эти рассказы, как прекрасно жить без руки и ноги, и как тебя любят родственники... Даже не напоминайте.

Данила снял очки и принялся их полировать. Ольга же замолчала, словно бы выболтала нечто личное. Наверное, у каждого есть эпизоды в биографии, которые хочется забыть.

— Здесь находится рабочий кабинет пятой бригады? — в открывшуюся дверь неспешно зашел молодой мужчина лет тридцати, больше всего похожий на ожившую античную статую.

— Да. Данила Горецкий, нач... старший сотрудник пятой бригады, чем могу быть полезен? — Данила поднялся с места и протянул мужчине руку, Ольга же словно выпала в какой-то другой мир и никак не реагировала на происходящее.

— Лев Фарин. С сегодняшнего дня и до полного уничтожения поселившихся в Солеже некросов, я ваш внештатный консультант.

— Могу я проверить ваши документы?

— Да, конечно.

Лев улыбнулся и протянул Даниле бумаги. Все печати были на своих местах, подписи, как и бланки, не похожи на поддельные, так что придраться не к чему. Откуда он только взялся, этот консультант?

— Почему же вас раньше не прислали, такого бесценного помощника?

— Руководство недооценило степень угрозы, а сейчас многие ясно видят, что победа над мертвяками целиком и полностью зависит от нашего сотрудничества с работниками конторы.

— Почему именно наша бригада? — Лев казался Даниле весьма и весьма подозрительным типом. Консультант по некросам? Откуда? Неужто подберезовики решили расщедриться на одного из своих ученых? Но он мало походил на ботаника, скорее уж — на волкодава. — И в документах не указан уровень ваших УДЕ.

— Поверьте, о моей безопасности вам беспокоиться не стоит, — Лев почти дружелюбно улыбнулся и вытащил из-за пазухи сложенный вчетверо лист. — Насчет вашего первого вопроса. Скажем так, я получил хорошие рекомендации от одного из наших общих знакомых.

Он протянул Даниле лист, точнее — целых три сложенных вместе листа.

На первом был изображен развалившийся на троне Киса, со съехавшей набок короной. Он довольно улыбался и салютовал Даниле бутылкой «Ирландских сливок». Вот же демон! Все-таки выпутался из всей этой истории.

Со второго на Данилу угрюмо пялился темный лис с небольшим шрамом возле левого виска. Вроде бы нарисован несколькими линиями, а кажется живым, вот она — магия искусства.

На третьем Данилу насилывал какой-то тип со зверской рожей. Сам же он сжимал в руках меч и явно замышлял что-то не доброе.

Вот же...

— А пояснений к этим рисункам нет? — Данила быстро сложил рисунки, пока их не увидел кто-нибудь из бригады.

— Нет, — Лев улыбнулся и сел на ближайший стул. — Думаю, и сам во всем

разберешься. Хотя до меня далеко не сразу дошел смысл оставленных мне посланий. А здесь скорее намек, что даже если жизнь поставила тебя раком, не стоит так просто сдаваться.

Конец первой части.

Больше книг на сайте - Knigoed.net